

Керберабаев

3

Берды Кербабаев

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Редакционная коллегия:

*Акмамедов О., Аннасахатов С.,
Карпов П., Курбансахатов К.,
Маталов Ч., Рыбин В.,
Степанова Е., Тангрыбердыев Х.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТУРКМЕНИСТАН»

А ш х а б а д 1971

Берды Кербабаев

ТОМ ТРЕТИЙ

СТИХИ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТУРКМЕНИСТАН»

Ашхабад 1971

КЕРБАБАЕВ БЕРДЫ

Избранные произведения. В 6-ти т. Ашхабад,
«Туркменистан», 1971.

Т. 3. Стихи и поэмы.

В этот том вошли стихотворения, написанные Б. Кербабаевым в разные годы и переведенные на русский язык, а также его поэмы «Весеннею порой» и «Высохшие губы» в переводе А. Кленова, «Аму-Дарья» в переводе Н. Асеева, «Айлар» в переводе А. Кронгауза, «Туркменская поэма» в переводе А. Адалис, «Весна на земле туркменской» в переводе Я. Козловского, «Девичий мир» и «Жертва адата» в переводе В. Рыбина. Последние две поэмы на русском языке публикуются впервые.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПОЭЗИЯ

Мир позабыл бы многое... И благо,
Что есть на свете писчая бумага.
Не подкупить и не переупрямить
Свидетельства, доверенного ей.
И потому не умирает память,
Что лист бумаги времени сильнее.

В этих строках Берды Кербабаев сумел выразить ту меру ответственности перед историей, которую берет на себя писатель, создающий произведение о жизни своих современников.

Только тогда литература будет правдивым и неподкупным свидетелем былого, только тогда станет она сильнее времени, когда писатель правдив и неподкупен, когда он верно, с партийных позиций оценивает происходящее. Таково творчество самого Берды Кербабаева. Его проза и его поэзия как бы впитали в себя заботы, думы и чаяния туркменского народа и выразили их с большой художественной силой.

Предлагаемый читателю третий том сочинений писателя знакомит с его поэзией — своеобразным лирическим свидетельством борьбы народа против отживающего старого, за лучшую жизнь. Собранные воедино, стихи и поэмы Б. Кербабаева словно ведут нас по бурному времени, наполненному горячими страстями, непримиримой борьбой, неизбежными в этой борьбе потерями и радостью побед. И мы видим, как год от года крепнет, становится все увереннее голос поэта и зорче, проницательнее — его взгляд на жизнь.

Слагать стихи Б. Кербабаев начал еще в ранней юности, в период обучения в Бухаре. Но, видимо, он сам понимал, что первые пробы пера еще не были достойны обнародования. Юношеские стихи не несли в себе того

социального заряда, не имели той общественной значимости, без которых нет подлинной поэзии. Первым стихотворением, увидевшим свет, было сатирическое «Выпей еще!», с горьким сарказмом высмеивающее пьяниц. В нем не просто описывается понятное чувство отращения к забулдыге, автор видит в пьянстве социальное зло, отрывающее подверженного «зеленому змию» человека от работы, от общества.

1923 год следует считать началом серьезного поэтического творчества Б. Кербабаева. Опубликованные, вслед за первым, стихотворения «Раскаяние терьякеша», «Наскеш» тоже были острого сатирического характера.

Начав как бытописатель, поэт вскоре стал страстным пропагандистом всего нового, непримиримым борцом за становление коммунистической морали, норм и принципов, утверждавшихся в первом в мире государстве рабочих и крестьян.

Приехав в 1924 году в Ашхабад, Б. Кербабаев начинает сотрудничать в газетах, сатирическом журнале «Токмак», которые откликались на самые злободневные темы жизни молодой Туркменской республики. И эта тесная связь с жизнью народа, участие в строительстве нового общества плодотворно сказались на его творчестве. Сам Кербабаев отмечал, что журналистская работа стала для него подлинной школой жизни, помогла глубже понять сущность происходивших вокруг перемен, научила по-партийному принципиально, с классовых позиций оценивать события и факты. И еще — он понял, какое это могучее оружие — печатное слово и как велика ответственность того, кому это слово доверено.

Журналистика явилась той почвой, на которой произошло сближение Б. Кербабаева с такими уже известными тогда литераторами как Молламурт, К. Бурунов, О. Ташназаров, А. Аламышев, Я. Насырли, А. Каушуттов, Ш. Кекилов... Это было благодатное для поэта время горячих творческих споров о мастерстве и призвании художника слова, о путях развития литературы, о новаторстве и традициях — о главном, чем жила в те дни литературная общественность и что волновало пишущую молодежь.

Стихи, рассказы, фельетоны, очерки, под которыми

стояло имя Б. Кербабоева, постепенно приобретают все большую популярность. Дружеская помощь, критические замечания товарищей по перу помогли ему в повышении мастерства. Б. Кербабоев пробует свои силы и в наиболее сложных жанрах — эпической поэме, повести, пьесе. И все-таки главным в его творчестве все еще остается поэзия. Звонкое, меткое слово, вышедшее из-под его пера, быстро становится достоянием народа.

Малыши в школах и седоусые старики на курсах ликбеза по стихам Б. Кербабоева учились читать, одновременно осваивая основы политграмоты, потому что в каждом его стихотворении слышен был отзвук классовых битв, которые велись то открыто, то тайно во всех уголках республики. Партия большевиков вела народ к светлой жизни, и поэт был верным ее помощником. В стихотворениях «Ленин», «По дороге Ленина», «Большевик», «Советские выборы», «Дорога к новому» он воспел победную поступь советского народа, со словами благодарности обращаясь к тому, кто указал верный путь к свободе и счастью — Владимиру Ильичу Ленину и созданной им Коммунистической партии.

Каждая примета нового, увиденная в жизни туркменского народа, радует поэта и вдохновляет на создание новых ярких стихов.

Он видит, как на смену древнему омачу пришла стальная машина, и с радостью пишет: «Трактор — хорошо!» Стихотворение, которое так называется, славит не только перемену в жизни земледельца — в нем мы слышим счастливый голос поэта, чьи идеалы и устремления находят в жизни реальное воплощение.

Казалось бы, совсем недавно в туркменском селе грамотный человек был большой редкостью, а теперь дайханин — и не только молодой, но и почтенный аксакал, — садится за книгу, водит огрубевшим пальцем по строчкам, шевелит губами, складывая из букв слова, и не может сдержать радостной улыбки... Отрадная картина, которую можно увидеть в каждом селе. Она вдохновляет поэта на создание стихотворений «Если будешь учиться», «Дружное движение». И снова мы слышим счастливые нотки: еще бы, ведь на глазах осуществляется заветная мечта писателя-гражданина — видеть свой народ грамотным!

Новое властно входило в жизнь. Но и старое не хо-

тело сдаваться без боя. Еще прочны были многие пережитки. Особенно ощутимо было влияние устаревших взглядов и привычек на отношений к женщине. Платок молчания закрывал ей рот, напоминая о требовании адата быть верной рабой мужа, заниматься только домашними делами. И поэт, понимая, как трудно будет ломать вековой обычай, всеми силами стремится помочь этому. Его стихотворения «О, девушки», «Женщинам полную свободу» звучат как пламенный призыв к свету, к знаниям, к счастливой и свободной жизни тех, кому Советская власть дала одинаковые права с мужчинами.

Богатая и привольная жизнь пришла на родную землю. А завтра будет еще лучше. В этом убежден поэт. Но он также убежден и в том, что нельзя только радоваться нашим успехам, — надо еще уметь защищать свою страну, свое право строить счастливое будущее. Эта убежденность побудила его написать стихотворение «Вчера — пастух, сегодня — пулеметчик».

Многие темы, подсказанные, а порой властно продиктованные быстротекущей жизнью, волновали в те годы Б. Кербабаева. Одна из них и до сегодняшнего дня осталась главной — это тема труда. Труда, преобразящего и природу, и жизнь людей, основу всего, чем человек может гордиться. В стихотворениях той поры — «Весной», «Хлопок», «Кузнец», «Пустыня» — поэт как бы намечает для себя эту главную тему, пристально вглядываясь в дела людей разных профессий, стараясь постичь мудрость созидания. А позже, оглядываясь на пройденный народом за десятилетия путь, на грандиозные наши свершения, он с удовлетворением напишет:

В ряду богатырей идет, меж равных равный,
Познавший мощь свою свободный человек.

Первые стихи Б. Кербабаева носили ярко выраженный агитационный характер. Впрочем, именно такие, бьющие «в лоб», стихи наверное и были нужны в то горячее время переустройства страны, — их можно было читать на строительной площадке или на полевом стане перед началом работы, и людям передавалась страстность поэта, слова звали на труд, как в бой. Не случайно В. Маяковский утверждал, что писателем может называться тот, «кто напишет марш и лозунг».

Перечитывая сегодня кербабиевские стихи тех лет, словно бы улавливаешь ритм первых шагов революционного переустройства жизни. Четкие, ясные по форме и мысли, они и в самом деле звучат как набатный марш или боевой призыв, передавая высокий революционный пафос, владевший строителями первого в мире социалистического государства.

В ранних стихах Б. Кербабиева чувствуется сильное влияние традиционной восточной поэзии. Поэт еще не знаком с сокровищницей мировой литературы, глубоко не изучал творения лучших русских писателей. Он и сам ощущает необходимость более близкого ознакомления с русской культурой. В 1927 году Б. Кербабиев поступает в Ленинградский институт востоковедения. И вот город, имеющий замечательную историю, гостеприимно раскрывает перед ним двери своих театров, музеев, библиотек. Как зачарованный стоит поэт перед Смольным. Потом идет на Дворцовую площадь. Взволнованный, он словно бы слышит и выстрел «Авроры», и топот множества ног людей, бегущих к Зимнему, и выстрелы... Долгими часами просиживает он в библиотеке. Страница за страницей, классическая русская литература раскрывает перед ним свои богатства. И рядом с образами творений Махтумкули встают образы произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького... Туркменский поэт знакомится с ленинградскими писателями — и снова множество впечатлений, мыслей...

Закончить учебу не удалось, но ленинградский период жизни поэта дал ему так много, что можно по праву назвать его «университетским». «Моя учеба на отделении тюркологии института востоковедения, — вспоминает Б. Кербабиев, — помогли мне усовершенствовать знание русского языка, расширить свой общий кругозор... Я думаю, не ошибусь, если скажу, что не было дня, когда бы я не читал русские периодические издания и произведения русских писателей».

Не только русская — литература других братских народов нашей страны оказывает на поэта благотворное влияние. В подлиннике прочитал он романы Алимджана Ибрагимова «Наши дни» и «Казашка». Близки и понятны были туркменскому литератору судьбы героев, быт и нравы казахских скотоводов. С неослабеваю-

щим интересом следил он за развитием событий, борьбой казахов за свою свободу и счастье. Как все это было похоже на то, что видел Б. Кербабаяев у себя на родине. Похоже, но только в основном русле, а в деталях, в характерах, в ситуациях — всюду свое, неповторимое.. Может быть, размышляя так, поэт пришел к созданию произведений эпического плана.

Сначала на страницах республиканской газеты «Туркменистан», а затем отдельным изданием выходила его поэма «Девичий мир», сразу же вызвавшая огромный интерес у читателей. Поэма не могла не взволновать не только потому, что была написана настоящим мастером, но и потому, что затрагивала одну из самых сложных и острых проблем — проблему раскрепощения туркменки.

«...Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача», — напоминал В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти.

В республиках Средней Азии решать эту задачу было тем более трудно, — мусульманские законы особенно жестоки по отношению к женщине. Партийные и советские органы на местах делали все для того, чтобы вывести туркменскую женщину на светлый путь созидания, вовлечь ее в общественную жизнь. Но на пути к этому вставали фанатизм, вековые привычки и прямое сопротивление наиболее реакционных элементов, которые не останавливались не только перед угрозами, но и перед кровавой местью «за измену вере». Трудно было преодолеть эту незримую стену. В селах еще встречались многоженцы, родители продавали своих дочерей за калым. На туркменской земле была Советская власть, официально давшая женщинам свободу и равенство с мужчинами, но часто, ох как часто туркменка по-прежнему оставалась рабыней. И надо было иметь мужество, чтобы поднять голос в защиту женских прав, чтобы помочь женщинам сбросить цепи. В ряды активных борцов за раскрепощение туркменки, не раздумывая, встал Б. Кербабаяев.

В поэме «Девичий мир» не было традиционных для восточной поэзии сказочных сюжетов, страстных объяс-

нений в любви, восторгов по поводу красоты героини, хотя речь шла о женщине. Автор описывал будничную жизнь простой туркменской семьи, рассказывал о судьбе ничем не примечательной туркменки. И именно в реалистическом подходе к теме, в умении автора показать глубину переживаний обыкновенного человека заключалась сила нового произведения. Читатели, привыкшие к историям совсем иного толка, были потрясены тем, что изобразил поэт, — собственно они как бы иными глазами, умеющими отличать добро от зла, взглянули на свою жизнь, столь привычную, что несправедливость уже не воспринималась как несправедливость.

Молву не скроешь, не прогонишь прочь.

Горька молва, когда родится дочь.

«Дочь родилась, — жалеет все село, —

Вот неудача, вот не повезло».

. . . . .

Всю жизнь в слезах, права иль не права —
судьба была бедняжки такова.

Не знала вовсе ласковой руки,
терпела палку, плеть да кулаки.

Но было вдвое горше ей в плену,
когда муж брал еще одну жену.

Он с новой забавлялся и шутил,
но чуть чего — обейх колотил.

Над ней висел адат — судьбы закон,
был черный рок ее определен:

в мучительных страданиях сгореть
иль руки наложить и умереть.

Так было испокон века. Но так не должно было быть. И поэт страстно разоблачает жестокие законы старины, утверждая новые отношения между людьми. «О боже, как же ты несправедлив!» — восклицает героиня поэмы. А вместе с ней и читатели говорят: да, законы, по которым мы жили, несправедливы, дальше так жить нельзя.

Тема раскрепощения женщины продолжается и в следующей поэме — «Жертва адата». Здесь гнев автора обрушивается на тех, кто еще следует бесчеловечному обычаю — дакылма, по которому вдова должна стать женой брата покойного мужа. И если героиня поэмы «Девичий мир» только роптала против несправедливости, то в «Жертве адата» женщина находит в себе си-

лы порвать с прошлым и встать на путь новой жизни. В эпилоге поэмы мы видим ее в школе, среди подруг, сердцем принявших справедливые советские законы.

Следующий значительный шаг в раскрытии волновавшей писателя темы Б. Кербабаев сделал в поэме «Весеннею порой». Ему удалось создать яркий, колоритный образ смелой, настойчивой девушки, которая знает, чего хочет, и уверенно идет к цели. Его Гозель решительно выступила против намерения родителей выдать ее замуж за нелюбимого.

— Сказала я, что думала.

А ты

Что хочешь думай...

Торговать собою

Я не позволю...

Это было неслыханной дерзостью. Не сносить бы ей головы за такой открытый протест. Но пришли иные времена, и Гозель прекрасно понимает это. Вместе с Назаром, с парнем, которого любит, девушка убегает из родного села в город. И автор гордится своей героиней и ее возлюбленным, отважным джигитом. Радостью, ощущением близкого счастья наполнены заключительные строки поэмы:

Сияло солнце.

Жизнь вливалась в кровь.

Живое

ликовало

в юном мире...

И, как всегда, на буйном жизни пире

Торжествовали

вера и любовь!

Поэмы «Девичий мир», «Жертва адата», «Весеннею порой» стали заметными вехами на пути развития туркменской советской литературы.

Поэзия Б. Кербабаева вобрала в себя все, чем жила республика тех лет, что волновало современников. Свидетель и участник величайших преобразований, поэт создает стихи, выражающие думы и чаяния своего народа, людей труда, раз и навсегда поверивших партии коммунистов, идущих за ней по пути созидания и борьбы во имя светлого будущего, во имя торжества ленинских идей.

Темы патриотизма, братства и дружбы в поэзии Б. Кербабоева неизменно переплетаются с мыслями об истоках нынешней счастливой жизни народа. Мудрость великого Ленина, созданной им Коммунистической партии, единство партии и народа — вот в чем залог всех наших побед. И мы, читая стихи, созданные еще в годы первых пятилеток, понимаем, почему трудящиеся Туркмении смогли в короткий исторический срок сделать такой гигантский шаг из тьмы феодализма навстречу новой, светлой и радостной жизни, чтобы стать равными среди равных в семье строителей коммунистического общества.

Поэт пристально, с жадностью подлинного исследователя вглядывается в человека-творца, созидателя, стараясь понять его душу, разгадать секреты его могущества, его способности творить чудеса. И вот из-под его пера появляются «Коммунист», «Гордость матери», «Кузнец» — стихи, воспевающие прекрасные черты советских людей.

Но, радуясь новому в сознании своих соотечественников, восхищаясь подлинными героями, поэт видит, что на пути строителей светлой жизни стоят злобные враги, способные на все ради возвращения к старым порядкам. Но колесо истории не повернуть вспять! Этой уверенностью проникнута вся поэзия Б. Кербабоева.

Яркие картины классовой борьбы рисует он в поэме «Высохшие губы». Написанная в 1929 году, она повествует о жизни скотоводов в далеком, затерянном в песках селе. И сюда долетели вести о победе революции, об установлении Советской власти. Эти вести волнуют людей. Только одних они радуют, вселяют в них надежду, заставляют иначе смотреть на все вокруг, а у других рождают лютую злобу. И автор не скрывает своих симпатий к одним и своей ненависти к другим. Вот как описывает он сельское собрание:

Все жители села
В широкий сели круг,
Но было видно мне,
Кто враг здесь
и кто друг.
Открыл собранье я
И так сказал:

— Друзья!

Пора Совет избрать,
И больше ждать нельзя.
Вопрос, —
сказал я, —

прост:

Советский новый строй
Родился и стоит
За бедняков горой.
При этом я смотрел
На тех,
кто был в рванье,
Они кивали мне
И улыбались мне.

С любовью создает автор образы Бяшима, его бабушки, Назара, людей бедных, но честных и гордых. А для Шаллы-бая и ему подобных — находит совсем иные краски. И читатель питает к ним такие же ненависть и презрение, какие владеют автором. В поэме четко выписаны характеристики героев, оттенены их индивидуальные черты. И мы, читатели семидесятых годов, благодарны Б. Кербабаеву за то, что он донес до нас дыхание тех незабываемых дней, помог нам разобраться в сложных коллизиях времени становления Советской власти в Туркменистане.

Время... Стремителен его бег. Уже привыкли мы к тому, что Каракумы пересекает голубая искусственная река, что настоящие моря раскинулись среди песков. А вспомните — сделано все это совсем недавно. Еще не десятилетиями — годами исчисляется история Каракумского канала имени Ленина. Но эта история уже есть, ее пишут наши современники.

А как все начиналось — не сама грандиозная стройка, а только зарождение надежды, пришедшей вслед за мечтой?.. И снова свидетельствует поэзия Б. Кербабаева. «Аму-Дарья» — так называл он свою поэму, под которой стоит дата ее создания — 1930 год. Сорок лет назад еще даже не выходили изыскатели на трассу будущего канала. Еще не создали машиностроители те бульдозеры, экскаваторы, земснаряды, которые должны вступить в борьбу с пустыней. Да и многих из тех, кто сядет за штурвалы этих машин, попросту еще не было на свете... Но вчитайтесь в эти строки:

Нельзя было воду с землей сдружить,
Пока приходилось в неволе жить.
Бай и купец, хан и царь — двойным
Ярмом висели на шее народа,
Цепи неся на руках и ногах,
Не мог человек бороться с природой.
В пустыню влить жизнь, покорить Аму
Было не под силу тогда никому,
Только партия наша, Советская власть,
Братья — русские, туркмены, узбеки —
Дружным и вдохновенным трудом
Землю с водою сдружат навеки.
Сбросивший с плеч насилия гнет,
Покорит и природу вольный народ!

Удивительно — читаешь, и кажется, что написано это в наши дни. И вполне закономерно, что автор вернулся к поэме в шестидесятые годы и переработал эпилог. Логическим завершением темы звучат теперь строки:

Климат Туркмении нынче другой —
Он изменен животворной рукой...

С полным правом можно сказать, что Б. Кербабаев выразил чувства и мысли всего туркменского народа в последнем шестистишии поэмы:

Партия, верно народу служа,
Родину вывела к радостной жизни.
К новому миру дорогу найдя,
Счастье доставила — жить в коммунизме!
Партии гений, славься вовек —
Сделан счастливым тобой человек!

Народным писатель становится тогда, когда всем своим существом художника и гражданина проникается заботами, радостями и горестями, надеждами и стремлениями народа, становится выразителем его чувств и мыслей. Таков Б. Кербабаев. В его творчестве воплощены все главнейшие этапы истории туркменского народа за последние полстолетия. И среди них — борьба за большую воду, за осуществление вековой мечты об утолении жажды.

Мечта об изобилии воды — пожалуй, самая животрепещущая, самая волнующая тема в произведениях

классиков туркменской поэзии — Махтумкули, Кемине, Зелили и других. Раздоры, междоусобицы, кровавая резня, братоубийственные войны — все из-за воды. Потому что остаться без воды в пустыне — смерти подобно. И люди часто несли смерть другим, чтобы сохранить жизнь себе. А мечта о той счастливой поре, когда воды будет вдоволь, жила в народе — тоской звучала в песнях бахши, трогала сердца строкой шахиров. Жила, но казалась несбыточной, неимоверно далекой. И в самом деле — «нельзя было воду с землей сдружить, пока приходилось в неволе жить». Свободный народ осуществил свою вековую мечту в содружестве с другими народами свободной страны. И одним из первых певцов торжества раскрепощенного труда над силами природы стал Б. Кербабаев.

Да, все так и было, как описано в поэме. Родственные племена, вроде окузов и дюе, истари пользовавшиеся водой из одного источника, нередко вступали в жестокие схватки между собой за право своевременно полить посевы. Баи использовали в своих интересах эту вражду: как всякие угнетатели, они ни во что ставили жизнь трудового люда: лишь бы росло собственное богатство. И Б. Кербабаев смело выступает против межплеменной розни, разоблачая враждебную народу политику баев, мулл, ишанов, направленную против развития классового самосознания дайхан. Вражда из-за воды уводит людей от борьбы против социального неравенства. Автор поэмы всем ходом развития действия утверждает, что только избавившись от гнета феодально-байской верхушки, встав на путь социалистического строительства, дайхане смогут решить самую острую проблему — проблему пользования водой.

Казалось бы, нет такого источника, который способен дать людям силы для борьбы со слепой стихией. В пустыне от жажды долго и мучительно умирает пастух Черкез. Бесноватая Джейхун уничтожает заботливо возвращенные посевы Курбана и Мерета. В пучине половодья гибнет Хемра. Что же, человек бессилен перед природой? Автор уверенно говорит: нет, человек могуществен, надо только встать под одно знамя с большевиками, которые свергли ненавистного царя, освободили народ от гнета и указали единственно верный путь в жизни. Эта уверенность помогла поэту найти яркие

краски для создания живописных картин будущего освоения пустыни — мы, сегодняшние читатели, эти картины воспринимаем как окружающую явь.

Поэма «Аму-Дарья» — реалистическое произведение уже зрелого мастера слова, не только имеющего твердые убеждения, но и умеющего убеждать. И романтическая приподнятость его рассказа лишь усиливает правдивость мыслей и чувств.

Важным событием в литературной жизни Туркменистана явился приезд в республику бригады известных русских писателей — Н. Тихонова, Л. Леонова, В. Иванова, В. Луговского, П. Павленко, Г. Санникова. Собственно, это было время взаимного обогащения товарищей по оружию. «Большую роль, — писал Н. Тихонов, — сыграла в моей литературной судьбе поездка с группой писателей в Туркмению в 1930 году. Я увидел страну, в которой впервые бродил в 1926 году, охваченной социалистическим переустройством. Создавались первые колхозы и совхозы. Ломалось последнее сопротивление баев. Были еще и жаркие схватки с басмачами. Мы видели пустыню с ее своеобразным бытом, пограничные заставы и колхозы, города, в которых рождалось новое, сложную ирригацию и ее работников... Эти дни никогда не изгладятся из памяти».

Зримым результатом этой поездки явились впоследствии книги, написанные на туркменском материале, такие, как «Юрга» Н. Тихонова, «Большевикам пустыни и весны» В. Луговского, «Саранча» Л. Леонова, «Пустыня» П. Павленко. Но и еще один очень важный результат был у двухмесячного пребывания русских писателей на туркменской земле — то влияние, которое оказали они на творчество местных литераторов. Личное общение всегда полезно, но в тех условиях оно было просто необходимым. Это заметно по тому, как расширился мир поэтических размышлений, глубина подхода к явлениям жизни, профессиональное мастерство туркменских писателей в тридцатые годы. Это в полной мере относится и к Б. Кербабаеву. Еще уверенней становится его голос, еще точнее слово, сложнее и тоньше создаваемый образ.

И когда грянула война, мужественный голос поэта зазвучал подобно набату. Он звал на бой, зажигая сердца джигитов ненавистью к врагу. Военная тема орга-

нически вплелась в творчество Б. Кербабаева — получился сплав, в котором соединились нежная, восторженная любовь к Родине и лютая ненависть к фашистам, и был тот сплав не слабее стали.

Война героям не страшна,
Они смелей орлов.
Врагу навстречу шлет страна
Разгневанных сынов.
Я вороного оседлал,
Достал клинок отца;
Сверкнул, как искры на мече,
Суровый взгляд бойца.
К рассветным легким облакам
Гудящий сокол взмыл;
Я вижу алую звезду
На развороте крыл.
С ним вместе грозно на врага
Обрушим гром двойной,
Чтобы фашистам мраком стал
Горячий свет дневной.
Милльоны нас, — я не один;
Наш предок — Гёр-оглы.
За родину рванулись в бой
Туркменские орлы.
Мы мстим — за пепел на полях,
За слезы матерей.
Развеют черный вражий прах
Ветра страны моей.

Стихотворение «Песня отважных», которое мы привели тут полностью, очень точно передает чувства, владевшие в те суровые годы всем нашим народом и, стало быть, поэтом, выразителем этих чувств. Он пишет о готовности воина насмерть сразиться с ненавистным врагом, об отваге и мужестве. Он знает, что битва будет нелегкой, что фашизм — такой свирепый зверь, которого не просто повергнуть наземь. Но и тут побеждает свойственный писателю оптимизм, твердая вера в торжество правого дела.

Что из того, что Туркмения оказалась в глубоком тылу? Все равно никто из ее мирных жителей не чувствовал себя далеким от фронта. Битва, развернувшаяся

яся на огромных пространствах от Баренцова до Черного моря, вовлекла в свой огненный круговорот всех советских людей, где бы они ни жили. В туркменских городах формировались воинские части и соединения, отправлявшиеся на передовую. По стальной магистрали на запад шли военные эшелоны. Из Красноводского морского порта уходили корабли с новым пополнением. Республика принимала эвакуированные предприятия, санитарные поезда с ранеными. Фронт был рядом. Фронт проходил через сердца людей.

По-разному сложилась судьба туркменских писателей. Одни ушли воевать, другие вместе с оставшимися ковали победу в тылу. Но где бы они ни были, всюду остро отточенным было их главное оружие — слово. И подчас оно разило врага не хуже всякого другого боевого оружия, а советским людям придавало сил, вселяло в них веру в близкую победу. Мы знаем, что в своих походных вещмешках солдаты наряду с самым необходимым хранили и книги любимых писателей. И случилось, что вражеская пуля пробивала книгу, и на страницах ее запекалась солдатская праведная кровь.

Чувством пламенного советского патриотизма, великой любовью к Родине и ненавистью к заклятым врагам проникнуты произведения Б. Кербабаева, написанные в годы Великой Отечественной войны. Поэт рисует собирательный образ неустрашимого воина, горячо преданного Советской власти, Коммунистической партии. Поэт был восхищен подвигом своего земляка Курбана Дурды, которому присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Таких батыров много среди воинов-туркмен, и поэт в своем стихотворении «Ты слышишь?» по душам, как солдат с солдатом, разговаривает с другом-фронтовиком:

Я знаю: ты, как наш Курбан Дурды,
Отважен в деле, ловок, ты — джигит.
Герою будь достойным братом ты, —
Пусть вражеская кровь рекой бежит!

Он хорошо знал, как это неимоверно трудно — быть солдатом на фронте. В составе делегации туркменского народа Б. Кербабаев ездил на передовую, чтобы вручить фронтовикам подарки трудящихся республики. На привалах, во время коротких затиший он вел заду-

шевные беседы с воинами, расспрашивал их о доме, о родных, о солдатском ратном труде. Жадно впитывая новые впечатления, поэт старался как можно больше понять, сохранить в памяти. Но увиденное, понятое, пережитое и без того запомнилось на всю жизнь.

В 1943 году была написана поэма «Айлар». С первого взгляда может показаться, что поэт вновь вернулся к давно волнующей его теме — теме раскрепощения женщины. В общем-то так оно и есть, только теперь это не повторение, а продолжение разговора, начатого несколько лет назад.

Айлар не похожа на героинь предыдущих поэм Б. Кербабаева. Она выросла в Советское время, впитала в себя коммунистическую мораль, ценит свое достоинство и может постоять за него. Труд для неё не только первая жизненная необходимость, но и творческая радость. Айлар — человек нового времени, ее высокие душевные качества проявляются везде и всюду — на работе, в быту, в отношениях с любимым. И если героини прежних произведений поэта были озабочены в основном своей личной судьбой, боролись за свое личное счастье, то интересы Айлар куда более широки. Она много читает, ее волнуют события, разворачивающиеся в республике, во всей стране и за рубежом. Все принимает она близко к сердцу, как подлинный хозяин жизни. И любовь к Халлы, честному и мужественному человеку, не заслоняет от нее мир, а словно бы расцвечивает его новыми яркими красками.

Жить бы да жить им в любви и согласии долгие годы. Но грянула война. Халлы, как и многие другие его сверстники, уходит защищать Родину. Прощаясь с любимым, Айлар понимает, какие жестокие испытания выпадут на его долю, понимает, что сама смерть может встать на его пути. Но она находит нежные слова ободрения, вселяющие уверенность в скорой встрече после победы. «Нет разлуки, — сказала она, — поверь, если Родина наша в такой беде, если впился в нее разъяренный зверь, что же делать, мой храбрый йигит, тебе? О разлуке забудь, уходя на бой, — ты со мной неразлучен, как я с тобой».

Она понимает, что тяжело не только ей одной. И это сознание необходимости жертвовать всем во имя победы, спрятать глубоко все чувства кроме двух — любви

к Родине и ненависти к врагу — позволяет ей стойко переносить все тяготы военных дней.

Правдиво изображены в поэме трудовые будни Айлар и ее подруг, всех тех, кто остался в колхозе. Их мало, а работы не убавилось — каждому приходится трудиться за троих. И люди, не зная покоя и отдыха, работают на полях, чтобы вырастить обильный урожай хлеба и хлопка.

В колхозе остались только женщины, старики да дети. Им не под силу носить оружие, их место здесь, в тылу. Но Айлар чувствует себя способной лицом к лицу встретиться с врагом. Разве не сможет она воевать? Конечно, сможет. И Айлар решается пойти добровольцем на фронт. Старая мать оглушена этим известием: ее Айлар пойдет на войну?.. Но решение созрело, а девушка не привыкла отступать.

— Мама, медлить уже не могу ни дня —
Гложет сердце тревога. Как же мне быть?
Сердце к мести взывает, зовет меня
И в дорогу толкает. Как же мне быть?
Как же быть мне, как встретить мою беду?
Подказало мне сердце: на фронт уйду.
— Что ты? Что ты? Как можно! Прости, аллах!
— Эне-джан, мое место сейчас в боях...

Не только чувство долга повелевает нашей героиней — она верит, что встретит любимого, будет рядом с ним и, если понадобится, отведет от него беду.

Уже не раз в самые важные, самые критические моменты повествования автор прибегает к традиционной манере туркменского фольклора, героического эпоса, народного дестана. Уж ему-то очень хорошо известно, какой популярностью пользуются эти произведения в народе, как волнуют они душу слушателя и читателя. И в современной поэзии испытанные средства срабатывают безотказно. Мы уже встречались с такими приемами, — в поэме «Айлар» автор снова применяет и гиперболы, и красочные эпитеты и сравнения, наделяет героев чуть ли не сказочной силой. И это придает поэме, особенно той ее части, в которой описываются военные действия, торжественную приподнятость, взволнованность легенды, живущей века. И что удивительно — при всем при этом поэма правдива в своем

идейном замысле и достоверна в деталях. Сказывается мастерство поэта, помноженное на любовь к своим героям, которые и впрямь видятся ему сказочными богатырями.

Подлинный художник, Б. Кербабаев был очарован природой России. Он читал посвященные ей восторженные строки у многих русских поэтов, и вот решился сам запечатлеть в словах свое отношение к российскому пейзажу. И воссозданная им картина прихода зимы вдруг открыла нам широкую душу поэта, в которой уместились рядом и любовь к милому с детства туркменскому простору, словно бы нарисованному двумя красками — голубой и желтой, — и трепетное, нежное чувство к иным — зеленым и белым — далям.

Полновластье мороза в русском лесу:
Солнце тускло поглядывает с небес,
Сосны держат иголки на весу,
Одеялом пуховым укрылся лес,
И снежок с красным отсветом на крыле
С ветки жаворонком ныряет к земле.
Ночью ветер бушует, снега стеля,
Вьюга белыми вихрями ворошит.

Сердце поэта открыто людям любой национальности. Он старается понять их язык, обычаи. А чтобы понять, ему надо много узнать. И поэт терпеливо изучает жизнь народов нашей многонациональной страны. Может быть, там, на фронте, где бок о бок сражались русские и туркмены, узбеки и грузины, белорусы и азербайджанцы, осознал поэт, какая это несокрушимая сила — братство разноплеменных и разноязычных людей. А, может быть, еще раньше пришло сознание этого — в годы гражданской войны, когда за Советскую власть сражались люди, говорящие на самых разных языках...

Айлар окружают разные люди, и для каждого находит поэт теплое слово. Позже тема братства, интернациональной солидарности, дружбы народов займет в творчестве Б. Кербабаева одно из ведущих мест. И это не будет неожиданностью — поэт готовился к освоению этой темы много лет. Еще в тридцатые годы он занимался переводом на туркменский язык лучших произведений русской классической и советской литературы. После войны он снова и снова возвращается к этой

благодарной работе — знакомит туркменских читателей со стихами Янки Купалы, Мусы Джалиля... Взволнованные стихи посвящает он братской семье народов Страны Советов. В стихотворениях «Русскому народу», «Салам Украине», «Казахстан цветет» поэт с радостью пишет о достижениях трудящихся в послевоенные годы, о прекрасной жизни, которая расцветает на отво-
еванной у врага земле.

Снова, как и прежде, поэт внимательно изучает людей труда, творцов всего прекрасного. Одним из первых разрабатывает тему рабочего класса Туркменистана. Пишет о славных туркменских нефтяниках, о строителях Каракумского канала, восхищается их подвигом в пустыне.

Героями «Туркменской поэмы» стали небитдагцы. В образах Ата, Набат, Павла Кузьмича Миронова и других добытчиков «черного золота» автор раскрывает замечательные черты людей, воспитанных Коммунистической партией, подлинных патриотов своей социалистической Родины. Высшим счастьем для них является труд на благо народа.

Поэт долго жил среди нефтяников, глубоко изучил их характеры, узнал и полюбил этих простых и мужественных людей. И его «Туркменская поэма», как и роман «Небит-Даг», как многие стихи, вошли в историю туркменской литературы подлинным свидетельством героизма покорителей недр.

Поэт много думает о смысле жизни, о взаимоотношениях людей, о больших и малых проблемах, которые каждодневно встают перед нами и ждут своего решения. И эти философские раздумья вылились в стихи. Прочитайте его шестистишия — в них сама мудрость жизни.

Но о чем бы ни размышлял поэт, его мысли все время возвращаются к самому главному. И тогда он находит особенно сильные, особенно яркие, особенно душевные слова. Таковы его стихи, посвященные Ленину:

Бождам от бронзового века
Ведется счет до наших дней,
А не родилось человека
Потомству ближе и родней,
Чем он, — кто, расовым различьям
И расстоянья вопреки,

Из уст в уста рабочим кличем
Соединил материки...
И тем велик Владимир Ленин,
Что, как его ни возвеличь,
Он прост и правдою нетленен,
Что он всегда с людьми, Ильич!

И это — еще одно поэтическое свидетельство. Свидетельство всенародной любви трудящихся к вождю, словно бы отлитое в слово.

Невозможно, да и нет надобности говорить обо всем, что вышло из-под поэтического пера Б. Кербабаева. Давно известно, что о стихах не пишут — их читают. Вы начнете читать — и стихи поведут вас по жизни, минувшей и сегодняшней, распахнут перед вами сердца многих людей, заставят задуматься...

Рассказ — к концу, а жизнь еще в начале.
Мои герои мало повидали,
Еще вдали синеющие дали...

Вместе со своими героями идет по жизни поэт, зорко вглядывается в лица. Знакомым улыбается, о незнакомых хочет узнать — какие вы, люди?

У настоящего поэта на каждом шагу открытия.

Х. ТАНГРЫБЕРДЫЕВ

С Т И Х И

ЛЕНИН

Вождам от бронзового века
Ведется счет до наших дней,
А не родилось человека
Потомству ближе и родней,

Чем он, — кто, расовым различьям
И расстояньям вопреки,
Из уст в уста рабочим кличем
Соединил материки...

И тем велик Владимир Ленин,
Что, как его ни возвеличь,
Он прост и правдою нетленен,
Что он всегда с людьми, Ильич!

1961

КОММУНИСТ

Коммунист?
Укрывали
Лица смертным платком.
Коммунист?
Убивали
Пулей, ядом, ножом!

Коммунист?..
Смотрят, криво
Усмехаясь, враги.
Коммунист?
И — с обрыва...
И не видно ни зги!

Прибивали нас к ели,
На кострах жгли живьем.
Вырезали на теле
Звезды
Ржавым штыком!

Из себя выжимали
крик:
«Будь проклят ты, враг!»
Все же мы выживали
В тюрьмах,
В правых боях...

Коммунист! Это гордо
Произносит народ!
Коммунист! Это — горы!
Это — в космос полет!

Коммунист!
Это слава
Наших дум, наших дел!
Коммунист!
Это — право
На высокий удел!..

1961

В ЛЕНИНСКОМ САДУ

Бывает, удручен иль чем-нибудь встревожен,
Я захожу в тенистый тихий сад,
Что по соседству с домом расположен, —
И прочь усталость, вновь светлеет взгляд,
И разбегаются сомнений тени...
С простертой на Восток рукой стоит в нем — Ленин.

Кто слышит клич его — с дороги не собьется.
Неисчерпаем мудрости родник:
В нем досыта живой воды напьется,
Кто сердцем жаждущим к нему приник.
В нем — счастья свет и правды откровенье,
Всех наших дел — больших и малых — вдохновенье.

Из дебрей и пустынь, сквозь грозовые тучи,
Он нас привел к вершинам зоревым,
Объединил навек в семье могучей, —
Народ народу братом стал родным;
И озарил, как солнце, всю планету
Великой Партии неугасимый светоч.

Всем существом моим, биеньем сердца каждым —
Нет слов иных! — благодарю его...
Во веки славен утоливший жажду
Родимого народа моего.
Великий сын России величавой —
Надежда всей земли и всех народов слава.

Когда бы ни зашел я в этот сад тенистый —
Весною, летом, утром или днем, —

Стою, смотрю на памятник лучистый...
Миллионы взглядов, отражаясь в нем,
Все одолев земные расстоянья,
Сливаются в его немеркнущем сиянье.

1955

РУССКОМУ НАРОДУ

Ты сердцем чист, великий и могучий,
Миротлюбив, с энергией кипучей.
В тебе так хорошо воплощены
Добро, порыв, тепло и свет весны.
Во всех больших свершениях ты первый.
Ты — справедливость, истина и верность.
Ты — наша радость, наше вдохновенье
И в будущее гордое движение.
Ты — старший брат, мы навсегда с тобою,
С твоею неразрывны мы судьбою.
Дела и помыслы у нас с тобой едины.
Мы временем и правдой побратимы.
Ничто, никто той дружбы не нарушит —
Где хлеб един, едины братьев души.
Народов наших нет прочнее сплава.
Тебе в веках, великий, слава! Слава!

1956

ЗВЕНИ, ДУТАР!

Невзрачен мой дутар, пока лежит безмолвно,
Лады истертые скрывая под чехлом.
Но лишь коснешься струн, чудесной силы полных, —
Какими звуками он наполняет дом!

То радостью звенит, то гневом, то печалью, —
Все струны сердца он на свой настроит лад.
То вспомнит о былом, то светлой манит далью, —
И слушает его и пахарь, и солдат.

О прошлом запоет — встает перед глазами
Народа моего многострадальный путь,
Слезами залитый, усеянный костями...
«Внимай! — зовет дутар. — Смотри и не забудь!

Бесправие и тьма — вот мрачные приметы
Минувшего. В цепях влачил бесплодный труд
Народ свой горький век, не чаял он рассвета,
И окровавленный над ним взвивался кнут».

Мольбы детей и жен безропотные вздохи
Сливает он в один щемящий сердце стон...
Но вот запел дутар о радостной эпохе,
О наших днях, — о, как теперь ликует он!

Как весело звенят, поют и пляшут струны,
Как далеко летит крылатой песни звук
По всей стране моей, счастливой, вольной, юной, —
На запад и восток, на север и на юг!

Одно стремление, одна душа и тело,
Кто юн и тот, кто сед, — мы все одна семья.

Нет краше нашего на всей земле удела, —
Как вешний сад цветешь ты, Родина моя!

Здесь мой народ — всему хозяин полноправный.
Гнетущий груз невзгод с плеч сбросивший навек
В ряду богатырей идет, меж равных равный,
Познавший мощь свою свободный человек.

Звени, играй, дутар! Славь наш Союз могучий,
Славь Партию — его великого творца!
Пусть грянет над землей хор пламенных созвучий,
Надеждой озарив простых людей сердца!

1945

КЕМИНЕ

Жизнь спокойно тебе не давала шагать, Кемине!
И звала, и лгала, но ее не поймать, Кемине!
Убежав, не дала даже слова сказать, Кемине!
Пеший всадника быстрого мог ли догнать, Кемине?
В той игре должен был только ты проиграть, Кемине!

Злость и зависть всю жизнь черной птицей вились
над тобой,
Был твой край окружен безысходной, бескрайней
бедой.
Люди жили томясь, — ведь чужак завладел их водой.
И всю жизнь ты прошел рядом с тенью своей —
нищетой.

И заплаты твои — их нельзя сосчитать, Кемине!

На несчастья свои ты с усмешкой лукавой взирал,
Словом острым своим беспощадно врага бичевал
И в обиду себя никому никогда не давал.
Баев ты изводил, ты ишанов с пиров изгонял,
Не умрет твоя песнь — ей извечно звучать, Кемине!

Нынче счастлив твой край, в волнах братской любви
он плывет,
Стих и шутки твои помнит, знает туркменский народ,
Пышен песен венок, в нем невянувший стих твой
цветет.

А туркменский поэт? — На родном языке он поет...
Будем имя твое мы всегда повторять, Кемине!

Миллионы людей знают песни твои, наш поэт!
Их все девушки в поле, бахши на пирах любят петь,

А художник за честь почитает писать твой портрет,
А под пальцами жен—на коврах твоим взорам гореть.
Будем в песнях своих мы тебя почитать, Кемине!

**Твой измученный край стал цветущим теперь,
  словно сад,
Вместо черных лачуг — зданья белые гордо стоят,
Кто тебя притеснял, тот не минул народных расплат,
И народа любовь — не превыше ль земных всех
  наград?
Ты живешь среди нас. Вечно песням звучать Кемине!**

1940

ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ

В моей равнинной стороне,
Привычкой дорожа седою,
Ни дома и ни в чайхане
Его не пьют перед едою.

Не схож он с водкой оттого
И с ледяной водой колодца,
Что пред едою от него
Во рту лишь горечь остается.

Всему свой срок, всему свой час.
И после сытного обеда
Отраден каждому из нас
Он, как сладчайшая беседа.

И ходит грудь, легко дыша,
И, бодрость придавая силам,
До самых пальчиков
по жилам
Блаженство льется не спеша.

И те минуты мне милы,
Милы и дороги по праву,
Когда из чистой пнялы
Пью чай, заваренный на славу.

Пускай ваш чайник в должный срок
Разгорячится, словно кречет.
И если кто-то занемог,
Зеленый чай его излечит,

1940

ПЕСНЯ ОТВАЖНЫХ

Война героям не страшна,
Они смелей орлов.
Врагу навстречу шлет страна
Разгневанных сынов.

Я вороного оседлал,
Достал клинок отца;
Сверкнул, как искры на мече,
Суровый взгляд бойца.

К рассветным легким облакам
Гудящий сокол взмыл;
Я вижу алую звезду
На развороте крыл.

С ним вместе грозно на врага
Обрушим гром двойной,
Чтобы фашистам мраком стал
Горячий свет дневной.

Милльоны нас, — я не один,
Наш предок — Гер-оглы.
За Родину рванулись в бой
Туркменские орлы.

Мы мстим — за пепел на полях,
За слезы матерей.
Развеют черный влажный прах
Ветра страны моей.

РЕЕТ ЗНАМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Еще вчера весь мир огнем дышал,
В дыму лежали черные руины,
Плач матерей еще звучит в ушах,
И кровь еще дымится на равнинах.

Еще мозоли на ногах солдат,
Еще следы от танков на полянах,
И раны сердца до сих пор болят,
И нам трудиться надо неустанно.

Но снова воют волки, осмелев,
И льстят друг другу грубо, неприкрыто;
Ведь если станет господином лев,
То и лисицы тоже будут сыты.

Убийцам мало крови пролитой,
Они стремятся к истребленью жизни,
Им нужно получить барыш большой:
Разгул войны — базар капитализма!

Америка, мол, властвовать должна,
Чтоб англо-саксам подчинить народы.
«Опасность» коммунизма, мол, страшна.
Как в океане шквальная погода.

Чтоб «красную опасность» истребить,
Готовят бомбы, изменяют слову.
Они хотят весну земли убить,
Для этого они на все готовы.

Вчера лишь Гитлер начинал поход,
Чтоб стать земного шара господином.

Мы знаем, какова судьба «господ»
Перед судом народа-исполина.

Войны не хочет труженик-народ,
Народ советский к миру лишь стремится,
И мы клянемся, что погибнет тот,
Кто перейдет советские границы!

Преодолеет все советский человек
Своей мечтою, мужеством, делами.
Мы утверждаем коммунизм навек —
И справедливости бессмертно знамя!

1948

У ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ В АШХАБАДЕ

Из города проснувшегося прочь,
Едва рубины в небе заиграли,
Бежала потревоженная ночь,
Созвездья пряча в складках черной шали.
Я на прогулку вышел в ранний час, —
Весна гостила в городе у нас.

И развернулся алый венчик розы,
И захлебнулся песней соловей,
И солнечные острые занозы
Сверкнули в темной зелени ветвей...
О, город мой! О, вешняя прохлада
Садов широкошумных Ашхабада!

О, юность седоусых стариков
И мудрая отвага молодежи!
Но торопливый стрекот молотков
И посвист пил, на музыку похожий,
И хор согласный множества машин
В саду ловил я слухом не один:

Там, в сторону отеческого края
Взор устремив сквозь толщу стольких лет,
Стоял, главы подъятой не склоняя,
Одетый в бронзу северный поэт.
И мнилось мне: что смерть певцу свободы —
Он из бессмертья смотрит в наши годы!

Не смерть, а жизнь в чертах его лица!
Здесь пешеход сменяет пешехода

И шепчет строки русского певца
На языке родимого народа,
Горя его огнем... И потому
Я благодарно кланяюсь ему.

Великого народа сын могучий,
Он — мысль его, глагол его живой.
Никто с такою силою певучей,
Никто с такой любовью огневой,
Так вдохновенно — до его прихода —
Не славословил русского народа.

Есть крепкая меж ним и нами связь.
Когда печаль мне сердце гложет,
Перо мое дрожит, остановясь,
И воплотиться замысел не может, —
Его речам я внемлю в тишине,
И силы пробуждаются во мне.

Он с нами, наш вожатый ясноликий, —
В какие дали свет его проник!
«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...»
Я, скромный ученик его, ликую,
Читая надпись эту золотую.

Тебе, учитель, слава и почет
В любом краю Советского Союза,
И в памяти народной не умрёт
Твоя неувядающая муза;
Ей внемлет русский, белорус, грузин,
Туркмен, якут, литовец, армянин...

О, вспомни, вспомни тяжесть крыльев
чёрных

Зловещего двуглавого орла!
Нет, не таил ты мыслей непокорных,
Нет, не склонял ты гордого чела, —
Ты звучно пел о родине любимой,
Жестоким самовластием гонимый.

Взгляни, тобою чаемая сила
Преобразила край твоих отцов
И племена другие одарила
Бесценным жемчугом твоих стихов;

Советскому народу в дни сражений
Служил поддержкой твой бессмертный гений.

Глубок и ясен смысл речей твоих.
В который раз клеветникам России
Бросаешь ты в лицо свой гневный стих?
В который раз, как трубы золотые,
Слова твои с народной песней в лад
На пиршествах торжественных звучат?

Когда наш дух пылает жаждой знанья,
Когда за мир мы боремся, когда
Увлечены мы делом созиданья
На поприще вседневного труда,
Глашатай жизни — ты повсюду с нами,
Свободного отечества сынами.

Смычки поют, и занавес плывёт.
С Онегиным на сцену входит Ленский,
И на устах певца твой стих живёт, —
Он прозвучит сегодня по-туркменски...
Дутар звенит в ауле, как ручей,
В согласье с музыкой твоих речей.

Из-под искусных пальцев ковровщицы
Проглядывает яркий облик твой...
О друг наш светлоглазый, смуглолицый,
Ты жив! Твоим народом и Москвой
Протянуты к нам дружеские руки.
Для нас не будет никогда разлуки!

Союз народов наших — нерушим,
Равно удел наш год от года краше,
Объяты мы стремлением одним,
По одному пути народы наши
Коммунистическая партия ведёт.
Да славится могучий твой народ!
Хвала народу русскому! Твой гений
Он выпестовал на груди своей.
Алеют розы... Праздник твой весенний
Встречает громкой песней соловей.
Не позабыт твой подвиг благородный,
Ты славою узенчан всснародной!

БАХШИ

Нам наши предки так повествовали:
Не сладко было жизнь влачить бахши.
Что видели они? — Лишь горе и печали.
Что слышали? — Не пой, молчи, бахши!

Кто знал бахши? — Богатые и ханы.
Мучители, народные тираны
Над песней издевались беспрестанно,
Хоть были песни хороши бахши.

Дутары покрывала пыль густая,
Дрожали струны, жалобно рыдая.
Пришёл Октябрь, от бедствий избавляя,
И позабыл печаль души бахши.

Уже не траур — праздник повсеместный,
И молодость край получил в невесты,
Крылатая взлетела к солнцу песня,
И голоса не заглушить бахши.

Душа бахши поёт как сад весенний.
Пусть льётся музыкою вдохновенье,
Мы слушаем дутара песнопенье —
И счастья больше не лишить бахши!

1950

НА ПРАЗДНИКЕ

Застилайте полы для гостей пестротою ковров,
 Подавайте на стол куриный дымящийся плов,
 «Безмеин» и «Тер-баш» и весёлый «Ясман-салык» ¹
 Пусть украсят ряды наших праздничных длинных
 столов.

Так — усладу души — выше чашу с вином
 поднимай, —
 Пей, но в праздник великий, смотри, головы не теряй!

Пусть же праздник гремит, пусть веселье войдет
в каждый дом.

Подтяни на дутаре струну. Песнь, разлейся кругом!
Веселиться не стыдно, сегодня — великий наш день,
Пусть летит над землей неумолчная слава о нём.
Так — усладу души — выше чашу с вином поднимай, —
Пей, но в праздник великий, смотри, головы не теряй!

Пожелаем мы Родине в новых трудах богатеть,
И в победах мужать, и в расцвете садов зеленеть.
Пусть погибнет от зависти злобный и яростный враг!
Пью, сегодня наш праздник. Буду петь, буду пить
и хмелеть!

Так — усладу души — выше чашу с вином поднимай, —
Пей, но в праздник великий, смотри, головы не теряй.

1949

¹ Сорта туркменских вин.

ТУЧА

Крылья распрямляя,
туча идет.
Небо разрыхляя,
туча идет!
Сито над землею
Она трясет.
Золотые зерна
в землю кладет!
Бусинки-дождевики
бегут вскачь,
струи-хвостинки
секут карагач!

Туча небо лаком
кроет окрест,
вниз бросает якорь
туча с небес!
Облака как копны...
Ясен зенит, —
Лишь лучи,
как копья,
Солнце вонзит!
И с земли умытой
пышней опар
поднимется
ситный,
белый пар!
Весной черным небом
вьется туча,
наземь белым хлебом
льется туча!

Коль не может звонко
пролиться туча —
Пусть пройдет стороной
такая туча...

Пусть приходит туча
с добром, теплом.
Пусть уронит туча
мешок с зерном!

Где дожди пройдутся,
пусть, звеня,
весело пробьются
вверх зелены!..

1948

ВЕСНА ИДЕТ

По полям овражным
                        весна идет.
Вперевалку важно —
                        так гусь идет!
По дорогам вязнут в грязи возы...
Кажется:
                        мне мало одной весны!

Если бы стало лето — весной,
Если бы стала осень — весной,
Если бы стала зима — весной?
Ни жара, ни холод,
Ни дождь обложной!

Чтобы клен не стряхивал
с плеч листвы,
Чтобы только солнце средь синевы!
Чтобы на дороги, пылью пыля,
Тихо не просила: «Дождя!» — земля.

Вот в такую пору
                        в амбары сгружай
Урожай пахучий,
                        как каравай!
Вот в такую пору скажешь:
                        «Продлись!»
Малиновым цветом вспыхни, жизнь!»
Верю

**всем я сердцем в свет — не в тень,
В солнечный, весенний
                        грядущий день!..**

1950

КАЗАХСТАН ЦВЕТЕТ

Плывут над Ала-Тау облака
Торжественно, как поезд лебединый,
С рекой перекликается река.
Прекрасны эти горы и долины.

Сокровищница наливных плодов,
Прекрасней гор твое предназначенье,
Алма-Ата, — среди твоих садов
Гнездо искусств, наук и просвещения.

Друзья мои, Сабит, Мухтар, Сатбай!
К вам солнце славы лик свой повернуло.
Когда-то к свету призывал Абай,
И внемлет мир наследникам Джамбула.

Балхаш могучий и Караганда —
Народа-победителя твердыни!
А там, в лугах, несметные стада,
В полях пшеницы — что песку в пустыне.

Теперь победы общие у нас,
Одни у нас и чаянья и думы.
Во славу общей родины сейчас
Канал преобразует Каракумы.

Засеребрится хлопок в тех краях,
Где до сих пор стоял перед глазами
Туманной пеленою жгучий прах...
Гостей казахских встретим мы цветами.

Привет вам, братья, пламенный привет!
Да будет нам удача в каждом деле,
Таких преград на белом свете нет,
Каких бы вместе мы не одолели.

-

1951

НА РАССВЕТЕ

Барханами сыпучий лег песок,
Как творогом, покрыт он снегом сонным;
Когда идешь, скрипит в снегу сапог,
«Шурх-шурх» — снежинки шелестят
по склонам.

Венера меркнет, наступает день,
Едва всплывая в побледневших звездах.
И мир, свой серый натянув чекмень,
Уже мне виден сквозь морозный воздух.

Нет никого. Ни путников, ни юрт;
Ни голоса в пустой дали безбрежной.
Но движется в песках овечий гурт,
И музыка струится песней нежной.

То не дутар сплетает звенья нот, —
Простой туйдук звучит в пустыне чуткой;
Ни для кого, — он для себя поет
Тот музыкант, чабан с пастушьей дудкой.

Струится соловьиной трели звук
И в жилах дрожью зыблется мгновенной, —
И бессловесный говорит туйдук
О радости, простой и вдохновенной:

«Пусть бедным чабаном меня зовут,
Но я богач, скажу я и не думав:
Пусть мне барханы золота дают, —
Нужней мне ширь и воздух Каракумов.

Я не наемник, я хозяин здесь,
Я воин пастбищ, на посту всегда я;

Будь жемчугами я осыпан весь, —
Я предпочту росу родного края.

Весной, зимою — все мне здесь дано:
И алый мак, и снег, как бархат гладкий,
И яркого каракуля руно,
И по двое ягнят от каждой матки.

Родным бойцам дает рабочий сталь,
Дайханин — хлеб, а я сукном их грею,
Я мясо шлю им в боевую даль,
Делюсь я с ними силою моею!»

И вдаль — на запад — обращен туйдук,
Он вдохновенной страстной песней дышит:
Простой пастух, героев гордый друг,
Им шлет привет — и сердцем отзыв слышит!..

1948

БАХАР

1

Точно лес над степью — вышки в небе синем,
Каждая — красавица, высока, стройна,
Но Бахар — одну лишь видит между ними,
Ей опорой неба кажется она.
Как она прекрасна в девичьих глазах!
Как сосна могучая в северных лесах.

Вся она — с вершины самой до подножья —
С неотступной силой девушку влечёт.
И Бахар с неё глаза свести не может,
Словно в ней душа души ее живёт.
Легкою походкой, свёрточек в руках,
К ней Бахар подходит, убыстряя шаг.

Ветерок с Кум-Дага треплет чёрный локон,
Развевает шарфа золотистый шёлк
И ко мне доносит песню издалёка, —
В этот час случайно я туда пришёл.
Не скажу, о чём та песенка, друзья,
Только чьё-то имя в ней подслушал я.

Только разглядел я девичью улыбку,
Блеск зубов жемчужных, искорки в глазах,
Длинные ресницы, стан высокий, гибкий!
Вся она светилась в солнечных лучах,
Молодостью, жизнью радостной полна...
Почему, куда же так спешит она?

2

На рычаг спокойно руку опуская,
Взор на индикатор перевёл Айтджан.
Днём и ночью ротор, отдыха не зная,
Точно шмель огромный, кружится, жужжа.
Глубоко под вышкой сквозь земную грудь
Долото стальное пролагает путь.

Дерзость и отвага в юношеском взоре.
Что там, в чёрных недрах, увидел Айтджан?
Может быть, в подземном недоступном море
Золотую рыбку ты поймал, Айтджан?
Или страж сокровищ тайных, разъярён,
Грозно пасть разинул сказочный дракон?

Сквозь кору земную не проникнуть взором,
Но владеет мастер силою иной:
Он по звуку слышит, видит по приборам,
Как идёт сражение в глубине земной.
Покорившись нашей воле, отдала
Нам земля источник света и тепла.

3

Отдохнуть выходит юноша в курилку,
Беззаботно к небу синий дым струит.
Молодая сила бьётся в каждой жилке,
За мечтой счастливая вдаль мечта летит.
Паутинки вьются в воздухе, дрожа.
Тихо всё... Внезапно поднялся Айтджан,
Папиросу в воду бросил торопливо,
Вышел, оглянулся... Всё спокойно, друг!
Издали доносит ветерок ревнивый
Песенки знакомой тихий, лёгкий звук, —
Да подходит к вышке, торопясь, Бахар...
Принимай любви и дружбы скромный дар!

Девушка платок проворно расстилает,
Запах ароматный дразнит аппетит.
Завтрак подан! Мастер пот с лица смывает,
Вытирает руки и к столу спешит.

Завтраку беседа сладость придаёт,
Радость в каждом взгляде, в каждом слове —
мёд.

Таково влюблённых дорогое право.
Сердце — рядом с сердцем, бьются как одно.
Молодость! На свете лучшей нет приправы,
И любовь туманит мысли как вино.
Что она сказала? Что ответил он?
Знаешь сам, читатель, если был влюблён,

4

Смотрят друг на друга, глаз не отрывая,
Каждым взглядом, каждым словом дорожа.
Ровный гул мотора льётся, не смолкая,
Точно шмель над нами кружится, жужжа.
К сокровенным недрам сквозь земную грудь
Долото стальное пролагает путь.
Вышки, вышки... словно лес встаёт над степью.
Нехотя уходит девушка домой.
Ветерок с Кум-Дага чёрный локон треплет,
В степь уносит звуки песни простой.
Шаг шагнёт, оглянется, постоит Бахар...
Все свои богатства жизнь несёт ей в дар.

1954

ГОРДОСТЬ МАТЕРИ

В теплый осенний полдень
Листья на кленах спели,
В теплый осенний полдень —
Звонкие голоса!
Малые дети — словно
Бутоны —
В Ленинском сквере
Весело машут руками,
И счастьем сияют глаза!

К белой коляске этой
Прохожих глаза прикованы.
Мать спеленала маленького
И уложила спать.
А мальчик не успокоится —
И одеяльце скомкано,
И сам он как будто цветочек,
Что хочет с земли привстать!

Маленький, маленький щурит
Глазенки
На солнце и ветер,
Машет бессильно руками —
Так машут
На окнах шмели.
А мать стоит — призадумалась:
«Где вы, родные дети,
Куда занесла судьба вас,
В какие края земли?»

Их десять веселых, ладных,
Маленьких еще, взрослых:

ПУСТЬ ЦВЕТЕТ

Только по-весеннему оденется
Каждый сук на персиковом деревце,
Слышу: за окном, у изголовья,
Открывая маленькие рты,—
С добрым утром! Как твоё здоровье? —
Спрашивают красные цветы.

Обещают: — С золотыми снова,
С добрыми плодами будешь ты! —
Ах, цветы! Вы — как узор ковровый
Или вязь душевной красоты.

Чем помочь вам? — Нам твоя забота
И любовь ответная нужна.
Как и у тебя, у нас — работа,
Сложный труд с рассвета до темна!

Ах, цветы мои, как вы красивы!
Мне ли ваших нужд не понимать!
Рад я поделиться с вами силой —
Любящему сил не занимать!

1955

ЧЕТЫРЕ НАЧАЛА

В кибитке одной
я увидел четыре начала.
Хозяин был стар —
свой намаз он творил величаво.
В безделье скучающий
сын старика бородатый
вином утешался,
смеясь над словами адата.
Мать пестрые нити
вязала узором ковровым.
Дочь книгу читала
по-школьному, слово за словом.
Хозяин — тутовник,
скривился, не выправишь — поздно.
Сын — буйный сорняк,
коренящийся в поле колхозном.
Мать — тихий источник,
что льется ни щедро, ни скупю.
А дочь — золотой,
изразцами украшенный купол.

1954

НЕ ДОГНАТЬ

Мне намекают: стар, и шутят надо мной.
А я не огорчен моею сединой.

С почтеньем говорят при встрече: яшули!¹
А я готов пешком идти на край земли.

Советуют: пора! Мол, время отдохнуть
И пыль больших дорог с одежды отряхнуть.

О старости твердят и не хотят понять,
Что ей в пути как раз меня и не догнать.

1954

---

¹ Я ш у л и — почтительное обращение к старшему.

НА БЕРЕГУ КАСПИЯ

Звезды в небе как бабочки,
Звезды в небе как яркие искры,
Облетели давно
И погасли вдали на земле.
И парным молоком
Туманы над морем повисли,
И ветра пробудились,
И почки проснулись во мгле.

Я по берегу Каспия
Гулял вечерами немало.
На сыпучем песке
Следы оставлял у волны.
По-верблюжьи спокойно
Море лежало — дышало,
Будто жвачку жевало,
Ожидая немой тишины.

Волны ходят по Каспию,
Горбы неуклюже вздымая,
Норовя на сыпучем песке
По-верблюжьи прилечь.
Вновь волна набежала,
Отступила... За нею — другая.
Я прислушался к шороху волн
И услышал их тихую речь:

«Ты, наверно, о наших страданиях
Знаешь и помнишь.
Мы не видели жизни,

Здесь не было птиц никогда.
Только волки голодные
На луну

                                выли в звездную полночь...
А теперь — всюду жизнь.
Всюду в небо растут города!

Солнце ныне рабочим
На груди расстегнуло рубашки:
И шагами бурвышек
Обмерена жаркая степь.
И глазами бурильщиков
Упорство глядит без опаски.
Исполняя надежды,
Бьет фонтанами жаркая нефть.

Новый город у Каспия!
Нет величавее города!
Каспийское море качает
Волны, как будто внучат,
Здесь, где раньше когда-то
Не слышалось птичьего голоса,
Комсомольские песни
И заздравные чаши звучат.

Отдыхая на солнце,
Возлежит нетревожимый Каспий,
А над ним солнце всходит
И растет, как цветок сарана.
Каспий хвалится громко:
«Не отыщешь воды здесь ни капли!
Сладкой, пресной воды!
А моя ведь вода солона».

Но пришел человек
И привел сквозь пески за собою
В трубах свежую воду.
Человек все умеет, все смог!
...И теперь я стою
Над речною водой голубою.
И мне кажется, будто
Тихо плещется небо у ног.

В ГОРАХ БОЛЬШОГО БАЛХАНА

I

Завстным желание было одно,
И сбыться ему наконец суждено.
На запад лежит предо мною дорога,
К Большому Балхану дорога ведет,
К долинам, ущельям его и отрогам.
К вершине, что держит главой небосвод.
Дорога зовет и торопит: «Спеши!
Бродить по горам — наслажденье души».

Давно ли сюда караванная тропка,
Неверная, узкая, в скалах вела
Лишь выючную лошадь, ступавшую робко,
Верблюда порой и худого осла.
Теперь здесь шоферов слышны голоса
И вииден узорчатый след колеса.

И мы, у подножья оставив селенья,
Сюда вместе с солнцем подняться смогли.
Не ждали, зная, нашего тут появленья
Архары — хозяева этой земли.
Рога их высокие издалека
Сравнил бы я с зарослями ивняка.

Стояло не знавшее выстрела стадо,
Не дрогнуло вдруг, не пустилось внамет.
...Охотник, что зверя следил из засады,
Волнение и страсть мою, верно, поймет,
Казалось, архары держали совет,
Не зная, бежать им от нас или нет.

Красою их дикою замороженный,
В нежданном и близком соседстве таком,
Глазами следил я за настороженным,
Тяжелым, но стройным самцом-вожаком.
Вдруг выстрел ударил... И стадо в пыли
Исчезло... И замерло эхо вдали.

Лишь тот, чьею страстью я залюбовался,
Красавец вожак не ушел от свинца;
Рванувшись за стадом, упал и остался,
Забился, почувствовав близость конца,
Толкнул меня кто-то: взглянуть подойди
На ветер бушующий смерти в груди.

И я подошел — на прекрасного зверя
Взглянуть... Не кляня уже и не грозя,
А словно бы гибели близкой не веря,
С укором суровым глядели глаза.
Лежала на камне его голова.
От крови вокруг порыжела трава.

В балханские горы и в солнце влюбленный,
Казалось, осмысленно, как человек,
Прощался навеки он с миром зеленым,
С горами и небом прощался навек.
И долго над ним мы стояли вдвоем:
Я — с горькою думой, водитель — с ружьем.

Я думал: не зная ни сроков, ни меры,
В машинах преследуют их браконьеры,
Бьют маток с козлятами в вешние дни,
И скоро в Туркмении вымрут они.
А редкому зверю мы дать бы могли
В Балханах кусок заповедной земли.

Чтоб стадо привыкло к сигналу машины,
Чтоб стал человек им как ласковый друг,
Чтоб к этой дороге спускался с вершины
Козленок и брал бы лепешку из рук.
Я верю, что сделают поздно иль рано
Большим заповедником горы Балхана.

Похожи на волны застывшего моря
 Большого Балхана крутые хребты.
 Арча покрывает, взбегая на взгорье,
 Раскидистой хвоей и мох и цветы.

Подходишь с опаскою к краю стремнины,
 И кажется гладким зеленым столом
 Широкое дно травянистой долины —
 Готовый, естественный аэродром.
 Несметные выкормить можно стада —
 По склонам в избытке и корм и вода.

Там вьется ручей, как серебряный пояс,
 Как глаз журавлиный прозрачен и чист;
 Там перепела, о птенцах беспокоясь,
 В лугах поднимают и гомон и свист;
 Там легкие сны навевающий мак,
 Качаясь под ветром, цветет на холмах.

Ах, ветер долины! — седин моих нежно
 Касается он голубым гребешком.
 Бодрит он меня, и готов я, как прежде,
 В дом друга идти сквозь пустыню пешком.
 Что солнечный луч! — здесь и камень простой
 Весь полон особой к тебе теплотой.

Так, радуясь запахам, краскам и звукам,
 Шагаешь легко все вперед и вперед.
 Ты вырос, и кажется — вытянешь руку,
 И сядет к тебе на ладонь самолет.
 Сдается, здесь медленней времени бег,
 Здесь край долголетия найдет человек.

Сначала я думал, что это куланы
 Косились сторожко, завидев людей,
 А это в предгорьях Большого Балхана
 Бродил одичавший табун лошадей.
 Вглядеться стараюсь в них из-под руки —
 В репейнике грива, и ноги тонки.

Бока их отсвечивают позолотой,
Лоснятся их крупы, жирны и круглы;
Снуют жеребята, не зная заботы,
Кобылы зовут их, пугливы и злы.
Доносится с пастбища дух чебреца
Да тонкий, встревоженный всхрап жеребца.

Кочует табун и в жару и в морозы,
Все больше дичающий день ото дня.
Забыли о нем. До него ли колхозу! —
Машина давно заменила коня.
Подох стригунок, околел ли в мороз —
За лошадь какой с председателя спрос?

Что в ней? Ни съедобного мяса, ни жира;
Ее не отправишь на бойню, под нож.
К тому ж — подтвердят это все старожилы! —
Тулупа из шкуры коня не сошьешь.
Решил председатель: «Не надо коня!» —
Со сбруей возня и с навозом возня,

Забота с конюшней, с кормами забота —
Нельзя же повсюду поспеть одному!
Пусть бродят, как знают, на воле, для счета, —
Живет же кулан на подножном корму.
Решил председатель над крышкой стола —
И выгнали всех лошадей из села.

И глупо. Я слышал о том, что весною
Степная кобыла — на вес серебра.
Кумыс! Не сравню с ним лекарство иное!
Понять председателю это пора.
Когда бы за дело тут взялся всерьез,
Мы с корнем бы вырвали туберкулез.

Мне видится девушка в белом халате.
У цинковых фляг она светится вся,
Готовя, здоровья народного ради,
Напиток, творящий с больным чудеса.
Пора за здоровье начать нам поход.
И тут для колхозов почет и доход.

Мне видятся стройные белые зданья
Известного всюду курорта «Балхан».

Спешат сюда наши дорогою дальней
И гости из демократических стран.
У тех, что не едут, у каждого — мысль:
«Пора бы и нам на туркменский кумыс...»

4

Вверху, где кончается гривка лесная,
Где в марте белеет нетающий снег,
Видна над землею стена крепостная.
Ее омывает источник Дюйнек.
Кто в стену сложил обомшелый гранит?
Чьи тайны забытая крепость хранит?
Об этом хотел бы спросить я ученых:
Возможно ли края не знать своего?
Возможно ль о тайнах тех неизреченных
У этих камней не спросить ничего?
Иль камню лежать, как лежал он века,
И нет у нас общего с ним языка?
Нет, с ним разговор хоть и труден и долог, —
Упорным трудом развязав немоту,
И камень заставит сказать археолог
Про жизнь бесконечно далекую ту:
Какой в этой крепости властвовал шах;
И с кем он был в мире, и с кем — на ножах;

И сколько прошло поколений безвестных;
Какие им земли пришлось оросить —
Рабам и дехканам из пришлых и местных?..
Не знаю, о том у кого бы спросить?
Иль древняя летопись скрыта навек
В стене крепостной, где струится Дюйнек?

5

Когда-то Узбой здесь в извилистом русле
Долиною горной до Каспия тек,
Бал-кан называли его, а по-русски
Бал-кан это значит — медовый поток.
Стояли сады по его берегам,
Отары паслись по зеленым лугам.

Но воды потока иссякли однажды,
Заткали ту землю полынь да курай —

И голой пустыней, томимою жаждой,
Стал некогда щедрый и ласковый край.
Под толщей своей хороня города,
Песок наступал — за грядою гряда.

Лишь мертвое русло большого потока
Случайному гостю напомнит порой,
Как в звонкую чашу рубиновым соком
Гранат истекал здесь, хрустя кожурой.
Теперь не сады, а мираж перед ним
Бежит, исчезая, как розовый дым.

Но руслу сухим оставаться недолго:
К Узбою советский придет человек —
Строитель, Мургаб покоряющий, Волгу,
Течение сибирских изменчивых рек.
За ним, как верблюдов на веревке, сюда
Покорно придет голубая вода.

Срок близок, когда в полноводном канале
Здесь будет звенеть и плескаться она.
И вспомнив, какие им пройдены дали,
Строитель напьется ее допьяна.
Сладка она будет, как сотовый мед.
Живою водой он ее назовет.

Балхан! Довелось повидаться с тобою,
С вершины я дали твои оглядел.
Я счастлив твоею завидной судьбою,
Мой край непчатых событий и дел.
Целую я камни твои и ключи
И свежие, хвойные лапы арчи.

ПОГОДА ХМУРИТСЯ

Снова хмурая погода:
Снова листьям облетать.
Солнце всходит — и на горы
Тихо валится опять!

Словно первые метели
В небе хмуром, тяжелы,
К югу грузно пролетели
Журавлиные «курлы».

Пух лебяжий — хлопок белый
Собран ныне весь как есть.
Вдруг погода грузный, первый
снег густой насыплет здесь?

Слышишь, зябкий, хрупкий, тонкий
Дождь ударит — и пойдёт!
Он пойдёт — помочит дольки
И хлопчатник обомнет!

Чтобы быть амбарам полным,
Чтоб собрать весь урожай —
Будь в своей работе спорым,
Так — что только успевай!

Так что помни, помни, помни —
Зря не дай пропасть добру!
И работай в ночь, и в полдни,
И при ветре, и в жару!

Только дождь утихнет,— ветер
Вдаль прогонит облака,
Будет хлопок в теплом свете
Греть на солнышке бока!

Будут тонкие прожилки
В свете солнечном видны!
Собирай все до пушинки —
В закрома моей страны!

Торопись! Метель нагрянет,
Снегом хлопок заметет!
Торопись! Зима настанет!
Торопись! Мороз идет!

Пусть погода будет хмурой,
Пусть лихою, пусть седой...
Пусть погодой темно-бурой
Будет крыт простор степной!

Пусть в степи — тепла ни следу,
Пусть дожди шумят вокруг.
Уберешься — я приеду
В гости к вам в аул, мой друг!

1957

НА БЕРЕГУ МОРЯ

О Черное море! Стою на твоём берегу
И глаз от тебя ни на миг оторвать не могу.
Плененный величием вечной твоей красоты,
Смотрю, как ты спишь, как от сна пробуждаешься ты.
Вот ты подбегаешь и вот отбегаешь, играя.
По берегу шлейфом своим серебро рассыпая.

Когда беспокойно ты гонишь волну за волной,
Они, как барханы в пустыне встают предо мной.
Когда отдыхаешь ты, в сладком томясь полусне,
Сверкающим зеркалом грудь твоя кажется мне.
Плывущие в даль корабли ты в себе отразило.
Нам, детям земли, ты даруешь целебную силу.

Люблю я прохладного берега звонкую тишь,
Где брызгами влаги ты зелень живую кропишь.
Ты всем, кто спешит к тебе ветром соленым дышать,
Объятья свои раскрываешь, как добрая мать.
С тобой сотни тысяч людей в ежедневном общенье,
Я — капля среди них, но безмерно мое восхищенье.

...Все выше, все круче великой эпохи подъем.
Движением бурным, порывом ее упоен,
И я устремляюсь вперед по дорогам крутым,
О, если б остаться я мог навсегда молодым!
Ведь жизнь год за годом становится краше, чудесней!
Прославить ее мне б хотелось достойною песней.

О море! Я мысли и чувства тебе отдаю.
Ты властно и щедро. Ты душу ласкаешь мою.
Сверкай под пылающим солнцем, в объятья маня!

В своей колыбели качай, как ребенка, меня...
Весна человеческой жизни, увы, быстротечна.
И я — человек, и цветам не цвести моим вечно.

Но ты... Почему, что ни час, ты теряешь покой?
Чего ты боишься? С какой ты знакомо тоской?
Зачем ты волнуешься, словно под ветром камыш?
Иль страх перед смертью и ты в своем сердце таишь?
Ты волны, как горы, вздымаешь и рушишь сурово —
И кажется, будто весь мир поглотить ты готово.

Я знаю: в твоём беспокойно бывает дому, —
Внезапные ветры препятствуют сну твоему.
Но это ли горе?.. Вот вновь безмятежен твой вид.
Ты в мире не гость, и душа у тебя не болит.
Извечен и гнев, и покой твой... Я был бы доволен,
Когда бы твой век мне достался хоть в тысячной доле!

Надежней, верней стал тогда бы мой ревностный труд.
Я знал бы: обилье плодов мои дни принесут...
Но буду, пока не приблизится час умереть,
О милой стране моей гордо и радостно петь,
Народ мой и партию славить. От них моя сила,
Все то, что в грядущее дверь предо мною открыло.

Ликуй! Будь приветливым, гостеприимным всегда.
Мне нежных объятий твоих не забыть никогда.
Смерть мышью крадется к корням моего бытия...
Ты вспомнишь ли, море, что был твоим гостем и я?
Всем сердцем я жажду увидеться снова с тобою!
И ты мои жалобы скрой навсегда под волною...

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Ты меня, старика, обнимало.
Я, встречаясь с тобой, молодец,
Верил снова, что в жизни немало
Ожидает неначатых дел.

Ничего, что одет не по моде
Я в твоём благодатном краю.
Море Черное, Черное море,
Ты любовь не отвергло мою.

1957

ГУСИ

Путь ваш по синему небу пролег,
Тень ваших крыльев легла на песок.
Гуси, найдите поблизости воду,
Гуси, зачем вам лететь на восток?

Дождь обойдет нас — постигнет беда.
С неба, быть может, видна вам вода?
Если ее вы увидите, гуси,
Мы испечем вам лепешек тогда.

Ваша дорога лежит высоко,
Гуси, и вам без воды нелегко.
Воду найдите поблизости, гуси,
Не улетайте от нас далеко!

1960

* * *

Седина бороды — причина моей печали.
Кемине

Не замечаю седину,
Как в двадцать пятую весну,
В семидесятую свою
Всё удивляюсь бытию.

Ах, семьдесят ли, двадцать пять —
Моих желаний не унять!
Их у меня невпроворот,
Как юноша, гляжу вперед.

Нет, мне не тяжек груз годов,
Да я хоть вечность жить готов!
И кровь моя полна огня,
И цель большая у меня.

Меня сжигает страсть труда,
Усталым не был никогда.
Хмельную чашу жизни пью,
От молодых не отстаю.

Люблю я нашу жизнь-весну,
Во всем ценю я новизну,
И этот ткущийся ковер
Мне сердце радует и взор.

А сердце, как часы, стучит,
Не отстаёт, а жить спешит
И обещает неспроста,
Что проживу побольше ста...

Я гордо жил, не гнул колен,
Мне, повторяю, жить не лень,
Могу железо я согнуть,
Себе железный выбрал путь!

Бумагу украшай, твори,
Пиши! В твоих руках — дары!
Опора жизни — их твори! —
Стихотворения твои.

1957

ИСПОРЧЕННЫЙ КРАН

На доходы свои не пожалуюсь, нет —
Начисляют за опыт и выслугу лет.

Все же их не хватает — такая беда! —
Деньги мигом уходят, текут как вода.

У тебя, говорят мне, дырявый карман.
Он похож, говорят, на испорченный кран.

Соглашаюсь. Но встретив друзей у дверей,
Забываю опять я позвать слесарей.

Для хороших друзей пусть текут — не беда!
Пусть текут на здоровье — была бы вода!

1954

ПРОПАСТЬЮ РАЗДЕЛЕННЫ

Мать говорит:

— Быть в раю соблюдающим свято
Все наставленья муллы
И закон шариата.

Дочь отвечает:

— Муллы наставления ложны.
Мне он смешон
С болтовней своей пустопорожней.

Два человека,
Два любящих, связанных кровно,
А расстоянье, что их разделяет,
Огромно,

1957

ЕСЛИ ВЕТЕР НЕ ДУНЕТ...

Если ветер не дунет,
не дрогнет в степи и былинка.
Будет тихо дремать,
паутиной обвитая липкой.
Так и чувства мои,
хоть я вовсе не стар и не робок,
дремлют в сердце моем,
словно в зрелой коробочке хлопок.
Сердцу, жившему много,
нужна молодая гроза,
чтоб раскрылось оно,
как осенней порою гоза¹.

1957.

---

¹ Г о з а — хлопковая коробочка.

ПОДХАЛИМ

Он льстит и врет, как сивый мерин,
Прикидываясь простаком.
В путь соберешься — будь уверен:
Он знака ждет, он под седлом.
«Бей крепче пятками в бока!
Уж я потешу седока!»

Он волосы тебе пригладит
И, вынув шелковый платок,
Перед тобой на землю сядет
И пыль стряхнет с твоих сапог.
Обидишь — он не возразит:
Для подхалима нет обид.

В любой твоей нелепой фразе
Глубокий смысл отыщет он.
С тебя он смоем тонны грязи,
Прикроет с четырех сторон.
Пинков он не поставит в счет,
Но холодность — его убьет.

Он любит жить на даровщинку,
Нам похвала — всегда сладка,
И к сердцу твоему тропинку
Проложит он наверняка.
Оружье подхалима — лесть,
А способов польстить не счесть.

Его ни за сто, ни за двести
Шагов к себе не подпускай,

Чтоб голова твоя от лести
Не закружилась невзначай:
Дав своему оружию ход,
Он клеветой тебя добьет.

1950

* * *

Седлом натерло горб
У вьючного верблюда.
И черви рану ту
Давно терзают люто.

Верблюд с утра в пути.
Ни разу нынче за день
Его не пожелал
Переседлать хозяин.

Из тростника пустой
Свистулькой занял руки.
Как путь еще далек
И как громоздки вьюки!

1960

ШЕСТИСТИШИЯ

* * *

И если даже все блаженства рая
Предложат мне от родины вдали,
Я, предложенья эти отвергая,
Вновь поцелую горсть родной земли.
Все злато мира пред ее пылинкой
Ничто в краю, где пел Махтумкули.

* * *

Льва узнают до срока по когтям,
Но если речь заходит о проныре,
Определить такого по локтям
Легко в несовершенном нашем мире.
Глупец добился степеней известных
Благодаря локтям, литым как гири.

* * *

Чтобы душе не мучиться надсадно,
Напоминаю я: — Не изреки
Слов: «Бог уж с ними», «Да», «Согласен»,
«Ладно»
Ты, собственному мненью вопреки.
Кто супротив себя пойти способен,
Тому попасть нетрудно в дураки.

* * *

В жизни не надо по многим причинам
Званьем кичиться и хвастаться чином.
Следует помнить и старым, и юным,

И самым вознесшимся в том числе:
Быть человеком в мире подлунном —
Высшая должность на грешной земле.

* * *

Зря стрелу не спустит тетива,
Зря с перчатки не слетает кречет.
Пусть произнесенные слова
Правде жизни не противоречат.
Слово лжи лжеца пред белым светом
Вскоре поражает рикошетом.

* * *

Душа в тебя и пламенно и властно
Не стеклодувом вдунута была,
Но для нее, возвышенной, опасна
Обида, словно камень для стекла.
А души есть у всех, и потому
Быть справедливым надо самому.

* * *

Ветрено механика превратности
Колесу судьбы диктует ход.
Кто чинит другому неприятности,
Сам в капкан однажды попадет.
Род ведут, неся свое тавро,
Зло от зла и от добра добро.

* * *

Моим сединам оказавший почести,
На то, что я в годах, не намекай.
В заботливом и вежливом пророчестве
Ты мне покоя, друг, не предрекай.
Еще я молод и чего-то стою,
Еще пленяюсь женской красотой.

* * *

Тот не бедняк, кто новые одежды
Купить не смог по бедности своей.

Бедней его богатые невежды
И люди, у которых нет друзей.
Но всех бедней улыбчивый завистник,
Чужих успехов тайный ненавистник.

* * *

Невежество похоже на проказу,
Гноятся язвы у него в мозгу,
Я, словно врач, по предрассудкам сразу
Определить невежество могу.
Как прокаженный, должен, может быть,
Невежда с колокольчиком ходить?

* * *

— Меня, — сказал один, — который год
Не любит этот и не любит тот,
А третьего любовь — любовь казенная,
По виду — пламя, а по сути — лед.
Его не возражал я словесам,
Он пожинал то, что посеял сам.

* * *

Неотличим, клянусь я головой,
От холостого выстрел боевой.
И больше стало храбрых после боя,
Чем было храбрых на передовой.
Историограф собственной отваги —
Фантаст и на словах и на бумаге.

* * *

Напрасны были все старания,
Тебя не выбрало собрание.
Когда авторитета нет,
Его не словишь и арканом.
И схож со стриженным бараном,
Кто потерял авторитет.

* * *

За круглым полем щедрого стола
Был долг звон заздравного стекла.

И целый вечер я держался стойко,
А утром: вскачь вселенная пошла...
Ах, дуралей! Зачем я выпил столько?
В башке моей звенят колокола.

* * *

Успех человеческий — старый кочевник —
Приходит к достойным. И в этом, брат, суть.
Когда тебя честно обходит соперник,
Подножку не ставь ему. Рыцарем будь!
А станешь завидовать — жить не захочешь,
Сам свое бедное сердце источишь.

* * *

— Эй, редактор, не режь мою строчку,
Лучше палец ты мне отруби.
Удали запятую иль точку,
Только строчку мою не губи.
Ты — не ножницы, я — не бумага,
Соверши милосердие и благо.

* * *

На лихоимстве свой не строй достаток,
Опасна алчность — пагубная страсть.
Кто украдет, кто снизойдет до взяток,
Тому в позоре долго ли пропасть?
Раскаянье бывает слишком поздним,
Когда возмездье проявляет власть.

* * *

Узнавший радость позже, чем другие,
Друг позвонил, а было время сна.
— Проснись! — сказал. — Есть новости благие!
Сейчас зайду. Готовь кувшин вина!
Полнее радость он переживает,
Ведь первозданней для него она.

* * *

Когда б интригу млад иль стар
Принес однажды на базар,
Я за любую цену откупил бы
Произведенный подлостью товар.
Его забросив в бездну океана,
На мель я посадил бы интригана.

* * *

Взявшись за гуж,
Не скажи, что не дюж,
Если не мальчик ты,
Если ты — муж.

Славные так завещали мужи:
— Вылезь из кожи, а слово сдержи!

* * *

Извечно обновляется сознание —
Природы наивысшее создание.
Но иногда, как бы в пещерной темени,
Под полушарьем собственного темени
Дикарству предается человек,
Хоть на земле стоит двадцатый век.

* * *

В подлунном мире искони, от века
Не создано покуда ничего
Прекрасней и разумней человека
А также совершеннее его.
Но, чтобы человеком называться,
На свет родиться мало для того.

* * *

Когда кровоточащие куски
Ты на стальном шампуре видишь снова,
Подумай, друг, об участи строки
И о значеньи истинного слова.
И кровь и уксус. Правда с ними сходна,
А ложь в строке для жизни не пригодна.

* * *

В заискиваньи скрыта капля яда,
И, прикрываясь дружною всегда,
На самом дне угодливого взгляда
Таится затаенная вражда.
Чтоб лесть от правды отличить — не надо
Для умного особого труда.

* * *

Мир позабыл бы многое ...И благо,
Что есть на свете писчая бумага.
Не подкупить и не переупрямить
Свидетельства, доверенного ей.
И потому не умирает память,
Что лист бумаги времени сильнее.

* * *

На стол ночное льется серебро,
И схоже с инкубатором перо.
Мне по сердцу безмолвия пора,
И, к жизни независимой готовясь,
На лист бумаги, что бела, как совесть,
Птенцы слетают с моего пера.

* * *

Тратить деньги легко, добывать тяжело.
Даже проще сломать, чем построить, жилье.
Даже вырезать ложку труднее, чем сжечь,
Съесть барана легко, а пасти его — мука.
Сделать друга врагом — пустяковая вещь,
Но совсем нелегко из врага сделать друга.

* * *

Если речь напишут за оратора,
Никого он речью не обрадует.
Спотыкаться будет, по складам читать,
Будут люди в зале головой качать,
Спрашивать: к чему, мол, на трибуну влез?..
Попугая слушать — что за интерес?

* * *

Ты, горлодер, напрасно горло рвешь.
Не думай: «Кто горласт, тот и хорош».
Коль это было б правдой, то, пожалуй,
Осел блистал бы славой небывалой
И каждая собака из дворняг
Была б достойна самых высших благ.

* * *

В своем величье будучи уверен,
Надут всегда ты и высокомерен.
Все люди плохи, ты от них далек,
Мир жалок: он к ногам твоим не лег,
«Не понят я», — ты сетуешь всегда.
Нет, понят ты, и в том твоя беда.

* * *

Ты, сплетник, разносящий грязь и ложь,
На муху суетливую похож:
Ты добавляешь к радости беду,
Она — крупицу гадости в еду.
Летит она, жужжит, но час пробьет,
И кто-нибудь ей крылья оторвет.

* * *

Со словом добрым ты к нему придешь —
Он зол и хмур: твою, мол, вижу ложь!
Протянешь молоко ему — он лют;
Глядит на чашку, думает — мазут.
Ему что снег, что деготь — все одно,
В его глазах все плохо, все черно.

* * *

В гневе не видишь и света ясного.
В гневе джигит слабей старика.
Нет яда страшней для друга вчерашнего,
Чем яд, сорвавшийся с языка.
Если и в гневе язык за зубами, —
Значит, хорошими стали друзьями.

* * *

Дари, что хочешь. Подари халат,
Но не дари пустого обещанья.
За дело не берись такое, брат,
В котором гибнут все твои старанья.
Приятно обещать, но ты сперва
Для дела засучи-ка рукава!

* * *

Зачем взирать надменно с высоты
На тех, кого свела с тобой дорога,
И приставать с вопросами: «Кто ты?»
Узнать не трудно, потерпи немного.
Пустыня такова, что сам собой
Раскроется в дороге спутник твой.

* * *

Тебя, приятель, мы скорей пойдем,
Когда ты скажешь речь свою без брани.
Ты проглоти застрявший в горле ком,
Открой себя для добрых пожеланий...
Устали люди от вражды и ссор.
А ты не понял это до сих пор!

1960—1964

П О Э М Ы

ДЕВИЧИЙ МИР

I

Молву не скроешь, не прогонишь прочь.
Горька молва, когда родится дочь.
«Дочь родилась, — жалеет все село. —
Вот неудача, вот не повезло».

Родится сын — азан ¹ звучит в селе.
К счастливым все: кто — пеший, кто — в седле, —
приветствуют пришельца в этот мир.
У белых юрт кипит веселый пир.

В честь дочки вовсе не кричат азан,
не ставят даже праздничный казан.
Отец, услышав «Режь пупок скорей»,
ворчит: «И горло заодно бы ей».

Пристыженной лежит на кошмах мать,
не в силах глаз измученных поднять.
Отец не улыбнется никому,
все безразлично в этот день ему.

Потом и мать, в чреду хлопот уйдя,
забудет про родимое дитя:
печет чуреки или шерсть сучит,
а дочь не унимается, кричит.

---

¹ А з а н — призыв на молитву, произносится при рождении мальчика.

И мать прикрикнет, прежде чем войти:
«Земля тебя, крикунью, проглоти!
Неужто мне тебя весь день стеречь,
чтоб шею тебе вырвало из плеч!»

II

Но, слава богу, кажется цела,
глядишь, девчонка малость подросла:
смеется, забавляется в игре
с детишками другими во дворе.

Хрустальный голосок, искристый взгляд,
на тонкой шейке бусинки блестят.
И старшие заботятся о ней,
мол, нет плутовки нашей озорней,
а надо бы обычаи блюсти
и знать пора уж — как себя вести.
И учит мать ее — как встать, как сесть,
и косу как себе самой заплесть.

III

Так в хлопотах пройдут за годом год,
не будет у нее больших забот:
ну, разве что рассыплет бусы вдруг
и вновь нанижет, затаивши дух.

От юрты не отходит никуда,
становится стыдлива и горда.
И щеки покрывает алый цвет,
когда заговорит йигит-сосед.¹

Судачат аульчане в стороне
о прелестях ее и о цене.
И думают о ней отец и мать —
кому ее повыгодней отдать.

Доносится до них со всех сторон:
«Какой цветок!»
«Какой расцвел бутон!»
Они во всем усматривают вред,
на всем лежит родительский запрет.

---

¹ Й и г и т — молодой парень.

Смеяться громко — боже упаси.
К подружкам выйти — лучше не проси.
Мужчин она обходит стороной,
а гость войдет — она к нему спиной.

IV

У каждого — занятие свое,
находятся дела и для нее.
Днем вышивает, а настанет ночь —
за пряжу мать усаживает дочь.
Всю шерсть по волоску переберут,
а как закончат этот скучный труд,
то девушка садится за ковер
и ткёт прилежно лучший свой узор.
И днем, и ночью вместе. Ни на час
мать не спускает с дочки зорких глаз,
чтоб кто-то не задел, не подглядел.
Сидеть и ждать — таков ее удел.

V

А вот и засинел под юртой дым —
сваты из сел соседних едут к ним.
Родители, устав от новостей,
выспрашивают вежливо гостей:
кто ехать в этот край заставил их,
из знатного ли рода тот жених?
Случится если — кул он, а не иг,¹
сватов назад отправят в тот же миг.
А коль придется по душе ответ —
гостей и взглядом не обидят, нет.
«Есть сила, — скажут, — проходи, не стой!»
Чем лучше разговор, тем ближе той.

Обычно присылают яшули,
невесту чтобы оценить смогли.
Родители невесты в свой черед,
на сделку собирают весь свой род.

---

¹ Кул (раб) — туркмены, среди предков которых были персы, привозившиеся в качестве рабов.

Иг — часть туркменского общества, в которой не было примеси рабов.

Пьют гости чай и чмокают чилим,
но вот хозяин объявил калым:
коль груз посильный — ношу поднимай,
летит к вам счастье птицею Хумай¹.

Кто победнее, те уходят вспять,
нельзя, мол, необъятное объять.
Богатый начинает торг с умом:
«Коль скидка будет — девушку возьмем».

Хозяин ухмыльнется лишь словам:
«Мы точную назвали цену вам.
У вас цена другая, может быть?» —
И торг начнется — не остановить.

Поспорят час, другой, а то и пять, —
сваты немного станут прибавлять.
Хозяева узор словесный ткут,
но на уступки все-таки идут.

Смекнет отец, что торг идет к концу,
и в честь сватов велит забить овцу.
Шурпы наелись, чаю напились,
глядишь, и обе стороны сошлись.

VI

В печальном небе лунный свет разлит,
В соседней юрте девушка не спит,
не ткет, не забавляется игрой, —
сжигает душу мрачных мыслей рой:
«О черный мир, ты беспощадно лют!
Меня в чужое место продают.
Нет жалости нисколько у отца,
сизу я на веревке, как овца.
Я знаю, что была как вещь в дому,
что продают — покорна я тому, —
но для чего куда-то гнать коней —
в ауле нашем разве нет парней?
Неужто красоты я лишена
и никому в ауле не нужна?

---

¹ Х у м а й — птица счастья.

Но где же Хангельды, Аннамурад! —
любой из них на мне жениться рад...»

Бессонницей к утру утомлена,
уж о побеге думает она.
А утром замутился небосвод —
отцу от жениха пригнали скот.
Рассеян он, торопится к коню,
вновь собирает всю свою родню.
Садятся вместе на кошме опять —
имущество за девушку принять.

Склонившись деловито, из горсти
отсчитывают краны¹ — по пяти.
Хозяева, чтоб деньги уберечь,
хватают их, не дав на кошму лечь.

VII

Читателю мы скажем, пусть учтет:
идет у тетки в юрте пересчет.
Мужчин полно, и тетка молода,
но нет, не убегает от стыда.
Не прячет даже свой лукавый лик.
На дымоход накинула серпик².
В кибитке темень — счет вести ли тут?
А тетка ждет, когда ей мзду дадут.
Получит деньги, вот тогда уйдет,
сырыком³ ткнет — откроет дымоход.
И тот, кто счет ведет, успеет кран
во тьме тихонько положить в карман.

VIII

Невеста в стороне — ее ль вина?
Как кукла среди девушек она.
Ей украшают голову в тени
и примеряют платье — кетени,

Склоняются с притворством перед ней:
«О боже мой, держи себя вольней!

---

¹ К р а н — иранская денежная единица.

² С е р п и к — войлочная крышка дымохода юрты.

³ С ы р ы к — шест для открытия серпика,

Бог счастье открывает для тебя!» —
подружки насмежаются любя.

Но не шутя обидится она.
Как в зиму обращенная весна,
нахмурится, накинется на всех:
«Страдаю я, а им один лишь смех!
Бесстыжие, нисколько не щадят,
о счастье о каком-то говорят.
А ну-ка замолчите! Может быть
И вам мое придется пережить!»

IX

День свадьбы для нее — не день, а яд.
Уже с утра у юрт, стоящих в ряд,
краснеют из тамдыров языки,
с овец сдирают шкуры мясники,
собаки терпеливо ждут костей.
а люди с нетерпеньем ждут гостей:
нарядных атбашчи¹ придет жених,
и пиршество затеется в честь них.

Толпятся аульчане у двора,
готовит комья глины детвора.
Не осуди — обычай наш таков —
как подобает встретить чужаков.

А вот и атбашчи — все на конях,
не думают, наверно, о камнях,
и вдруг мальчишки, будто бы грачи,
накинулись на гордых атбашчи.
Хохочут, улюлюкают, свистят —
И комья глины в конников летят.
И те, чтоб ребятишек припугнуть,
палят из ружей, пробивая путь.
К кибиткам прорвались в конце концов,
да разве убежишь от сорванцов!
Как чертенята крутятся в аду —
один, второй повис на поводу,

---

¹ А т б а ш ч и — мужская часть свадебного поезда, направляющегося от жениха за невестой.

и вот уже испуганных гостей
драчливо валят наземь с лошадей;
кричат, пищат — попробуй их сдержи!

Х

И вдруг все стихло. Едут гелналджи¹.
Надменно, важно шествует верблюд,
по длинной шее колокольцы бьют.
Еще верблюды с пеной на губах,
И женщины в борыках на горбах.

Остановились за селом, вдали,
с верблюдов слезли, крадучись пошли:
друг к дружке жмутся, движутся толпой
к невесте, чтобы взять ее на той.
А тут, у юрты, выстроившись в ряд,
с утра на страже девушки стоят,
между собою разговор ведут,
что без борьбы подружку не дадут.

Пошли к кибитке гелналджи быстрее
и встретились со стражей у дверей.
Смешались все, толкаются, кричат.
На бедных гостях кетени трещат.

Но, видно, мало, что подняли крик —
стремятся с головы сорвать борык.
Оставить в стычке головной убор —
для женщины неслыханный позор.

Хозяева ругнутся: «Ах, чтоб вас!..» —
и разбегутся девушки тотчас.
И в юрту гелналджи скорей войдут,
и сразу чай и плов им подадут.

В подарке тоже им не откажи —
по пиале получают гелналджи.
И каждая припрятать норовит
в карман себе — где плохо что лежит.

Заметят кражу — не устроят суд
и виду даже им не подадут.
«Ай, пусть утащут», — скажут не в укор
и вновь проводят гелналджи во двор.

---

¹ Г е л н а л д ж и — женская часть свадебного поезда едет на верблюдах,

ХІ

Невеста слышит только сердца стук,
не может есть — все падает из рук.
«В чужие увезут меня края,
о бедная, кому достанусь я!
С кем жить придется, коротать мне век
он парень или старый человек?
А если этот самый человек
окажется калекой из калек!»

Но снова чьи-то речи у двора:
идут за ней — в далекий путь пора.
С порога на невесту бросив взгляд,
накидывают старенький халат.

К паласу на руках ее несут,
торопятся, но тетушки уж тут:
сидят спокойно, ждем давно, мол, вас,
нет мочи встать — платите за палас.

Притворщицам подняться помогли,
верблюда поскорее подвели,
невесту поместили на горбу:
езжай от нас, ищи свою судьбу.

Невеста сникла — оторопь берет,
верблюдов же не торопится вперед! —
Аллах их ненасытных покарай! —
за недоуздок держат: «Денег дай!»

Хоть кошельки почти уже пусты,
еще раз раскошелились сваты.
Ну а теперь быстрее, верблюдов, тащи,
бог в помощь, путь обратный отыщи!

ХІІ

Везут одну, жених в ауле ждет —
Такой обычай издревле живет.
По белым шорам, по пескам везут,

и вот уже «гелин»¹ ее зовут:
теперь почти замужняя она,
собой распоряжаться не вольна.

«Плешивого тебе всю жизнь любить!» —
стараятся в пути ей досадить.

«Слепому счастье отдано твое!»

Добавят: «Недостойн он ее!
Вы посмотрите какова она —
стройна и лучезарна, как луна!»

«Судьба ее — мучение и зло!»

«О бедная, тебе не повезло!»

Дразнят, не отступают ни на миг, —
халатом закрывается от них.

Селение чужое впереди.
Невеста слышит, как земля гудит.
На атбашчи взглянула — все как есть
вокруг селенья скачут в ее честь.

От юрт стремятся девушки толпой,
узнать им надо — едет кто такой?
Красавица в пути, не кто-нибудь!
К верблюду лезут на гелин взглянуть.

«Тьфу, тьфу, не сглазить!» — обступили вкруг.
Восхищены: «Луна, а брови — лук!»
К сватам со смехом кинулись тотчас:
«За красоту такую выкуп с вас!»
И снова в путь-дорогу караван —
уходит вдаль, с бархана на бархан.
Устало бубенцы звенят. Но вот
село чуть видно, где жених живет.

Сваты с верблюдов опустились вниз,
посоветались, назначают приз
тому, кто в скачке вырвется один
и известит аулу о гелин.

---

¹ Г е л и н — молодая женщина, а также почтительное обращение к любой женщине.

XIII

Готовятся к задорной скачке тут,
а там, в селе, давно невесту ждут:
за нею, мол, уехали вчера, —
давно бы возвратиться им пора.

В пустыню смотрят, напрягая взгляд.
Вдруг всполошились — всадники летят!
Стрелой несутся — убегай, не стой,
собьют — не сдержишь скакунов уздой.

Как звери кони в скачке вихревой.
Седок к коню прижавшись головой,
обходит, вырывается вперед:
не скачка, а стремительный полет.

К кибитке направляет он коня,
где женихова топчется родня.
В глазах йингита гордость через край —
вручают победителю серпай¹.

К аулу остальные атбашчи
летят стремглав, свистят в руках камчи.
И ружья у джигитов на виду —
стреляют холостыми на ходу.

XIV

С коней слезают конники-мужи.
Степенно подъезжают гелналджи.
Здесь шутки неуместны, дерзость — прочь, —
гелин встречают, словно шаха дочь.

Кто знает, у гелин что на уме:
ей сыплется на голову пишме².
И детвора, как ритуал ни строг,
лепешки собирает возле ног.

К кибитке новобрачную ведут
и, как везде, опять помеха тут:

---

¹ Серпай — приз, обычно халат.

² Пишме — ромбовидные жареные лепешки. Сыпать их на кого-либо — выражение лучших пожеланий, поздравлений.

закрылись, держат двери пареньки,
за вход в кибитку требуют платки.

Состроили сваты сердитый вид,
узнали — сколько в юрте их сидит,
платки раздали, выгнали во двор,
невесту посадили под затвор.

XV

На улице шумит веселый той.
Тойпай¹ на славу — подходи любой!
Пальваны состязаются на приз,
иди сюда и тоже веселись.

А вон игра. Толпа стоит вокруг —
Йигиты ждут награду за юзук².
И лишь жених сидит пока один,
не знает вовсе — кто его гелин.

«Придумали же люди ад земной —
женили, не советуясь со мной.
Сватам, отцу и матери видней,
но каково же будет мне и ей?
Как полюблю несчастную ее?
Узнали бы желание мое!»

Сидит, печалью сердце опалив.
О этот мир, как ты несправедлив!

XVI

Пирует люд, но не стоят дела:
на тое появляется мулла,
берет с собой десяток яшули,
и навестить гелин они пошли.

У входа глядя бороды свои,
к невесте чинно входят два судьи.
Доносится из юрты до толпы,
как перед ней читают «олсопы»³.

---

¹ Той п ай — доля от праздника, гостинец в виде сластей, завязанных в платок.

² Ю з у к — народная игра в колечко.

³ «О л с о п ы» — часть молитвы, читаемой на свадьбе.

Прочтут невесте брачной жизни суть,
взбодрят немного — посмелей, мол, будь,
и спросят вдруг изысканно в упор:
«Кто подтверждает брачный договор?»

Сидит в оцепенении она,
а судьи называют имена:
свидетель твой вот тот-то или тот?
Гелин кого попало назовет.

Из юрты вышли судьи к яшули
и к жениху за именем пошли.
И вот уже два имени даны —
брак подтвердили обе стороны.

Мулла обряд проводит без труда:
стоит в посуде брачная вода,
на ней платок лежит, а на платке
пригорком деньги или в узелке.

Прочтет мулла хутбу Абу-ль-бешер¹,
вздохнет не раз, глаза закатит вверх.
Сидящие в кибитке люди в ряд
согласие поклоном подтвердят.

Во время ритуала на ковре
сидит у юрты тетка во дворе:
молитвою муллы увлечена,
с угрозой держит ножницы она.

Вскрывая связи тайные багчы,²
какие-то нелепости бурчит:
«Подите прочь, злодеи, вот я вас!»
Веревки режет — только слышен лязг.

Закончится хутба — возьмут сосуд
и воду всем сидящим поднесут,
чтоб каждый выпил маленький глоток,
а каждому судье — с деньгой платок.

---

¹ Молитва, читаемая при заключении брачного контракта.

² Багчы — мнимые зложелатели, которые могут будто бы во время совершения обряда навести порчу.

Супругов, в честь кого устроен пир,
мулла поздравит возгласом: «Вакырр!»¹
За чтение хутбы, как никому,
подарок лучший поднесут ему.

Потом мулла и весь почтенный люд
к невесте в юрту жениха введут.
Гелин смущенно выйдет из угла,
и вот уж тетка руки их свела,
бормочет отрешенно в тишину:
«Не одевай ты в белое жену,
и синий цвет носить не разрешай,²
Да сядет вам на голову Хумай!»

Теперь жених обязан все уметь.
Суют ему йигиты в руки плетъ.
И помощь тут ему окажет всяк:
наденут сапоги, халат, кушак.

В глазах невесты стелется туман:
«Жених ли это, может быть, обман?
Была в его руке моя рука,
и не был он похож на старика!»

Стоит невеста, прикусив язык, —
чужой, но слава богу, не старик.
И сердце странно так себя ведет:
то вскинется, то снова упадет.

Гелин в смятении думает пока,
к ногам кладут ей на пол жениха.
Под пристальными взглядами чужих
«Сними с меня сапог», — велит жених.

Коль не по нраву ей подобный гнет,
жених, сердясь, ногой ее толкнет.
Один, второй протянет ей сапог, —
мучительно, непросто снять их с ног.
Нарочно напрягает ноги он.
И голоса летят со всех сторон:
«Вах, сапоги не может снять она!
Видать, гелин не очень-то сильна!»

---

¹ «В а к ы р р» — часть текста величальной молитвы.

² Это не праздничные цвета. Белый платок носят старухи, синий — цвет траура.

Промучится она с бедой другой:
кушак не снимет — узелок тугой.
Но лишь развяжет — всех прогонят с глаз,
натянут занавеску иль палас.

ХІХ

Не сразу созревает счастья гроздь, —
наедине оставшись, лягут врозь.
Любовь для двух — единый водоем,
пока же мыслят каждый о своем.

Ее витают мысли далеко,
его же любопытство велико.
В постели повздыхает он сперва,
потом несмело спросит: «Ты жива?»

Ответа нет. Немножко подождет,
нащупает лучину и зажжет.
Приблизится, согнувшись, словно див:
лежит она, лицо рукой закрыв.

Рождается в нем смелость «удальца» —
отводит ее руку от лица,
в глаза глядит — какая в них душа?
Обнимет, если очень хороша.

Прижмет, сомнет в объятиях своих,
уже законный муж, а не жених.
Лучинку погасят, уйдут во тьму,
ответит жаркой ласкою ему.

ХХ

Гелин наутро, сев к двери спиной,
ведет себя заправскою женой.
Вдевает не спеша в иголку нить
и начинает вышивать или шить.

Но появились люди у двора —
йигиты — гости — с самого утра!
Усаживаясь с мужем в стороне,
работу задают его жене.

Какой-нибудь «нечаянно» возьмет —
завязки на рубахе оборвет.
Другой нетерпеливо скажет ей:
«Гелин, завязки новые пришей!»

Сидит она, закрывшись, прячет взгляд, —
свисает с головы ее халат.
Найдется среди друзей смельчак один,
попросит мужа: «Покажи гелин!»

Проявит муж усердие свое —
поднимется, обнимет он ее,
мол, не пристало препираться нам,
и с силой повернет лицо к друзьям.

Не раз супруг такое повторит,
никто его ни в чем не укорит.
Три дня, пока в селе бушует той,
совсем покоя нет для молодой.

XXI

Утихла свадьба, узаконен брак —
проводится в ауле баш-салмак¹.
Все женщины аула будут тут —
и матери, и девушки придут.

Все встанут слева в ряд и справа в ряд —
разбившись на два лагеря, стоят.
Молодки примут сторону гелин,
старухи против — и сошелся клин.

На воле первобытна и груба
у женщин затевается борьба.
Летит песок и пыль — такая прыть.
Гелин халатом силятся накрыть,
надеть борык, но если смел — надень! —
борьба идет у женщин целый день.
Любой тут скажет — обе стороны
и силами и ловкостью равны.

---

¹ Баш-салмак — буквально «вложить голову», акт надевания не молодую головного убора замужней женщины.

Тогда решить «сражения» судьбу
две самых сильных выйдут на борьбу.
Другие поднимают грозный крик,
Трещит одежда, валится борык.

Неважно, кто кого в борьбе поверг —
по правилам берут старухи верх.
Снимают тюбетейку с молодой
и отдают незамужней одной.

XXII

Живут у мужа молодые в лад,
и незаметно день за днем летят.
Гелин лишь начала входить в дела —
явились люди из ее села.

И муж ее немало огорчен —
немедля юрту покидает он:
приезд гостей понравится кому,
когда жену берут на кайтарму? ¹.

Но встретят их радушно, как всегда:
гелин вам привезем, мол, вот тогда.
Договорятся — гору свалят с плеч —
и к проводам начнут челпеки ² печь.

А гости наедятся досыта,
у всех подряд намаслены уста.
Челпеки стынут на дворе в котле,
и ветерок копается в золе.

И вдруг к котлу йигиты подлетят —
печеного отведать захотят.
Столпятся, потешаясь, у котла,
шутя, котел очистят весь дотла.

С гелин в дорогу соберется люд,
в аул ее к родителям свезут.

---

¹ К а й т а р м а — впредь до выплаты всего калыма молодую отводят к родителям.

² Ч е л п е к — очень тонкие (тоньше блинов) лепешки, выпекаемые в масле. Челпек и мясо в определенном количестве отвозят вместе с молодой.

Приезжих там, как должно, приютят,
овцу забьют, на славу угостят.

XXIII

Гелин пробудет дома года два.
Возьмется ткать — засучит рукава.
Сидеть и ждать — закон неумолим —
покуда муж не выплатит калым.

Но и закон обходят стороной —
не раз, не два он встретится с женой,
хоть около нее засядет мать
и глаз не будет с дочери спускать.

На что угодно муж ее горазд:
тихонечко собаке хлеба даст,
войдет и не нарушит тишины,
приляжет слева около жены.

Никто их не услышит разговор
и не увидит, как уйдут во двор.
Найдут местечко, сядут вместе тут,
а там, глядишь, и петухи поют.

Но не всегда его минует зло,
глядишь, попался муж, не повезло:
несчастный, как ни вел себя хитро,
входя в кибитку, зацепил ведро.

Поймают, налетят со всех сторон,
не так уж трудно угадать — кто он.
Позорить перед всеми не резон.
«Ну, ладно, — скажут, — убирайся вон!»

Трудней всего встречаться молодым,
когда отец жены бывает злым.
Он, зятя в юрте прихватив своей,
не постыдившись, крикнет: «Вора бей!»

Осмеивает «вора» все село:
верблюжье взвалят на него седло,
и, подгоняя, кто-нибудь орет:
«Бог в помощь, животинушка, вперед!»

На полдороге сбросит он седло,
вернется опозоренный в село,
стыдясь расскажет обо всем своим,
и те отправят поскорей калым,

XXIV

Жена вернется к мужу в дом опять —
не станет он о прошлом вспоминать, —
давно забыли все его вину, —
горячей лаской встретит он жену.

Как голуби, мостя в гнезде уют,
жена и муж спокойно заживут
и будут жить до старости седой,
все время вместе — не разлить водой.

Конечно, будут споры на веку,
поссорятся порой по пустяку.
Но даже землю покрывает тень —
их ссоры, словно дождь в весенний день.

XXV

...Пока читал, подумал ты не раз —
О дочери имущих мой рассказ.

Коль у имущей участь нелегка,
то что скажу о дочке бедняка?
Сойдется с бедным — бедный будет той,
всю жизнь потом смотреть в казан пустой.

Богатому бедняжку продадут —
еще труднее жить ей будет тут.
По сердцу ли ему неравный брак?
Богатый муж — старик или дурак.

Жену свою он прячет от людей,
а в юрте с нею истинный злодей.
Поговорить с ней — боже упаси.
«Подай, надень, разденься, принеси!»

В день свадьбы, лишь к жене его введут,
верблюдов чванливый, он уже надут.

Небрежно к ней притронется рукой,
сердито рыкнет — вот, мол, я какой.

Подскажет ей обязанность слуги:
«А ну-ка, ты, сними мне сапоги!
Да поскорее — живо выбью лень!
Вот так-то! А теперь меня раздень!»

Жену притянет, похотливо строг,
толкнет на ложе, свалит ее с ног,
в постели зарычит и заспешит —
без всяких разговоров согрешит.

Услышав чей-то шопот у двери,
вдруг грозно крикнет: «Ну-ка убери!»
Невеста не поймет, и он опять
начнет рычать и пальцами щипать.

Она заплачет — он зажмет ей рот,
с ней совершит все, что на ум придет
Насытись, повернется к ней спиной:
шайтан с ней, с этой бедною женой!

XXVI

Преследует бедняжку цепкий страх,
как горлинка у ястреба в когтях.
Кому ей горе выплакать свое?
И пожалуй здесь некому ее.

Кто может сердце бедное понять?
Застонет с болью: «О, отец и мать,
зачем вы столько сделали мне зла,
неужто ненавистна вам была?
С бесстыдным байским родом рок вас свел,
в треножник их поставили котел.
Без жалости, без слез отросток свой
в котел кипящий ткнули головой.
За дочку деньги спрятали в карман, —
но не постыдный это ли обман?
Ни совести не зная, ни греха,
меня толкнули в лапы аждарха.
Своих щенков жалеет даже зверь.
Не знаю даже — кто вы мне теперь?

Ни жалость, ни тоска вам не нужны —
вы звоном медяков оглушены.
О боже, если б жить я так могла,
как раньше на свободе я жила!
Я дикой серной убегала в степь,
совсем не знала, что такое цепь,
резвилась беззаботно, — видит бог, —
не знала я ни горя, ни тревог.
В ауле с детворой дружила всей —
теперь же нет ни близких, ни друзей.
Есть только муж, да мужа злая власть.
В его кибитке, бедная, спеклась».

XXVII

Проходят дни — все так же муж сердит,
все так же гладок и все так же сыт,
но, как всегда, с обиженным лицом
и взглядом схож с отпетым подлецом.

Зевая, с одеяла он встает.
«Эй, женщина, ко мне!» — ее зовет.
С досады он перевернет жилье,
коль рядом не окажется ее.

Побьет, растреплет волосы на ней.
Что для мужчины может быть гнусней!
Жена рыдает, рукава в слезах,
а он доволен, смех в его глазах.

И гордо смотрит старая свекровь,
мол, храбр сынок, моя течет в нем кровь,
Невестку пожурит: такой твой рок,
и, изловчившись, сунет локтем в бок.

XXVIII

Приехав в свой аул на кайтарму,
жена твердит: «Не возвращусь к нему!»
Ей так легко во время кайтармы,
как будто только вышла из тюрьмы.

Но пролетит совсем немного дней,
и муж ходить повадится за ней.

И теще, что не спит ни день, ни ночь,
осточертеет собственная дочь.

Такой не станет прятаться от ссор,
не обратит вниманья на позор:
ковер с основы срежет и серпик,
и над основой вывернет янлык ¹.

И ко всему ублюдок этот вот
последним словом тещу обзовет.
Потом и для жены найдет вину —
полезет с кулаками на жену.

Уедет, на родню навеяв страх,
жена его опять сидит в слезах:
«О что мне делать с черною судьбой!
О, Азраил, возьми меня с собой!
Еще я не забыла прежних мук,
он снова мне принес клубок гадюк,
напакостил проклятый это муж
и улизнул, сказал лишь: «Ладно уж!»
Другие все живут с мужьями в лад:
и нежатся, и шутят, как хотят.
А в этом муже тысяча угроз,
несчастливая, устала я от слез.
О люди, люди, сжальтесь надо мной:
немногого хочу — судьбы иной!»
Не понимая, думает она,
что терпит униженья лишь одна.

XXIX

Как ни противно ехать ей к нему —
пора обратно, вновь пора в тюрьму...
Муж тут же начинает свирепеть:
ругается, хватается за плеть.

Супругу обвинив во всех грехах,
стегает ее плетью впопыхах,

---

¹ Серпик над дымоходом задеггивается веревочкой, отрезать ее — причинить ненужные хлопоты. Хуже перерезать основу почти готового ковра — труда скрупулезного, труда художника. Чудовищно, непоправимо! Я н л ы к — мех, в который наливают кислое молоко для сбивания масла. Если молодой муж вылил это молоко на перерезанную основу ковра — его мало убить.

ругает: «Вот тебе, собака, вот!» —
отбросив плетку, сапогами бьет.

Грозит ей: растерзаю, прогоню!
Бранит всех близких, всю ее родню:
отца и мать, и братьев, и сестер.
Дай волю, всех бы в порошок он стер.

Чуть позже, поостыв и плеть убрав,
он укрощает свой свирепый нрав:
«Скажи спасибо, дура, хватит выть,
коль захочу — могу тебя убить!»

И властно ей прикажет: «Ну-ка встань!
Иди-ка посиди со мною, дрянь!»
Подумав, сесть заставит у дверей,
но тут же скажет: «Чай песи скорее!»

Немного из пиалки стхлебнет,
«Холодный, — скажет, — чай, не чай, а лед!»
Попробуй мужу новый завари,
прикрикнет: «Чай горячий, убери!»

...Сгорает сердце пагубным огнем,
и свежесть увядает с каждым днем.

XXX

Не раз она аллаха призовет:
«Всевышний, покарай их черный род!
И это я им делаю, и то —
преследуешь меня, скажи, за что?
Был милостив ты к бедным, говорят —
зачем от них ты отвернул свой взгляд?
Иль взятку получил от богачей
и видишь только просьбу их очей?
Скажи же, сколько мне еще терпеть —
нет сил нисколько, лучше умереть.
Уйти в могилу — мне остался путь:
кинжал возьму, себя ударю в грудь,
иль брошусь я в колодец, утоплюсь,
а то вот яду выпью, отравлюсь.»

Всю жизнь в слезах, права иль не права —
судьба была бедняжки такова.

Не знала вовсе ласковой руки,
терпела палку, плетъ да кулаки.

Но было вдвое горше ей в плену,
когда он брал еще одну жену.
Он с новой забавлялся и шутил,
но чуть чегс — обеих колотил.

Над ней висел адат — судьбы закон,
был черный рок ее определен:
в мучительных страданиях сгореть
иль руки наложить и умереть.

XXXI

О девушки, иная жизнь сейчас!
Вас вечно били, унижали вас.
Для порченных, но денежных господ
веками продавали, словно скот.
Могли богатым за овец отдать,
могли и на верблюдов променять,
в богатой юрте у одной двери
топтались вы и по две и по три.
Валили вас, терзали по ночам,
стегали вас камчою по плечам.
Не зная даже, в чем была вина —
погибла на чужбине не одна.
Иные наступили времена,
теперь иная доля вам дана.
По всей стране разлился свет зарн,
из темной юрты выйди, посмотри!
Позорным страхом ум не бережи —
есть школа для тебя, учись иди!
Не стой, потупив очи, в стороне —
права твои с мужчиной наравне.
Пускай узнает муж или жених,
какой большой талант в руках твоих.
Тобою восхитится мир не раз,
когда увидят твой ковер, палас.
Мы старое в большом костре сожгли,
все тяготы, лишения ушли.
Ты оглянись вокруг — как жизнь нова!
Тебе даны народом все права!

1927

ЖЕРТВА АДАТА

I

Шел я в полдень по дороге,
в стороне лежал аул.
Захотелось мне напиться,
и к кибиткам я свернул.

Тороплюсь припасть к прохладе —
летний зной неумолим, —
вижу вдруг, — идет к колодцу
невеселая гелин.

Подошла, остановилась:
с виду будто молода —
лет под тридцать,
но старухой
показалась мне она.

Удручила скорбным взглядом
и одеждою своей.
И невольно я подумал:
«Нелегко живется ей.
Может быть, гелин — больная
или — горькая вдова?»

Из колодца на веревке
подняла с водой гова¹,
над кувшином наклонилась,
рукавом отерла пот,
и не в горлышко кувшина,
а на землю воду льет.

---

¹ Г о в а — кожаное ведро, бадья.

Я тогда в глаза ей глянул,
любопытства не тая:
столько было в них печали,
что, отпрянув, вздрогнул я.

И она, меня увидев,
сразу бросила гова,
торопливо отвернулась:
от испуга — чуть жива.

«Эй, гелин, да что с тобою —
или доля нелегка?»

Улыбнулась и утерла
слезы кончиком платка.
Опустила взор бедняга,
и, смущенный, я притих.

Не сказала мне ни слова,
не подняла глаз своих.

Лишь неровное дыханье
да дрожание ресниц.

«Что с тобой, гелин, поведай,
не стыдись и не таись!»

II

Отвела яшмак несмело,
подняла лицо свое:
видно искренние речи
все же тронули ее.

И опять — о эти слезы! —
как струящийся бальзам:
говсрят, что станет легче,
если волю дашь слезам.

Плачь, красавица, не прячься,
если боль невмоготу:
говорят — души рыданье
с уст снимает немоту.

По щекам скатились слезы,
и последовал ответ:
«У меня страданий много,
исцеленья только нет.
Но не спрашивай об этом —
горю не поможешь ты.
Будешь спрашивать о горе —
лишь его умножишь ты».

III

Возразил я ей спокойно:

«Ох, гелин, примета есть, —
утаишь, так разрастется
эта черная болезнь!»

Усмехнулась, соглашаясь:

«Ты, конечно, прав, йигит, —
но болезнь моя такая,
что никто не исцелит.

Я ничуть не удивляюсь,
что болезнь заметить смог,
Хуже, чем очаг угасший
ты в душе моей разжег.

Призадумалась я снова
о несчастной о себе.
Ни тебе и ни другому
не помочь моей судьбе.

IV

Я росла цветком прекрасным,
беззаботна и легка,
на проветренной равнине,
в старой юрте бедняка.

Я не знала — есть ли горе.
Но едва смогла расцвести,
пожелтела и увяла,
и узнала — горе есть.

Я росла, а в эту пору
безземельный мой отец,
чтобы как-то прокормиться,
пас в песках чужих овец.

Был всегда в долгах, несчастный,
сытого не видел дня.
И, как только подросла я,
сразу продал он меня.

Извелась я до отъезда,
день и ночь без сна была.
Истерзала свое сердце,
слез немало пролила.

«Как могу куда-то ехать!
Как могу я жить «у них»!
Злой ли добрый человек он,
стар ли молод — мой жених?»

V

А жених, какой бы ни был,
с ним свою судьбу вяжи.
Увезли меня однажды
из аула гелналджи.

Поздним вечером, как помню,
люди спать уже легли, —
привезли в чужую юрту
и его ко мне ввели.

Задрожала я от страха,
да пришлось мне страх забыть:
был жених красивый парень,
лучше и не может быть.

И не только был красивым,
но и ласковым был он.
Все достоинства у парня,
но богатством обделен.

Как бегущие джейраны
к счастью мчались одному.

Полюбился он мне очень,
я понравилась ему.
И мечтали о ребенке
мы в счастливом том году.
Словом, жили небогато,
но зато всегда в ладу.

VI

Может быть, и ныне жили б
мы с другими наравне,
да безжалостной отравы
рок насыпал в чашу мне.

Словно сокола охотник,
тот когда добычу взял,
приманил к себе албаем,¹
а насытиться не дал.

На восходе солнца птахе
помешали песню спеть:
волосатой черной лапой
задушила мужа смерть.

Я людей звала на помощь,
чтобы жизнь ему спасли.
А потом глядела плача,
как на кладбище несли.

Смерть — бездушную старуху,
умоляла я, кляня,
и хотела, чтобы тоже
вместе с ним взяла меня.

Со слезами я просила,
только смерть не поняла.
«Век живи свой одиноко», —
пробурчала и ушла.

---

¹ А л б а й — кусок красной материи, имитирующий мясо.
Служит для приманки ловчей птицы.

VII

Нет больней сердечной раны.
Не могла ни пить, ни есть,
сяду — сразу на бок клонит,
встану — хочется присесть.

Места нет, куда ни кинусь.
Все твердят: «Крепись, гелин!»
И нашла я утешенье —
это маленький мой сын.

Носом, глазками, бровями,
мягкой смуглостью лица,
даже смехом и улыбкой
походил он на отца.

Жить решила ради сына,
пусть растет сыночек мой.
Но опять судьба глухая
надсмеялась надо мной.

VIII

Раз пришли родные мужа,
рассудили, пряча взгляд,
мол, всевышний есть на небе,
есть адат и шарият;
мол, блюди обычай предков,
не сбеги — неровен час,
за калым тебя купили,
мол, рабыня ты у нас;
по обычаю, как должно,
узаконим новый брак,
и отныне твой хозяин —
мужа умершего брат.

Что поделаешь — обычай!
Отказаться права нет.
Но беда — второму мужу
было только восемь лет.

Ну совсем мальчишка глупый —
не скажу, что дурачок,

но слюнявый и сопливый,
и росточком с кулачок.

Долго я негодовала,
гнев покуда не отлег —
кто такой обычай дикий
у туркмен придумать мог!

Чем такое унижение,
лучше мучиться в аду.
То смеюсь над ним, то плачу —
думала с ума сойду.

Успокоясь, рассудила:
муженек не виноват.
И ему со мною тяжело,
и ему со мною — ад.

Пожалела, повздыхала
и решила без хлопот:
пусть, как с матерью родимой,
он в семье моей живет.

IX

Повнимательнее стала,
словно с сыном говорю:
то легонько приласкаю,
то немножко пожурю.

Но и лаской материнской
не могла ему помочь:
был он вредным и сердитым, —
чуть чего — из юрты прочь!

Люди рядом с юртой ходят,
крикну: «Глупый, слезы прячь!»
Со стыда, сижусь, сгораю
и самой хоть в пору плачь.

Ни утешения, ни покоя, —
черный рок кляла я свой.
Дням завидовала прошлым:
то ли дело быть вдовой!

Вспомнишь милого, присядешь,
пригорюнишься, всплакнешь.
Ну, а с этим мне ребенком —
не житье, а острый нож.

Как войдет соседка в юрту
соли взять иль шерсть сучить, —
мужа этого от сына
не сумеет отличить.

Тесно сделается в юрте, —
гостью выведу во двор:
за порогом, у тамдыра
продолжаем разговор.

Так и топчемся на месте —
ни туда и ни сюда.
Видеть этот мир проклятый
не хотелось от стыда.

Х

Но с одной бедой позналась —
ко второй себя готовь.
Как-то раз мрачнее тучи
приплелась ко мне свекровь.

Постояла, поворчала,
в ход свою пустила власть:
«Забываешь про обычай,
скверным мыслям предалась!
Знаю все, ишачье племя,
о проделках о твоих.
На сыночка ты не смотришь,
но неводишь глаз с других.
Нет стыда в тебе нисколько,
все смеются над тобой.
Ясно, как слепому посох:
не согласна ты с судьбой».

ХІ

И заплакала я с горя,
слезы сыпались, как град:

никогда не ожидала,
что в распутстве обвинят.

Головой о землю билась,
сердце горестью прожгла,
у аллаха смерть просила,
умоляла, как могла,
чтобы наш творец всевышний
вход в могилу мне открыл.

Но напрасно я просила —
не явился Азраил.

XII

А свекровь все злей да злее —
вовсе бросила дела,
взбунтовала всех соседок,
свекра к сплетням приплела.

Я печалилась, сердилась, —
как им сплетничать не лень!
Издевались — обливали
гнушной ложью каждый день.

Ты такая, ты сякая, —
шум да звон стоял в ушах.
Караулили у юрты,
проверяли каждый шаг.

Никуда не выходила —
пусть не ставят мне в вину.
В юрте, словно птица в клетке,
просидела всю весну.

XIII

Ну, а летом побывали
у меня отец и мать.
Повздыхали и решили
из неволи как-то взять.

У встревоженного свекра
погостили раз, другой.

«Не нашли язык», и свекор
показал характер свой.

Перетрусил, за поддержкой
обратился к баю он.
Бай сказал отцу с угрозой:
«Убирайся, нищий, вон!»

Мать с отцом ушли, иначе
натравили бы собак.
Я сама сбежать хотела,
только сделать это как?

День и ночь свекровь на страже,
разъяренный свекор лют.
За аул уйдешь — догонят
и до смерти изобьют.

XIV

Шли пока переговоры —
я металась, сбившись с ног:
до чего ж мне был противен
мой «красавец муженек»!

В напряжении бывало
все тоскую да молчу,
ну, а он, кого ни встретит,
плачет: «К маме я хочу!»

И пожаловался, глупый,
что плохая я жена.
Вдовья доля при мальчишке
и печальна и смешна.

XV

Вновь свекровь зудит у юрты:
«Погоди, настанет срок,
изойдешься ты слезами,
лишь бы вырос мой сынок.

Я тогда тебе припомню,
не останусь я в долгу:

за твои проделки злые
все нутро твое прожгу!
Все продам свои пожитки,
но себе не изменю.
Все потрачу я,
но сына
на хорошенькой женю.
И избавится сыночек
от твоих нечистых лап,
место только у порога
для таких беспутных баб...
Вечно будешь в услуженьи,
где тебе и надо быть.
За водой ходить ты будешь,
золу будешь выносить!»

Не противилась я даже —
не хватало больше сил.
Только думала: «За что же
черный рок меня скосил?»

XVI

Годы шли, трубя тоскливо.
То дожди, то снова зной.
Сердце радостей не знало
ни зимою, ни весной.

Ни участия, ни поддержки
у людей к чужой судьбе.
Каждый думает-печется
о самом лишь о себе.

Солнце красное всходило,
разгоняя мрак в глуши,
и садилось, холодея,
не согрев моей души.

То кругла, то серповидна
выплывала в мир луна,
но и малой доли света
не могла мне дать она.

Звезды ночью свет надежды
шлют на землю каждый миг.
Сотни тысяч их сияет,
только было ль мне до них!

XVII

Обожгла цветок забытый
невеселая зима.
Обветшало мое платье,
постарела я сама.

Предсказания свекрови
превратились в сотню жал.
Муженек мой желторотый
повзрослел и возмужал.

По-хозяйски брови хмурил
да брюзжал, жену виня.
А потом он откровенно
замечать не стал меня.

Не бывал в моей кибитке
по два, по три дня порой.
Где-то с кем-то торговался
и женился на второй.

XVIII

Стала я, как говорится,
у него — одной из двух.
Он меня оставил в юрте
для обидных мне услуг.

Делал вид мой благоверный,
что совсем меня забыл:
проходил, с сопеньем, мимо,
взгляд тяжелый отводил.

Не спросил меня ни разу,
как живу в его плену.
Предавался лишь утехам,
холил новую жену.

Перед этою дурехой
на колени, глупый, пал,
он волчком с утра вертелся
и во всем ей потакал.

На его на молодую
косо стояло взглянуть, —
с кулаками он кидался,
мол, повежливее будь.

XIX

Эта пухлая бабенка
обрела большую власть:
сразу сделалась хозяйкой,
будто ею родилась.

Налилась высокомерьем,
горделива и вольна,
и всегда меня держала
в отдалении она.

Что ни день, то дело хуже:
и глаза и речи злы.
Указала мне при муже
место около золы.

Подчинилась — что поделать?
Возразишь — побьют опять.
Как ненужная собака,
у порога стала спать.

XX

Где же равенство, скажите,
справедливость в мире где?
Словно проклятая богом —
и в нужде я, и в беде.

От кого мне ждать подмоги?
Всем мечтам пришел конец.
Лишь одно мне утешенье —
сын единственный, Овез.

Свет очей моих и счастье,
он мне бодрость придает,
говорит: «Не плачь ты, мама,
светлый день и к нам придет».

И не знаю — что подумать:
навестит ли счастье нас?.. —

Усомнилась. И на этом
свой закончила рассказ.

XXI

Не законами адата, —
поскорей сгореть бы им, —
и не женскою судьбою —
удивлен я был другим.

«Как же ты, гелин, миришься
с горькой участью такой!
Ведь иная жизнь сегодня,
на свободе род людской.

Сколько лет уж пролетело,
как прогнали мы царя!
Сколько лет уже сияют
в мире зори Октября!

Большевицкая эпоха
всем открыла к солнцу путь.
Жить по-новому старайся,
равною с мужчиной будь.

Не смотри ты на обычай,
корни старого порви.
Ты еще, гелин, сумеешь
выйти замуж по любви.

Жизнь по-новому построишь,
прошлое развеяв в прах.
Воля, равенство и право —
все теперь в твоих руках».

XXII

Я еще б сказал немало —
что свобода нам дала.
Но гелин мое внушенье
осторожно прервала.

«Может быть, и прав ты, парень,
даже верю я вполне:
раньше лучшая подружка
не могла зайти ко мне.
А сегодня осмелела,
у нее и страха нет,
говорит: «Уйди от мужа,
приходи в аулсовет».

Только как уйдешь от мужа,
если встанет на пути?
Участь, видимо, такая —
мне из юрты не уйти.

XXIII

Две старухи шли к колодцу,
их увидела гелин, —
потянула за веревку,
подняла скорей кувшин.

Головной халат надела,
рот прикрыла яшмаком,
оглянулась торопливо
и отправилась шажком.

«Стой, гелин, не бойся, что ты!» —
лишь успел я крикнуть ей.
Но ушла, не стала слушать,
к юрте войлочной своей.

С сожаленьем я подумал:
«Средь побоев и забот
эта женщина простая
век недолгий проживет».

XXIV

Прежде чем найти колодец,
много я прошел дорог.
Утолить хотел я жажду,
но еще сильнее разжег.

От нахлынувшей печали
сух казался водоем,
Голова моя гудела,
сердце наполнилось огнем.

Понял я: бороться надо,
засучивши рукава,
чтобы женщина-туркменка
обрела свои права.

Уходил я от колодца
в степь горячую один,
и стоял перед глазами
образ горестной гелин.

ЭПИЛОГ

Больше года в том ауле
Я тогда воды не пил.
Кое-что, конечно, помнил,
кое-что уже забыл.

В городах бывал цветущих,
мир мечтая обойти,
и однажды к женской школе
привели меня пути.

Встретил девушек знакомых —
все довольные судьбой.
Вдруг одна идет навстречу,
величаяя собой.

Искрой в памяти мелькнуло:
где-то я ее встречал!
А она смеется:

«Здравствуй!
Неужели не узнал?»

И потупилась, зардевшись,
нашей встречей смущена.
О гелин я сразу вспомнил:
«Ну, конечно же, она!»

Горячо пожал ей руку,
был растерян я и рад.
У гелин лицо светилось
и сиял счастливый взгляд.

Как легко сейчас звучали
этой женщины слова.
От души ее поздравил:
ты взяла свои права!

1928

ВЕСЕННЕЮ ПОРОЙ

I

Веселая весна,
                    чаруя всех,
Раскачивает стебелек певучий,
И рассыпает золото и смех,
И вызывает тысячи созвучий.

Сады укрылись зеленью густой,
Покрылись нежной зеленью долины,
И под благоуханною звездой
Не умолкает посвист соловьиный.

В полях заколыхались колоски,
Летают в чистом воздухе пушинки,
И даже через мертвые пески
Упорно пробиваются былинки.

Живой живое слышит за версту —
Животным дни такие тоже любви:
Линяют,
                    шерсть меняют на ходу
И зимние проветривают шубы...

Все счастливы,
                    все молоды весной:
Вот бойко пляшет белый верблюжонок,
Вот жеребенок скачет,
                    как шальной,
Вот радостно кричит ишак спросонок...

Но самые счастливые весной
Дайхане —
                                гордость моего народа:
Вода пришла к ним —
                                отступает зной,
Им землю дали —
                                к ним пришла свобода.

Цветет Туркменистан,
                                как добрый сад,
Счастливою порой —
                                порой весенней.
Нас воскресил
                                октябрьский Петроград,
Нам радость подарил
                                Великий Ленин.

Вот — фабрика,
                                а вот — артельный стан.
Вот — путь железный,
                                в грохоте и гуде.
Меняется родной Туркменистан,
Меняются в Туркменистане люди.

Куда ни посмотрю —
                                весна и новь.
Такой весны мы прежде не встречали.
Везде работа и везде любовь,
И кажется, что нет нигде печали...

2

Но вот,
                                взгляните,
                                девушка Гюзель:
Она грустит —
                                глаза ее угрюмы.
Ее совсем не радует апрель,
Ее с утра одолевают думы.

В кибитке душной,
                                в тесном уголке,
Туманятся глаза ее росой;

С привычным рукоделием в руке
Сидит с опущенною головою.

Выходит.

**Пестрый коврик расстелив,
Садится под чинарою в тенечке.
И ничего не видит,
                        позабыв
Свои узоры, лепестки и строчки.**

Так хорошо!

Такой веселый день!
Казалось бы, для грусти нет причины.
И домотканый шелковый кетень
Горит на ней,
как гребень петушиный.

На голове у девушки — гупба,¹
Украшенная шариком — готазом.
Сидит голубкой —
вздернута губа,
Стан девушки —
сродни ширазским вазам.

Две черные,
как ночь в горах,
КОСЫ

Легли на грудь,
                    как медленные змеи.
Нигде я не видал такой красы,
Да и ни с чем сравнить ее не смею.

Лицо ее белей самой луны,
Сияющей из многозвездной ночи.
Но беспокойством тягостным полны
Глаза Гюзель —
ее газельи очи.

Забыла рукоделие рука,
Оторвалась надолго от работы.
Какая же у девушки тоска?
Какие же у девушки заботы?

¹ Г у п б а — куполовидное украшение.

Свою ль, чужую чувствует вину?
Обидой незаслуженной томится?
Так наплывает тучка на луну
И не желает с нею разлучиться.

А может, душу сжег весенний хмель?
Нет, на душе у девушки иное,
Моя голубка милая —
Гюзель, —
Наоборот,
прощается с весною.

Так,
ласковых не поднимая глаз
И ничего вокруг себя не видя,
Она сидела долго, —
может, час,
А может, два, —
на целый мир в обиде.

Потом взяла иголку и клубок
И, не спеша,
с тяжелою душою,
Шитье свое сложила в узелок,
В деревне называемый букджою.

Но медлила,
не верила рукам,
Связала узелок и развязала.
А взор ее блуждал по сторонам...
Как будто что-то нужное искала.

И вновь пошла в кибитку...
Не пошла —
Плыла,
земли ступнями не касаясь.
Оставила букджу,
кувшин взяла
И на плечо подняла,
не сгибаясь.

Не тяжелит плеча кувшин пустой —
Гораздо тяжелей нести тревогу...

«Пойду, —
Гюзель решила, —
за водой...
Возможно — там...»
И вышла на дорогу.

3

Не так уж далеко до родника,
Но девушка пошла туда не прямо:
Оглядывалась и исподтишка
Искала что-то долго и упрямо.

Но улица безлюдна и пуста,
Одни в навозе копошатся куры,
Да у глазастой кошки и кота
В разгаре их весенние амуры.

В кувшин стремится звонкая струя,
Перелилась и ноги омочила.
Наполненный сосуд Гюзель моя
Вновь на себя,
пригнувшись,
водрузила.

Не тяжелит плеча кувшин с водой,
Душа больная тяжелей намного,
Наполненная горем и бедой,
Убитая обидой и тревогой...

Молчит Гюзель.
Огромные глаза
Заволокло туманом и росой.
Неужто снова выпала роса?
Земля пылает под ступней босою.

А может, это девичий каприз?
Негаданный, как шелест ветерочка?
Мать у порога:
— Что с тобой, акыз?
Здорова ль ты?
Не заболела ль, дочка?..

Сняла кувшин с занывшего плеча,
Прошла,
        ни слова не сказав,
                                в свой угол,
Где сны струились, ласково журча,
Где голос матери ее баюкал.

Теперь все было иначе —
                                ни спать,
Ни есть,
        ни встать,
                        ни сесть —
                                тоска, морока.

Боль в голове —
                        кровь то отхлынет вспять,
То вновь прильет к вискам
                                и жжет жестоко.

— Что, ласточка, с тобой?
                                Скажи мне, дочь... —

А что ответить?
                        Разве скажешь маме,
Что боль переносить уже невмочь,
Что переполнилась душа слезами?

Не может матери раскрыть Гюзель,
Что видится самой в тумане волглом...
Была весна...

        Был, как теперь, апрель,
С коротким счастьем —
                                и разлукой долгой...

Все без остатка отдала ему,
О нем кручинилась и тосковала.
Ему все мысли —
                                только одному.

Его аукала,
        его искала.

Она любила...
        Но и он любил.
Пришлась по нраву —
                                верили друг другу.

Был ласков он:

«Ты — жизнь моя!» —

твердил

И бережно держал ее за руку.

Укрытые вечерней темнотой,
Любовь согласно изливали души.

И он сказал святое слово —

той.¹

А может, не сказал —

солгали уши?

По небу реки звездные лились.

Кузнечики в траве перекликались.

Двойною клятвой оба поклялись

И крепко — без оглядки — целовались.

И снова —

слышал их седой дувал —

Клялись по-детски в верности до гроба.

Назавтра он учиться уезжал

И предложил:

«Давай уедем оба...»

«Уехать вместе?

Так вот сразу,

вдруг?..

Что скажут дома?..

И что скажут люди?..

Нас сразу же осудят все вокруг!

Из города вернешься —

видно будет...» —

Не согласилась.

Девочки глупей

Дорогу разменяла на тревогу.

Вот и томится долго столько дней!

Вот и глядит уныло на дорогу!

Ждала его.

Вздыхала тяжело.

Тянулось время в горе и в печали.

И дождалась —

вернулся он в село.

---

¹ Т о й — свадьба.

Приехал —
ей об этом рассказали.

Приехал —
но ни разу не пришел.
Ни слова не прислал ей,
ни привета.
А может, он другую там нашел?
А может, он прислушался к наветам?
А может быть, он заболел в пути?
Сто тысяч «может»
душу ей тревожат...
А может, он и хочет к ней прийти,
Но не решается,
или не может?..

Неужто он Гюзель свою забыл,
С другою девушкою подружился,
Иную,
городскую,
полюбил
И клятве изменил
и изменился?

Нет, нет!
Не разлюбил,
не позабыл!
Он верный,
настоящий,
самый лучший.
Но ждать его уж нету больше сил.
Уже над ней собрались густо тучи.

Давно уже из самых дальних мест
В кибитку к ним идут сваты и сватьи.
И — продана! —
молва прошла окрест.
И мать уже готовит к свадьбе платье.

Согласье дали уж отец и брат,
Торгуются же только для порядка.
И мать,
готовя свадебный наряд,
Роняет слезы горькие украдкой.

Сторгуются,
и будут много раз
Считать бумажки,
что зовут деньгами.
И запакуют,
как товар,
в палас,
И увезут с закрытыми глазами.

Тогда — конец.
Тогда — любовь умрет.
Тогда — уж не помочь любим обетам.
А он и глаз не кажет —
не идет...
А может быть,
не знает он об этом?..

4

Так думала Гюзель в своем углу,
Догадки по слогам перебирая,
При этом подозренья и хулу
Надолго при себе не оставляя.

Гюзель одна осталась —
мать ушла.
А день большой —
день бесконечно долог.
В кибитке тишина и полумгла.
Но кто это?
Открылся тихо полог.

Вошла в кибитку женщина.
Она
Остановилась.
За порог взглянула.
Стоит.
Молчит.
Ей, видно, мать нужна.
Увидела Гюзель
и к ней шагнула.

Сказала:

— Здравствуй, милая!..

Ну как

Живешь, Гюзель?..

Ты, говорят, невеста?.. —

Гюзель узнала голос...

Добрый знак —

Приход ее...

Поспешно встала с места.

Сказала ей, волнуясь:

— Проходи,

Садись...

Тебя я сразу не узнала... —

А сердце так запрыгало в груди,

Как будто верблюжонком резвым стало.

От женщины не отрывала глаз,

Как будто прикоснулась вдруг к надежде.

Соседка эта добрая не раз

К ней с весточками приходила прежде.

Она нередко помогала им,

Его слова Гюзели приносила.

Она была для них письмом живым

И тайну их от глаз чужих хранила.

И неожиданно пришла опять.

Но с чем —

с дурною или с доброй вестью?

Стоит.

Молчит.

Зачем же ей молчать?

Зачем она сказала о невесте?

Гюзель взмолилась:

— Слышишь, не молчи!

Здоров ли?

Жив ли?

Я давно в тревоге!

Ты держишь к счастью моему ключи.

Что с ним?

Не заболел ли он в дороге?..

И гостья улыбнулась:

— Не горюй!

Назар здоров...

Но сам, как ты, томится.
Тебе прислал он нежный поцелуй.
Велел тебе он низко поклониться.

— А почему же не пришел он сам?
Давно приехал он и не приходит.
Он глух к моей беде и слеп к слезам.
Я извелась — день для меня не всходит...
— О джан!

Пришел бы, прибежал бы он,
Но с чем —
сама подумай —
к вам придет он?
Он сам горюет — сам всего лишен.
Уже который день не ест, не пьет он...

— Что ж он сказал?
Люблю его — люблю!
Рассказывай —
не пропусти ни слова!
Как птицу,
слово каждое словлю
И тут же выпущу на волю снова...

— Прийти к вам в дом и заплатить калым
Не может он, —
ты знаешь, что не может.
Согласна ль ты бежать из дому с ним?
Решай, Гюзель, —
Назар тебе поможет...

— Хочу! Хочу!
Согласна хоть сейчас!
Скажи Назару-джану,
чтоб скорее
Он взял меня отсюда,
что палас
Тугой петлей уже стянул мне шею.

Сваты повадились в кибитку к нам.
Они уже почти что сговорились
С отцом и братом,

Скоро по рукам
Они ударят.
Дома все взбесились.

Не нынче — завтра
                                снова будут тут,
Навалятся,
                                как жадные драконы,
И путами калыма
                                оплетут,
И к нелюбимому уйду я в жены...

Мир светлый превратился в конуру,
Не позавидует мне и собака.
Не выдержу я этого —
                                умру
И никогда не выберусь из мрака.

Лишусь ума или возьму суму.
Как нищенка,
                                уйду куда попало...

5

Ушла соседка,
                                и вернулась мать,
Гюзель опять в свой уголок забилась.
Не плакать только!
                                И молчать, молчать!
А сердце билось,
                                сердце громко билось.
Слеза к слезе,
                                и ручейками вниз
Струились слезы —
                                горькие потоки.
И мать спросила:
                                — Что с тобой, акыз?
На что —
                                смотри —
                                твой похожи щеки?

Опухли веки, и круги у глаз.
Сама подумай — ты все время плачешь,

**Наверно, это порча или сглаз.
Конечно, это порча, не иначе!**

Какой в тебя вселился бес,
скажи.

Ты пожелтела —
на тебе лица нет.

То прячешься,
                как перепел во ржи,
То из дому тебя куда-то тянет.

Откройся мне, Гюзель,
откройся, дочь.

Ты — жизнь моя, надежда и отрада.
Я, может быть, смогу тебе помочь.
От матери таиться, дочь, не надо...

В лицо Гюзель кровь жарко прилила.
Глаза блеснули.

Сердце задрожало.
Отважилась — сомненья отвела.

И матери в отчаянье сказала:

— Ты все прекрасно знаешь без меня.
Бес в вас вселился —
все вы как в угаре.

Продать меня хотите,
как коня.

Торгуете вы мной,
как на базаре.

Бессильна я —
и я должна молчать.

А ты,
которая могла опорой
И верною защитницей мне стать,
Ты заодно с калымной этой сворой...

— О горе мне!
Одумайся скорей!
Где стыд твой, дочь?!
Бес, бес в тебя вселился!

Уже будили петухи село:
— Довольно спать! Вставайте, лежебоки! —
Встать собралась...

Но снова дымной мглой
Сон подступил,
тяжелый и глубокий.

Во сне она увидела себя,
Она в глухом неведомом колодце,
Где собрались,
танцуя и хрипя,
Ужасные уроды и уродцы.

А вот — подземный змей...
А вот — дракон...
Он огненную пасть раскрыл широко.
Он бьет хвостом —
железный лязг и звон.
Глаза горят.
Раскрыта пасть жестоко.

Куда бежать? —
Ей некуда бежать.
Кого позвать? —
Никто ей не поможет.
Ушли навеки брат, отец и мать.
Жизнь прожита.
И день последний дожит.

Дракон
дохнул
в лицо
Гюзель
огнем,
Застлал ей веки огненным туманом...

И девушка подумала о нем,
О друге, о Назаре долгожданном.
И тут же сверху,
в мрак,
в небытие,
Неслышно опустилась вдруг веревка

И, как живая,
                                обвила ее,
И, как руками,
                                обхватила ловко.

И навех, навех подняла Гюзель,
Туда,
                        где роза под росой гнулась,
Где пели соловьи,
                                где цвел апрель...
И бедная Гюзель моя проснулась...

Мать тормошила:
                                — Доченька, проснись...
На улице уже полно народу...
Скорее сбегай за водой, акыз,
Пока еще не замутили воду...

Гюзель глаза открыла.
                                Тяжело
Вдохнула.
                                Сон и явь смешались.
И тут и там —
                                одно и то же зло,
И тут и там —
                                над нею надругались.

Но ночь с насеста все-таки снялась,
И черный цвет сменился серым цветом.
Заря сжигала свадебный палас
И заливала мир веселым светом.

Гюзель совсем проснулась.
                                Поднялась.

И торопливо заплетала косы...
Молчать, молчать!..
                                Горит зари палас...
Молчать!..
                                А то опять пойдут расспросы.

Утрами все понятней и ясней...
Шла быстро и на встречных не глядела,

**И проглядела женщину,
                                что к ней
Пришла вчера и душу отогрела.**

Но та ее окликнула сама:
— Гюзель!..

Сегодня в полночь...

Твой страдалец...—

Услышат ведь!..

Здесь любопытных тьма...

Гюзель в испуге приложила палец
К губам,

слегка кивнула головой

И, оглянувшись, отошла в сторонку...

А в сердце:

«Он со мной и он живой!» —

Как птица,

пела радость, звучно, звонко.

Все, все расскажет женщине она,

А та немедля передаст Назару.

Уже не вмоготу —

душа до дна

Исплакалась...

Тревогам и кошмару

Конец приходит...

Бегство — не позор...

Куда позорней —

страх и колебанья...

И с доброю соседкой разговор

Гюзель переплела иносказаньем:

— Ты помнишь, тетушка, наш медный таз?

Ты как-то одолжить его просила,

Но не взяла —

он занят был как раз,

Я что-то в этом тазике месила...

Свободен он — ты можешь взять его...

Приди к нам вечером, после работы...

Такого таза нет ни у кого.

Он блещет ярче новой позолоты...

Соседки все охотятся за ним...
Я не преувеличиваю, право...
Он бабушкой когда-то за калым
Был куплен у проезжего араба...

На солнышке он веселей зари...
Меня он по утрам сияньем будит...
Но только не опаздывай смотри...
Не явишься — и тазика не будет...

— Спасибо!

Ничего не объясняй...

Я поняла...

Спасибо, дорогая!

Но никому его не отдавай —
Я целый год ждала, не уставая...

Как только вечер выстелит росу
И юный месяц за дувалы выйдет,
Приду за ним,
и тотчас унесу
За пазухой,
чтобы никто не видел...

7

В весеннем мире
нега и покой.

На небесах
ни облачка, ни тени.
Заря струится огненной рекой,
Не зная ни тревоги, ни смятенья.

Круглятся солнца красные бока
И вздрагивают,
словно от прохлады.
Но скоро с неба
в золото песка
Низринутся лучи,
как водопады.

И словно солнце,
разгоняя мрак,
Пылает красный флаг над сельсоветом.

Он не заходит —
                                это добрый флаг.
Он сеет дивный свет
                                зимой и летом.

Вот всадники садятся на коней.
Вот караван отправился в дорогу.
Вот бабушка с коровою своей
За свежей травкой ковыляет к логу.

И на высоких
                                солнечных
  весах
Качается
                        корзина
                                мирозданья.
Мир — на земле.
                                И мир — на небесах.
Навек забыты горе и страданья.

Лишь у красавицы моей в углу
По-прежнему тревожно и уныло.
Здесь день веселый
                                не рассеял мглу.
Здесь солнце
                                темноту не озарило.

Сваты опять нагрянули с утра,
На лошадях горячих прискакали.
И началась постыдная игра:
Рядились,
                                торговались,
  чай лакали
И обливались потом...
                                Шум и спор...
Но главный сват молчит —
  он злой и бледный.
Мать девушки,
                                нарушив уговор,
Калым потребовала несусветный.

Старуха взбеленилась
                                и, ни дать

Ни взять,
                     потребовала сто халатов...
 Вскочили сваты:
                     — Как это понять?!..—
 И новый пот прошиб заезжих сватов.
 — Ну, скажем, двадцать...
   Скажем, двадцать пять...
 Ну, тридцать...
                             Тридцать пять...
   Ну, с гаком сорок...
 Все, все!
                     Конец!
                     Мать, надо совесть знать!
 Тут дело не в цене —
                     нам принцип дорог!

 Сваты меняют позы и места.
 Как будто рыбу в мутной речке удят.
 Но мать упряма:
                     — Если меньше ста,
 Не будет дела —
                     ничего не будет!

 Она стоит упрямо на своем.
 Хитрит.
                     Юлит.
                     Старухе дочку жалко...
 Кибитка перевернута вверх дном.
 Разноголосица.
                     И перепалка.

 — Сто!
                     Сто халатов!
                             Меньше не возьму!
 Халаты — ваши,
                     дочь — моя,
   и споры
 Давайте кончим —
                             это ни к чему
 Не приведет,
                     напрасны уговоры...

 Все было б хорошо,
                     но встал отец

И заявил:

— Не будем спорить дольше!
Дадут нам пятьдесят —

так все,
конец.

За девушек нигде не просят больше...

— Нет, нет! —

вскричала мать, —
Нельзя!.. Нельзя!.. —

И на ухо отцу:

— Отец, не надо...

Она ведь кровь твоя и кровь моя...

Она у нас последняя отрада...

Она не хочет...

Не спеши,
постой...

Зачем ее нам видеть несчастливой?

Ее убьет проклятый этот той.

Она зачахнет, станет мертвой нивой...

Разгневался отец:

— Молчи, жена! —

Глаза налились бешенством и кровью.

Сказал:

— Вселился, видно, сатана
В обоих вас...

Довольно прекословью
Я потакал здесь!

Женщина, молчи!

Она не хочет...

Что это за мода?

Хозяин — я,

а ты — сверчок в печи,

Ты — выставший кирпич печного пода...

Расплылся главный сват:

— Ты — мудр!
Ты — прав!

Я завтра лично

привезу халаты... —

И, лошадей горячих оседлав,

Распаренные ускакали сваты.

И снова —

долгий,

долгий,

долгий день.

Гюзель он показался целым годом.

Скорее бы пришла ночная тень

И обручила землю с небосводом.

Не ладится работа.

На душе

Скребутся кошки.

То сидит, то бродит.

Наверно, день не кончится —

уже

Девятый час,

а солнце не заходит.

А что за этим днем?

Что впереди?

Свобода?

Или прежняя истома?

Послушай меня,

солнышко,

зайди.

Мне ночь нужна —

я уйду из дома.

И ночь пришла —

послушалась Гюзель.

Ночной покой

седой рекой

струится.

Все спят давно.

Но почему досель

Отец не спит —

сидит и не ложится?

Неужто заподозрил он побег?

Не может быть!

Он ляжет,

ляжет,

ляжет!

Дрожит Гюзель и не смыкает век.
Нет, не уйдет отец —
она под стражей.

Прислушивалась к листьев голосам
И к непонятым шорохам и шумам.
Прислушивалась к сердцу,
как к часам.
Прикладывалась
чутким ухом к думам.

Он ждет уже.
Он тоже в темноту
Уставился.
Он тоже каждый шорох
Тревожным сердцем ловит на лету.
Он тоже ворошит сомнений ворох.

И поднялась.
Надела свой чабыт¹,
Стараясь не звенеть им.
Подождала.
Прощай, родной кибитки бедный быт.
И что-то нестерпимо сердце сжало.
Открыла полог —
пуст знакомый двор.

Кетмень.
Лопата.
Метлы за колодой.
Отец ушел —
оставил свой дозор.
И остро пахнет
ветром и свободой.

Темно —
луна, наверно, не взошла,
Лишь на восходе
край зари алеет,
Да, отлитые словно из стекла,
Ей звезды говорят: «Иди смелее!»

---

¹ Ч а б ы т — женская одежда с украшениями из ценных металлов.

Идет,
но неуверенно,
с трудом,
И каждый шаг,
как мука и как пытка.
И грянул в тихом небе грозный гром —
Из рук дрожащих
вырвалась калитка.

И сразу закричал отец:
— Эким!
Поднялся — и во двор.
Гюзель от страха
Дрожит, как лист.
И молча перед ним
Застыла.
Двор родной теперь
как плаха.

Сейчас опустится топор —
конец!
Конец всему —
любви, надежде,
вере.

Теперь разделается с ней отец.
Он выварит ее в смоле и в сере.

Никто уж не поможет ей в беде...
Но все-таки опомнилась
и тихо

Пошла за тын,
как будто по нужде.
А по пятам за ней шагало лихо.

Вернулась тут же —
и бочком, бочком .
Идет без тропки мокрою травой,
Отец, как тень, за ней.
Он босиком,
Насупленный,
с открытой головою.

Гюзель не смотрит на него —
в халат

Закуталась,
идет, как бы спросонок.
И снова —
тесный угол,
темный ад,
И грохот барабанных перепон.

Без сна Гюзель лежала до утра
И думала:
«Пойдут теперь допросы...»
Так, чуя,
что обложена нора,
Мышонок из норы
не кажет носа.

Запуталась.
Попала в западню.
Нет выхода.
Нет хода.
Нет прохода.
Так в поле ноги путают коню.
Надежды нет —
проиграна свобода!

Одно осталось —
раздобыть моток
Веревки прочной, —
вот что ей осталось...
Однако снова заалел восток,
И снова небо жарко разгоралось.

9

Проснулось солнце красное,
взошло
И в древнее отправилось кочевье.
И улыбается ему село,
И улыбаются ему деревья.
Лишь к ней, к Гюзели, строги небеса.
Поникла голова и ходит кругом.
Смотрели в небо грустные глаза
И говорили с солнышком,
как с другом:

На доченьке лица нет...
Ох, не впрок
Пошло ей сватовство...
Запали щеки...
Качается, как слабый стебелек,
Когда его пытается зной жестокий...
Склонилась над Гюзелью,
обняла.
— Вай, доченька!
Зачем себя ты губишь?
Не надо так...
Тебя я родила
Себе на горе —
ты меня не любишь...
Скажи хоть слово...
Слышишь меня, дочь?
Признайся, ласточка...
Открой мне душу...
Я за тебя —
хочу тебе помочь,
И слова матери
я не нарушу...

11

Да, мать на стороне Гюзель была.
Однако чем могла она помочь ей?
Отец,
один отец,
решал дела,
И дочку сторожил он днем и ночью.

И растерявшаяся Гюзель,
Предвидя жизни близкую утрату,
Как рыба, выброшенная на мель,
За помощью пришла к родному брату:

— Послушай,
пожалей меня,
Курбан,
Я буду тебе верною рабою.

Отец меня толкает в дымный чан,
Наполненный кипящею смолою.

Его напрасно умоляла я.
Меня он встретил холодом и градом.
Еда отравой стала для меня,
Питье мое смертельным стало ядом.

Мать за меня —
ты это знаешь сам.
Но мать слаба
и мне помочь не может.
Прислушайся,
Курбан,
к моим словам.
Ты не поможешь
— кто же мне поможет?

Ты — друг,
ты — брат,
ты — свет очей моих!
Спаси меня!
Не дай меня на муку!
Открой отцу глаза на сватов злых,
Прочь прогони их,
отведи их руку.

В огонь и в воду за тебя пойду,
Но помоги мне,
брат мой,
помоги мне.
Попала я в жестокую беду.
Ты не поможешь мне —
так все погибнет...

Курбан сестру свою не пожалел.
Насупился.
Смотрел бездушно,
тупо.
Молчать велел.
Не рассуждать велел.
И оттолкнул безжалостно и грубо.

Но чу!

Опять знакомые шаги.

Очнулась пленница.

И встрепенулась.

Неужто их союзница и друг?

Она, она —

посланница Назара!

Неужто разомкнулся смертный круг

И милостью сменилась злая кара?

Сказала:

— Твой Назар не спал всю ночь.

Ждал до утра тебя возле колодца.

Он спрашивает —

чем тебе помочь?

Он ждет тебя

и — увезти клянется...

Ответила:

— Отец меня стерег.

Я пробовала,

но не убежала.

Мне не дают переступить порог.

Я не уйду.

Пропало все, пропало!

Меня загнали, как овцу, в загон.

Сама себе накликала беду я...

Так и скажи Назару:

если он

Не выведет меня,

так не уйду я...

— Он выведет тебя,

но ты сама

Должна уйти из дому.

Нынче снова

Он будет у колодца ждать.

Пусть тьма

Укроет вас...

Пора мне...

Будь здорова...

Уже Гюзели собрано уме.¹
Уже замешано и всходит тесто.
И у соседок глупых на уме
Одно теперь:
«Уж продана невеста...»

Одна твердит с улыбкой:
— Аю-кыз,
Я не пойму,
зачем твоя головка
Опущена?
Зачем ты смотришь вниз?
Небось в душе ты счастлива,
плутовка...

Другая подхватила:
— Ждать — ха-ха! —
Уже недолго...
На подъезде сваты...
Взглянуть бы хоть разок на жениха...
Я слышала —
ха-ха! —
он конопатый...
О, дуры, дуры! —
сердится Гюзель. —
Не закрывают ртов и зубоскалят,
Не замечая вовсе,
что не хмель,
А горький яд
до края
в чашу налит...

14

День уходил.
Вечерняя заря
Сгорала,
увядала,
угасала
И рассыпала брызги января
Ударами бесшумного кресала.

---

¹ У м е — свадебное приданое, приношения соседей.

Ложились тени.
И легла роса.
И бедная Гюзель,
молчать не в силах,
Молила ночь:
«Закрой мне, ночь, глаза
Так, чтобы день веселый
не открыл их...»

А сон не шел и не касался век.
Зато отец всю ночь стоял дозором
Возле калитки...
Ночь была
как век,
Отмеченный бесславьем и позором.

Рассвет рассыпал по небу лучи,
И солнце золотое запылало,
Пропало все —
в дороге атбашчи...
Они за нею едут —
все пропало...

А может быть, попробовать сейчас?
Ну, чем она рискует?
Не удастся
Так не удастся.
Все равно палас
Как сеть раскинут —
некуда податься.

Пойду!
К дверям направилась она,
Но в это время с ней заговорила
Невестка, брата старшего жена,
И за водой пойти с ней предложила.

Сказала ей Гюзель:
— Иди сама.
Я задержусь,
мне надо причесаться... —
А сердце, как сошедшее с ума,
Готово было тут же разорваться.

Поверила.

Ушла.

Пускай идет.

Иначе с ней придется возвратиться.

А сердце билось.

И холодный пот

Прошиб бедняжку.

Надо бы умыться,

Но некогда...

Пора!

Пора идти!

Взяла кувшин.

И, выйдя на дорогу,

Пошла к колодцу.

И на полпути

С невесткой разминулась,

слава богу!

А птицы,

не жалея голосов,

Кричали ей:

«Смелей, Гюзель!

Смелее!»

И, словно услыхав

их вольный зов,

Светлее небо стало,

веселее.

Гюзель бросало

то в мороз,

то в жар.

Почти дошла —

колодец уже рядом.

Но где же он? Где дорогой Назар?

Стучало сердце. Пот катился градом.

Неужто не дождался он?

Испуг

Остановил ее.

А сердце билось.

И вырывалось из груди...

И вдруг

Она в объятьях крепких очутилась.

И губы — в губы.

И щека — к щеке.
Душа — к душе.
Дыхание — к дыханью.
И, обессилев,
на его руке
Повисла, потеряв на миг сознание.

Но он ее уже не выпускал.
Взял на руки.
И поднял осторожно.
Как хорошо!
Сон страшный не солгал.
И невозможное предвидеть можно.

А вот и конь Назара.
Он дрожит,
Дорогу чуя,
и стучит копытом:
«Садись, Гюзель!
Садись, Назар-джигит!
Я вынесу вас.
Лучшим следопытам
Нас не догнать!
Я знаю, где Теджен...»
И белый конь вперед рванулся с ходу.
Он тоже знает,
что такое плен.
Он тоже любит волю и свободу.

Но жаль коня —
устанет.
И Назар
Попридержал его.
Уже далеко
Село родное и его базар,
Где дочерьми торгуют...
И глубоко
Гюзель вздохнула,
вспомнив отчий дом,
Но вздох печальный
стал веселым смехом,
И небо,
запылавшее костром,

На смех откликнулось
веселым эхом.

Сияло солнце,
жизнь вливалась в кровь.

Живое
ликовало
в юном мире...

И, как всегда, на буйном жизни пире
Торжествовали
вера и любовь!

1928

ВЫСОХШИЕ ГУБЫ

1

Тягучий летний зной,
Как вязкой лавы ток:
Растрескалась земля,
Расплавился песок.

Багровый солнца круг,
Как чей-то жаркий лик:
Он жадно рот раскрыл,
Щекой к земле приник.

В такой вот трудный день
Я ехал на коне.
Катился пот с меня,
И было грустно мне.

Оглядывался я
И волю дал коню.
Ни ветерка —
                                трава
Сгорела на корню.

Рождались миражи:
То цвел над речкой сад,
То прыгал по камням
Гремучий водопад.

Распятые кусты,
Унылый бурелом
Казались мне порой
Родным моим селом.

А это что вдали? —
Верблюжий караван...
Нет, выжженный черкез —
Блажь,
                    марево,
                                    обман.

А вот светло встает
Укрытый лесом кряж.
Скорей, скорей к горе!
Но и гора —
                                    мираж.

Все выжжено дотла,
Все молит о воде,
Лишь жалкий саксаул
Ютится кое-где.

Тюльпан —
                                    венец весны —
Соломой желтой стал.
В нору залез сурок.
Баран и тот устал.

2

Смотрю из-под руки
И вижу, вдалеке
Какос-то пятно
Возникло на песке.

Волк это
                    или вол?
А может быть, баран
Забрел под куст и лег?
А может, там варан?

Или приют в тени
Нашла себе коза?
Не разгляжу никак —
Лучи слепят глаза.

Ни тучки в небесах.

Тяжелый воздух сух.
Кружится воронье,
Учуя трупный дух.

Вот заяц задремал,
Нежданно осмелев,
И рядом с ним змея
Лежит, закрывши зев.

Глаза ее красны,
Блестит ее кетень.
Уставилась в меня,
А зашипеть ей лень.

Конь уши наострил
И замер, сам не свой;
Дрожит,
но не идет,
Заворожен змеей.

Глаза змеи остры —
Два жала,
                два копья.
Под взглядом этим
                жизнь
Не стоит ни копья.

Но кобра уползла
В сыпучие пески...
Бедняк боится пса,
А пес — его клюки...

3

Но что это опять
В ложбинке,
                    в холодке —
Никак не разберу —
Чернеет вдалеке!

Как будто человек
Улегся у куста...
Я плетку дал коню
И поскакал туда.

Не волк там
                                и не вол,
Не серна,
                                не лиса...
Мальчишка под кустом
Лежит,
                                смежив глаза.

Лицо его как мел...
А сколько ему лет?
На худеньких плечах
Халата даже нет.

Папаху подложил
Под голову и спит...
А может, умер он?
А может, он убит?

Как он попал сюда?
Нет,
                                кажется, он жив.
Он отдыхает здесь —
Уснул,
                                глаза смежив.

4

Я соскочнул с седла,
Велел коню:
                                — Пстой...—

И к парню подошел:
Какой же он худой!

— Эй, мальчуган, малыш!
Эгей, проснись, сынок!..—
Не слышит он,
                                лежит
И спит без задних ног.

Взял за руку его:
— Вставай, проснись, родной! —
И тормошу:
                                — Вставай!

Поедем, хан, со мной...
Проснулся он,
                                привстал;
В глазах испуг:
                                не тронь!
Головкой замотал
И отобрал ладонь.

Насупился,
                                молчит,
Собрался в ком,
                                как еж,
Подрагивает рот.
По телу
                                зыбью
                                дрожь.

Малыш одет в тряпье,
Штаны, как решето.
Лет десять с небольшим,
А словно прожил сто.

Жара,
                                а он дрожит,
Как высохший листок,
Потрескались ступни
Давно не мытых ног.

— Не бойся, хан,—
                                ему
Сказал я.—
                                Я — твой друг.
Мне жаль тебя, сынок.
Я вижу твой испуг.

Откуда ты, малыш?
И кто ты?
                                Чей ты сын?
Как ты попал сюда?
Зачем ты здесь один?

А мальчик все дрожит,
Как будто он продрог.

Заговорить хотел,
Но рта раскрыть не мог.

Рот высох у него,
Как в августе арык.
Не слушался язык.
Молчал он,
                    как немой,
Не мог он говорить,
Но взгляд его просил,
Молил безмолвно:
                                    «Пить»!

Он, видно, ослабел,
Давно не пил, не ел
И прошептал:
                                    — Воды!.. —
Сказал то, что хотел.

Я тут же снял с луки
Походный бурдючок,
Поднес ко рту его
И дал ему глоток.

Прохладная вода —
Буль-буль —
                                    струится в рот...
— Не пей так много, сын,
Вода тебя убьет...
Но пьет, не слышит он, —
Бежит,
                                    журчит вода.
Не размыкает рук.
Не закрывает рта.

И силой отнял я
Опавший бурдючок...
— Не надо столько пить,
Потом попьешь, сынок...

Вздохнул он,
                                    задрожал,
Качнулся —

и упал.
Лег на бок
и лежит,
И спит,
как раньше спал.

5

Я ждал —
пускай поспит.
Закрытые глаза,
И в полусне — слова:
— Был дождь...
Была гроза...

Он приходил в себя —
Его спасла вода.
И он мне рассказал,
Что с ним стряслась беда.

— Я, дяденька, пропал,
Попал я прямо в ад.
Я третий день ищу
Потерянных ягнят...

— Три дня в пустыне ты?
Нет совести, видать,
У твоего отца...
А мать? Что смотрит мать?..

Потупился малыш,
И грустные глаза,
Как землю на заре,
Обволокла роса...

— Прости...
Я не хотел
Тебя обидеть, брат...
Кто ж он,
мучитель твой,
Чьих ищешь ты ягнят?..

Задумался.
Молчит.

И непонятный страх
В глазах и на лице,
На сомкнутых губах.

— Не бойся...

Говори...

Никто не слышит нас... —
Малыш заговорил,
И вот его рассказ.

— Я сирота, мой хан...

Родителей моих
Я рано потерял —
Похоронили их.

Жил с бедной бабкой я
И часто голодал.
Потом наш бай Шаллы
Меня в подпаски взял.

Я пас его овец.
Я знаю в этом толк.
Но вот
три дня назад
Вспугнул отару волк.

И в темноте, мой хан,
Пропали три токлы¹.
Я их искал,
я знал —
Меня убьет Шаллы.

Но я пришел ни с чем,
И баю донесли,
Что волки трех овец
Из стада унесли.

Бай бил меня, кричал:
«Добро тебе не впрок!

---

¹ Т о к л ы — годовалые овцы.

Вон с глаз, и без овец
Не приходи, щенок!..»

С тех пор я без воды,
С тех пор я без еды,
Ищу его овец
И новой жду беды...

6

Я мальчику сказал:
— Садись, сынок, в седло.
Я помогу тебе —
Поедем к вам в село.

— Нет, нет! —

ответил он. —

Нельзя мне без ягнят.
Я должен их найти.
Я не вернусь назад.

-- Не бойся —

от тебя

Я отведу беду.
На бая-подлеца
Управу я найду.

— Нет, нет, ага!

Нет, нет!

Меня Шаллы убьет...—
Дрожит малыш,

прошиб

Его холодный пот...

— Нет, если я вернусь
Ни с чем —

то мне конец.

У бая кулаки

Как камни,

как свинец...

Но я уговорил
Мальчонку,

и меня

Послушался он,
сел -
Со мною на коня.

Конь резво побежал.
Звенели удила.
И на закате мы
Добрались до села.

Отполыхав, к земле
Клонился красный шар,
И быстро опадал
Его несносный жар.

Остановив коня,
Я оглядел село.
Вот овцы из ложка
Идут;
                    им повезло —
Был славный водопой,
Хватило всем воды;
Неспешно семят —
Раздулись животы.

Тяжелые зады,
Округлые бока.
Идут себе, текут,
Как тихая река.

А впереди у них
Опять песок и зной.
Им вспомнятся не раз
Ложок и водопой.

Ведет овец козел,
Он опытный вожак,
Он стар и бородат...
А вот уже кишлак...

Кибиток пятьдесят, —
Стоят по пять, по шесть.
А то и по три в ряд, —
Просторно, место есть...

И я в таком селе
Когда-то жил и рос...
Вот верблюдиц доят;
Вот — гонят серых коз;
Вот — ослики бегут
Вприпрыжку,
                                как мальцы,
Брыкаются,
                                стригут
Ушами,
                                сорванцы;
Вот — вьючит ишака
Чопан¹ — старик седой,
С обугленным лицом,
С широкой бородой.
Заткнул за пояс он
Певучий свой тюйдук².
Сидят вокруг и ждут
Семь кобелей и сук.
Хозяину в глаза
Глядят,
                                идти хотят.
Халат у пастуха —
Мозаика заплат.
Папаха в колтунах,
Ботинкам вышел срок.
Вздохнул старик-чопан,
Взглянул на свой порог.
Там пусто —
                                никого.
И к овцам,
                                напрямик,
Он с посохом в руке
Пошел,
                                пастух-старик.
Отвага в нем сквозит,
Костлявом и сухом.
Идет и на ходу
Играет посошком...

---

¹ Ч о п а н — чабан, пастух.

² Т ю й д у к — пастушеская дудка, свирель.

Бяшиму я сказал:
— Довольно нам стоять.
Показывай, сынок,
Где будем ночевать...

— Кибитки у меня
Нет, дорогой ага.
А к баю нам нельзя,
Он мне намнет бока.

Вон —
на краю села —
Там бабушка одна.
Она бедна, слаба,
Но примет нас она.

Куском последним мы
Всегда делились с ней.
Я, правда, не видал
Ее уж много дней.

8

Чернеет в стороне
Кибитка-орача ¹,
Забывтое гнездо
Пропавшего грача.

Нет камышей на ней,
Нет двери у нее —
Убогий нищий кров,
Бедняцкое жилье.

Седая вышла к нам
Старушка на порог.
Бяшим мой всхлипнул — слёз
Он удержать не мог.

¹ Орача — кибитка, у которой нет основания.

Сошли с коня.

В глазах
У бабушки испуг.
Давно я не видал
Нигде таких лачуг.
Кибитка,
как нора :
Провис непрочный верх,
Скривился дымоход, —
Не дом, а смертный грех.

Кошма, как решето,
В заплатках и дырах.
Не держатся колки
На сгнивших ремешках.

В посудный угол нас
Хозяйка привела.
Она под стать жилью
Убогому была.

Густая вязь морщин
И нищенский наряд
О годах говорят,
О горе говорят.

О старости твердит
Сухой пергамент щек.
Пуст шамкающий рот,
Нос,
как сухой стручок.

Когда-то стройный стан
Согнулся,
как клюка.

Платок на голове
Похож на тень платка.

Хозяйка богачам
Служила с малых лет,
От красоты былой
Помина даже нет.

Бяшима обняла
И подала нам чай.
И, за сердце держась,
Всплакнула невзначай.

И рассказала мне
О мальчике,
                                о том,
Кто он и как он рос,
Как стал он пастухом.

— Бяшим,
                                поверь, ага,
Мне даже не родня,
Но я люблю его,
И любит он меня.

Отец его погиб.
Мать рано умерла,
И матерью ему
Я с малых лет была.

Мне было нелегко
Растить его,
                                кормить.
И лет с шести Бяшим
У бая стал служить.

Измаялся он там,
Пуст у него живот.
Не кормит бай его,
Одежды не дает.

Едва придет в село,
Приляжет наконец
И уж опять бежит
Выгуливать овец.

Бай,
                                как Карун¹,
  богат,
Хозяин всех степей,

---

¹ К а р у н — восточный Гарун, легендарный богач-скупец.

Поедет он со мной
Учиться в Ашхабад.
И я спросил его:
— Ты рад?
Или не рад?

— Вай, не пущу его! —
Старуха в плач и в стон.
А я ей:
— Что ты, мать,
Ученым будет он.

Учение — это свет,
А неученье — тьма.
Вернется он к тебе,
Тогда поймешь сама.

Ну как,
скажи, Бяшим,
Учиться хочешь?
— Да.—
И бабушке:
— Не плачь.
Ведь я вернусь сюда...

Потом мы пили чай,
И бабушка в сердцах
Сказала:
— Что же, пусть
Поможет вам аллах...

10

Упал небесный жар,
Остыл его поток.
Прозрачный воздух стал,
Прохладней стал песок.

И жаркий ветер спит,
Не поднимает пыль.
Отходит от жары
Измученный ковыль.

Над очагами пар
Клубится,
                    как туман.
Вот —
            булькает котел,
Вот —
            зафырчал кумган.

Бушует в очагах
Разбуженный огонь,
Взметнулись искры вверх,
Скрываясь от погонь.

Вот женщины идут
К колодцу за водой,
Но многие грустны,
Глаза полны бедой.

Зато светлей луны
Высокий байский ряд.
Кибитки вышли здесь
Как будто на парад.

Возле одной — Шаллы
Сел,
            выставив живот.
Он салом весь заплыл,
Неплохо он живет.

И три жены его
Вокруг него снуют:
То вытирают пот,
То что-то подают...

А в сумерках уже
Почти не видно лиц...
Вокруг села заслон
Верблюдов, верблюдиц.

Стозвонный топот их
Из глуби плыл веков.
Он поднял молодых
И поднял стариков.

Ревут,
                кричат,
                        трубят.
Желают пить и есть.
И трубный голос их.
Звучит,
                как жизни весть.

11

Едва зажглась заря,
Едва забрезжил свет,
Народ уже твердил
О выборах в Совет.

Забытое село
Лежало в стороне
От тех больших дорог,
Где в славе и в огне

Родился,
                как восход,
Свободный новый век,
Где с рабством в бой вступил
Свободный человек.

Но скоро свет и здесь
Рассеет темноту
И твердо проведет
Под бедностью черту.

12

Все жители села
В широкий сели круг,
Но было видно мне,
Кто враг здесь
                        и кто друг.

Открыл собрание я
И так сказал:
                        — Друзья!
Пора Совет избрать,
И больше ждать нельзя.

Вопрос,—
сказал я,—
прост:

При этом я смотрел
На тех,
                    кто был в рванье,
Они кивали мне
И улыбались мне.

— Ты прав,
                    мой хан,
                                    ты прав!

Но баев нет у нас
И нету бедняков...
Так повелось у нас,
И испокон веков

Да, староста-арчин,
Конечно, нужен нам,
Чтобы сполна налог
Уплачивать властям...

Ну, прямо-таки —
  лис!
Слова лились,
                                как мед,
Да не туда лились...

— Арчинов, —
  я сказал, —
Отныне больше нет.
В Туркмении родной
Их заменил Совет.

Но бай...
                        бай есть...
А ну,
                скажи, ага,
Отары это чьи,
Твои
                иль бедняка?..

И вышел новый бай,
Такой же толстосум,
Пылал халат на нем,
Но сам он был угрюм:

— Ты прав...
                        Отары есть..
Но ведь известно всем:
Сегодня их не счесть,
А завтра нет совсем.

То волки режут их,
То косит их чума...
А дождь?
                        А гололед?
Сойти можно с ума!

Верблюды же, ага,
Принадлежат тому,
Кто их пасет, стрижет.
Верь слову моему!

Богатых нет у нас.
Богат один аллах.

А мы в ногах его
Пыль бедная и прах!..

Тут вышел человек,
Оборванный, худой,
Измученный бедой,
Подкошенный нуждой.

[illegible]

— Нет, Шаллы-бай богат,
И Нурсахат
богат.

У них не счесть овец.
У них не счесть ягнят.

Чары паршивый лгал:
Верблюдов мы пасем,
Но шерсть их не стрижем
И молока не пьем.

Я честный человек,
И верь мне —
                        худо нам...
Я все сказал...
                        Пиши —
Меня зовут Байрам.

Тут поднял руку вверх
Бедняк Артыкмурад.
Я с ним давно знаком
И снова видеть рад.

Погладил он усы,
С халата пыль стряхнул,
И спрятанный огонь
В глазах его сверкнул.

Сначала, правда, он
Повел нескладно речь,
Но разошелся и
Стал словом сердце жечь:

— Ну так...

Ну, скажем, я...
Мне сорок лет...

И что ж?
Пока я пас овец,
Жирела только вошь...

Всю жизнь я пас и пас,
Не спал,
вставал чуть свет,
У самого ж меня
Собаки даже нет.

Уж лучше на тот свет
От жизни
от такой...

Ишану я служил,
Был у него слугой.

Потом подпаском стал,
Потом стал пастухом.
Я сорок лет в песках
И сам уж стал песком.

Служил.
Служил.
Служил.

И так разбогател,
Что, дожив до седин,
Жениться не успел.

А разве я один?
Скажи,
Аннагельды,
Есть у тебя жена,
Есть у тебя сады?

А вот Назар —
на нем

Истлел его халат.
Так кто ж тут
                                сыт и рад?
Так кто же тут
                                богат?

Богат и сыт Ишан.
Богат и сыт Шаллы.
Баранина сама
К ним прыгает в котлы.

Товарищи!
                                Друзья!
Я сердцем —
                                за Совет.
Он правду нам вернет,
Он даст нам жизнь и свет.

Кара Ишан с трудом
Свой запахнул халат,
Засунул ноготь в рот
И грыз...
                                А Нурсахат

Дрожал,
                                как лист зимой...
И сник кулак Чары.
Тряслись их животы,
Как с молоком чаны.

Меж тем хитрец Шаллы
Мигал Бяшимджику:
«Мол, выручай,
                                Бяшим,
Дай руку старику...»

Бяшим молчал,
                                дрожал:
Глаза у бая злы.
И без обиняков
Спросил я у Шаллы:

— Скажи нам,
                                кем тебе

Приходится Бяшим?
Вчера
        в глухих песках
Я повстречался с ним.

— О хан! —
                        сказал Шаллы. —
Он у меня чолук¹.
Он круглый сирота
И дорог мне,
                        как внук.

На днях моих ягнят
Скормил Бяшим волкам.
Он их пошел искать
И потерялся сам.

Зачем он их искал?
Я сам бы их нашел.
Спасибо тебе,
                        брат,
Что ты его привел.

— Не торопись,
                        Шаллы.
Скажи нам, сколько зим
Служил тебе Бяшим?
Ты рассчитался с ним?

Ты заплатил ему
За труд его,
                        за пот?
— О брат мой!
                        Он мой внук.
Он у меня живет.

Бяшима я кормил,
И обрезанья той...—
Но я его прервал:
— Ты не виляй...
                        Постой...

---

¹ Ч о л у к — подпасок.

Ты заплатил ему?
Ответь на мой вопрос...—
Шаллы был недвижим,
Как будто в землю врос.

И закричал народ:
— Не дал он ни гроша! —
И в пятки у Шаллы
Ушла,
                дрожа,
                        душа.

Мы выбрали Совет.
И — новой жизни знай —
Артыкмурад поднял
Над нами красный флаг.

Шаллы отдал сполна
Бяшиму деньги...
                                Что ж,
У бабушки его
Теперь был лишний грош.

И проводило нас
С Бяшимом все село...
С тех пор,
                друзья мои,
Уже пять лет прошло.

АМУ-ДАРЬЯ

Будем с большим урожаем,
Если Аму покорим.
Пустыни Туркменистана
Садом станут сплошным.

С пламенно любимым именем Аму
День и ночь я сердцем накрепко связан.
Все её обличья, её красоту
Слить в единый образ я ныне обязан.
С этой неотступной мыслью я живу.
Ночью — виденья, стихи — наяву.

I

Свод исторический здесь я не пишу.
Столетия Аму течёт по равнинам.
Народ мой поила и кормила она,
Раня его же укусом змеиным.
Согнут дайханин был горькой бедой,
Счастье к богатому катило водой.

Хитрил богатей, плутовал, изловчась
Мошной из Аму вычерпывал прибыль.
А поля бедняков размывала река,
В обмен за труды обрекая на гибель.
Каменное сердце молитвами тронь!
Дорога казна, да не схватишь с ладонь!

Что за путник Аму? Идёт да идёт,
Путь проложив по груди Туркменистана.
«Остановись, напои меня!» — земля
Ртом пересохшим зовёт неустанно.

Горячих призывов не слышит она,
И мимо течёт равнодушно волна.

Ждать её разлива народу невтерпёж,
Воду, навалившись, берёт он с бою, —
Спину сгибает он в тяжком труде,
Глубокие арыки без отдыха роя.

Покуда вода в арыке блеснёт —
Потом и кровью исходит народ.

II

Тысячи дайхан собираются враз,
Делят участки и меряют сами.
В три человеческих роста канал
Роют, края поднимая холмами.
Берег вздымая преградой воде,
Вспарывают землю в натужном труде.

За месяцем месяц — очистка, рытьё,
Чтоб с водой совладать усилием великим.
И вот, водоразделами путь указав,
Влагу драгоценную пускают по арыкам.
Но илом опять заносит канал, —
Кто ж это бесстыдство такое видал?

Копают дайхане, сил не щадя,
В горле у них обрывается дыханье.
Выгребают тяжёлый и мокрый песок,
А всё же ни с чем остаются дайхане.
Думают: «Совесть потеряла ты, Аму,
И на труд бедняка плюёшь потому?

Смотришь равнодушно ты со стороны,
Что рыть ему арык — и то не по силам.
А он ещё чистит твои бока,
Чтоб ты их опять заносила илом.
Выходит, что без толку воды текут,
Не дав бедняку награды за труд.

Легко ли, надрываясь, копать да копать
Чёрствую землю — себе на потребу?

Легко ль поднимать за батманом батман¹,
Глыбы земли подбрасывая к небу?
При каждом броске поясница гудит,
А Аму всё равно, — у неё не болит!»

Бьются дайхане полгода или год, —
Аму не глядит, глаза закрывая,
Напьётся ли мутною водою земля.
И снова голытьба сидит без урожая.
Проклинает бедняк злодейку — Аму,
А она в лицо смеётся ему!

Трудом непомерным добытая вода
Даст урожаю вызреть на поле,
Жадной оравой бай с ростовщиком —
Вырвать бросались львиную долю,
Бедняцкая кровь на каждом снопе,
Который богач уволакивал к себе.

Воду зажавший в тугом кулаке,
Бай этот самый жиреет от лени.
Прямо с хармана² гребёт ростовщик
Обмолот дайханина — и нету спасенья!
Стала беков и ханов служанкой Аму!
А у бедняка — ни крошки в дому!

III

Есть на Аму местечко одно —
Остров, текучей водой окружённый.
Почву его не питает вода, —
Хоть окаймлён он оградой зелёной.
Возник из воды и водой окружён —
И всё-таки он от воды отчуждён.

На всеми забытом острове том —
Десяток гектаров доброй землицы.
Хурджинами³ золото можно собирать,
Если как следует дать ей напиться.

---

¹ Б а т м а н — мера веса, различная в разных районах.

² Х а р м а н — полевой ток.

³ Х у р д ж и н — перемётная сума.

Безземельный Курбан и забрался туда —
Душу кладёт, чтоб явилась вода.

Глубокий арык в человеческий рост
Выкопал он, протянул толково.
Днём роет, пускает поток ввечеру,
А утром всё илом заносится снова.
Никак не добьётся удачи Курбан,
А руки и ноги ноют от ран.

Подняться на поле не хочет вода!
Курбан не сдаётся, он ищет исхода.
Наконец, он решился устроить чигирь¹,
Чтоб черпать кувшином упрямую воду.
Верблюда запряг, завязал ему глаза, —
Верблюд закружился вокруг колеса.

Кувшин за кувшином — то вниз головой,
То с поднятым ртом, — в кружение упорном.
И днём и ночью, — то вверх, то вниз, —
Так воду берут из Аму непокорной.
Один и другой глоточек добыт, —
По жёлобу тонкая струйка бежит.

Поворот колеса — опять «джик-джик» —
То несмазанный вал скрипит непрерывно,
И ветер уносит далеко-далеко
Звук этот жуткий, стон заунывный.
«Джи-ик, джи-ик» — колесо, рассыхаясь,
скрипит.

Будто с укором оно говорит:

«Эй, ты, бессердечная, чёрствая Аму!
Течёшь в берегах своих невозмутимо.
Наших страданий не хочешь ты знать,
Наших слов не слыша, проходишь ты мимо!
Где ж — эй жестокая! — совесть твоя?
Вечно ль будешь мучить эти края?

Едва запестреют цветами поля,
Их неуголимая жажда изгложет.

---

¹ Ч и г и р ь — кустарное водоподъемное сооружение.

Не может дайханин с тобой совладать,—
И от тебя он отречься не может.

Не знаешь о муках его ничего?
Ты, может, совсем отеклась от него?

В поту из-за тебя и тварь, и человек,—
Верблюд ослепленный топчется угрюмо,
Кричит ему сердито дайханин: — Хайт, чу-у!—
И тот, кто бьет, и тот, кого бьют,
Без отдыха оба кружатся тут!

— Джи-и, джи-и,— и я кручусь день за днем,
Сохну на солнце, крепость утратя,
Жалобно рыдая здесь из-за тебя,
Я тебе бросаю эти заклятья:
Чтоб тебе запруда вздохнуть не дала,
Чтоб на этого верблюда похожа ты была!»

Кажется, что весел этот самый чигирь,—
«Чигирь-чигирь...» — он скрипит и смеется.
Но медленно и бледно зеленеет посев,—
Скудный полив ему достается.
Плачет чигирь, смеется чигирь, —
Течет себе Аму в пустынную ширь.

IV

Путем вековым протекала Аму
И, в сторону свернув, маршрут изменила.
Года за годами, за слоем слой —
Старое русло песками покрыла.
Здесь встарь зеленела лесов полоса,
Неба стволами касались леса.

Лесом были долго эти места,
А потом посохли громады — деревья.
Пустые массивы целинной земли
Томились от зноя, мечтая о севе.
Но выше воды лежит та земля,—
Как воду поднять на сухие поля?

Русло своё изменила Аму,
Вырвала землю из рук у Мерета.

Потерял бедняга землю и жильё,
Сделался он нищим, горе изведав.
Вот почему он забрался в тот лес,
В землянку с женой и ребятами влез.

Стал на новом месте трудиться он,
Битва с Аму началась у бедняги.
Жёлоб-коромысло он соорудил,—
«Нова»¹ немудрёный для добычи влаги.
Коромысло он положил на бревно,
Следя, чтоб легко качалось оно.

Справа вода, а слева земля,
У воды Меред — на конец нажимает.
Отпустит — по жёлобу льётся вода
И землю — за пядью пядь — орошает.
То вверх, то вниз коромысло снуёт,—
«Нова» как по мерке воду берёт.

Обливаясь чёрным потом в жару,
«Нову» то нагнёт, то отпустит дайханин.
Охает бедняга, выбившись из сил,—
Дух захватило, и взор затуманен.
Когда он сгибается с болью в спине,
Дума его горькая чуется мне:

«Была ж у меня чудесная земля!
Аму навалилась — и нету поля.
Мало ей было — свалила и мой дом.
Грехи мои в этом повинны, что ли?
С бедою на шее живу и тужу,
Как сбросить её — ума не приложу!

Утро ли, вечер ли — отдыха нет мне.
Задремлю — и то коромысло мне снится.
Муки небывалые я переношу,—
Кости трещат, и ноет поясница.
Избавлюсь ли от этого тяжкого труда,
Иль не найду я покоя никогда?

Земля наверху, а вода внизу,
Я же бессильно мечусь между ними,

---

¹ «Н о в а» — кустарное водоподъемное сооружение.

Не опустится земля, не поднимется вода,—
Не вымолю я счастья слезами одними.

Горе убелило меня сединой,
Слепнут глаза мои, следя за волной.

Даром я потратил долгие годы,—
Лучше б на запруду убил я время:
Сама взбушевалась бы от ярости Аму,—
А я бы пахал да сеял семя.

Может, не скрутило б меня от забот.
Ох, ты, злое счастье, мой чёрный пот!»

V

Одинаковых нет берегов Аму,
Равнины сменяют скалы крутые,
Местами — песок, местами — холмы,
Вековые чащи и заросли густые.

Там — просторы цветущих долин,
А здесь — сияние горных вершин.

Куланы, джейраны в безбрежных степях
Стадами к воде припадают в низинах.
Воют волк, шакал, каракулак¹, —
Мало ль шаек в зарослях звериных!

Кабаны и тигры бродят по лесам,
И льва, говорят, видали там.

Раскинулись аулы вдоль берегов;
Где — мертвая пустошь, где город — дымится;
Там — огороды, бахчи и сады,
Здесь — пустыри, а дальше — пшеница.

А посередине, вычерчивая след,
Аму извивается тысячи лет.

VI

Лодочник по берегу идёт, бечевой
Тащит он лодку с тяжёлыми тюками.
Ремень затянув и штаны засучив,
Меряет он берег большими шагами.

---

¹ К а р а к у л а к — дикий кот.

Какой это бай заарканил его,
В лямку запряг, как раба своего?

Когда по течению лодка плывёт,—
Лямка не сильно давит на плечи.
Трудней, упираясь, против ветра идти,—
Силы не хватит тогда человечесьей.
Лодку он с натугой тащит день и ночь,
Лютую усталость не может превозмочь.

Тянет бедняга всем телом своим,
Жилы, как прутья, взбухли под кожей.
Лицо, как селезёнка, багровеет у него;
Опухшие руки и ноги корёжит.
Царапает плечи аркан волосяной,—
Жизни верёвка стала гнилой.

А купчина, облачённый в цветастый халат,
Красуется, лёжа на боку на поклаже.
Лениво жуёт он остывший плов,
И хмурится,— лень отрыгнуть ему даже!
Икается ему, раздуло живот.
— Тяни, налегай! — купчина орёт.

Мало той издёвки и тяжести той,—
Лодочник измучен и трудной дорогой:
Заросли, валежник, камни да бугры,
То крутой подъём, то спуск отлогий.
Кожу рассекают камни и сучки,
Из ран открытых — крови ручейки.

Заросли густые преграждают путь,
К телу прилипает потная рубаха.
Шлёпая по лужам, увязая в грязи,
Он призывает на помощь аллаха.
Дёргает, тянет и зовёт: — О, аллах! —
А сам уже не в силах стоять на ногах.

Но глух к его воплям этот аллах...
Идёт он, обессилев, шаткой походкой,
И хоть ему случается лодку упустить,
Его самого не упустит лодка.
Поэтому-то, жизнью своей опалён,
На судьбу свою горько сетует он:

«Жизнь моя в муках стала золой,
Что же мне делать? Ах, пот мой чёрный!
Мелькая, проходят мои пустые дни
По бесконечной дороге не торной.

Силы мои тают день ото дня,
Сгорела, истлела печень у меня.

Груз непосильный тащу и тащу,
Сделал переходов я много-много!
И всё ещё цепляюсь, чтоб лодку тянуть,
Глазом померкшим щупая дорогу.

Всю жизнь надрываюсь, одетый в рвань,
И вместо похвал я слышу лишь брань.

Поезд другим облегчит этот труд,
Догнав караван нагружённый в пустыне.
А лодка меня, убелив сединой,
Крепко на привязи держит доныне.

Когда же таких пароходов дождусь,
Что с плеч моих снимут тяжёлый груз?..»

Долю такую увидевшему въявь,—
Как не написать о ней мне, поэту?
Как не возмутиться гнётом таким,
Не возненавидеть каторгу эту?

Всю жизнь, в тягло превратившись тут,
Лодочники груз по Аму волокут.

VII

Столько воды у широкой Аму,
А жажда сильна у прибрежного люда!
Вода, как лекарство, здоровье даёт,
Но трудно к ней дотянуться покуда.

Нет, нестерпимо, чтоб из-за глотка,
Как на врага, поднималась рука.

Мало ль было споров, стычек и драк?
Шли друг на друга роды и становья,
И взявшие верх и побитые сплошь —
В схватках не раз истекали кровью.

Крики и шум становились лютей,
Гибло в побоищах много людей.

На руку это было богачам:

— Пусть истребляют друг друга дайхане! —
Каждый подстрекает селенье своё,
Чтоб кровь проливалась на поле брани.
Бедняки-дайхане мёрли от ран.
А кто наживался? Бай да ишан¹.

Случай один я здесь привожу, —
Как в Ташаузе это бывало.
Там два аула сидели рядком,
Из одного они пили канала.

Аул окузов в низовьях сидел,
А дюе² там, где водораздел.

Живая история — древний старик
Мне о событиях страшных поведал.
Я слушал до рассвета, как из-за воды
Падали на головы кровавые беды.

Он занавес темной сцены открыл
И, слух обжигая, так говорил:

— В давнем году от весны до весны
Тяжко трудились дайханские семьи.
«Вода поднимается! Будет урожай!» —
Решили, посеяв последнее семя.

Даром понадеялись люди — на беду,
Вода не поднялась в том недобром году.

Посевы окузов посохли целиком, —
От лютого безводья ждать добра ли?
А дюе, у которых под рукой водораздел,
Какой-никакой урожай собирали.

Баи да ишаны с окузами хитрят:
«Ищите причину беды», — говорят.

Окузы мытарились год напролёт,
В землю побросали последние зёрна,
Но чохлые ростки не дождались воды, —
Впустую дайхане трудились упорно.

Окузы шумели целые дни,
Злость затаили на дюе они:

---

¹ Ишан — духовное лицо.

² Окузы и дюе — названия родов.

«Дюе захватили себе водораздел
И нашу воду пустили в дело!
Воду взять по праву не смог наш мираб¹
Иль побоялся пройти к водоразделу!..»
Они накричались, наспорились всласть
И порешили на дюе напасть.

А дюе не спали, прослышав о том:
Заранее изготовились к встрече,
Так из нужды возникла вражда,
И оба аула столкнулись в сече.
Подбили ишаны и ханы народ,
И вот безрассудная битва идёт.

В бессмысленной бойне из-за воды
Яростно шли они — брат на брата.
Саблей и кинжалом, пикой и ножом
Отчаянно рубились они до заката.
В сердце брата, злобой объят,
Нож по рукоятку всаживал брат.

Кровью обагрённые, мелькали ножи,
Раненые падали, корчась от боли.
Саблей порубаны, пикой пронзены,
Многие так и остались в поле.
Лишились невесты любимых своих,
Стали сиротками дети других.

С тяжкими ранами лежали бедняки,
Степь оглашая стенанием диким... —
Повесть о бедственной жизни такой
Слушал поэт с волнением великим.
Зачем проливала кровь голытьба?
О, как нелепа такая судьба!

Брат на родного брата восстал!
Разумом трудно постигнуть такое.
На драку кровавую из-за воды
Баи толкнули преступной рукою.
Не воду, а кровь заставляя течь,
Мутили, чтоб падали головы с плеч.

---

¹ М и р а б — человек, который распределяет воду.

VIII

Под вечер как-то по берегу Аму
Медленно шёл я в глубоком раздумье.
Взором я окидывал её берега,
Следил, как летит она в рёве и шуме.
— Где горя источник? — я говорил,
И сердца орёл свои крылья раскрыл.

В думу погружённый, шаг я оборвал
И ради отдыха сел на пригорке.
К волнам бегущим лицо обратив,
Веки я поднял, вглядываясь зорко.
Красой, дикой силой увлёкся я,
Тревогу неясную в сердце тая.

Небесный простор отражает цвета
Аму, распростёршейся в русле блаженно.
Круглая и красная всходит луна
И поднимается ввысь постепенно.
Звезда за звездою на небе зажглась,
Глядя на Аму миллионами глаз.

Зелёные посевы вокруг шелестят,
Шорох пробегает по кронам зелёным,
Головы деревья склоняют свои,
Будто, качаясь, подходят с поклоном.
Зелёное всё — обнялось и сплелось,
Сблизясь, в одно неразрывно слилось.

Оранжево-красным окрасили песок
Лунного света яркие потоки.
Тихий ветерок над землею шуршит,
Ласково гладит песчаные щёки.
Как горные бараны, горбатятся пески,
Волнуется ширь неоглядной реки.

IX

Как буйный верблюд, она крутит хвостом, —
Вот она взметнулась и колобродит.
— Бушует Аму! Бросается Аму! —
Слышится крик, и смятение — в народе.

Вздуваясь, сильнее вскипает она;
Бьёт в берега, поднимаясь, волна.

Гонит Аму за валами валы,
Воет, шипит наподобье дракона,
То водоворотом грохнется вниз,
То кувыркнётся волной округлённой.
Река на блюдо похожа лицом,—
Смотри, как пестреют узоры на нём!

Мчится быстрее резвоногого коня,
В пятнах белой пены всё её тело.
Впадиною вдавится, выгнет хребет,—
И вот на дыбы она снова взлетела!
Хвостом ударяя, буянит, шипя,
Вспухает, не похожая сама на себя!

То вспучится вдруг буграми река,
Когда, раскачав, её ветер охватит.
То через берег выплеснет вал,
Не уместаясь в своём халате.
Шатается, как пьяная, туда и сюда,
Берега ломает буйная вода.

И когда увидишь, как бьёт она хвостом,
Чтоб с места сорваться рывком ураганным,
Чтоб затопить города и кишлаки,
Бешеным потоком хлынув по барханам,—
Страхом по сердцу тебя полоснёт!
Так она в ужас приводит народ.

Волны, с размаху ударяясь в берега,
Лижут их, грызут и разметывают в клочья.
Песчаную землю плавят, как свинец,
И размывают твёрдую почву.
Аму, как удав, раскрывает пасть,
В буйстве своём угрожая напасть.

Грудью налетая на изгибы берегов,
Срывает пласты она с рёвом звериным.
Скалы крутые воронкой обоймёт —
И вот их обломки торчат из пучины.
Глыбы срываются в воду рывком,
Оставив овраги на месте своём.

Белая пена караванами плывёт,
И чёрных фигурок мелькает в ней много...
«Чем это кончится?» — думаешь, смотря,
И душу твою лихорадит тревога.

Облик реки озаряет луна,—
И любишь Аму, и ужасна она...

Дерево окрепло на склоне одном,
Крыльями ветви свои размахнуло,
Вширь раздалось и ввысь поднялось,
Прямо в небесную глубь заглянуло.
Воздухом, солнцем и водой напоено,
Над Аму громадой нависло оно.

Дерево жило без забот и тревог,
Не чувствуя жажды, не зная безводья.
Ветви и веточки раскинув свои,
Привольно оно разрослось на свободе.
Качается дерево в лунном луче,
И тень его лежит у Аму на плече.

Хоть долгие годы росло оно здесь,
Но зла от безумной Аму не знавало,
Не чует оно приближенья беды,
Не ведает горя от грозного шквала.
Вот к дереву рвётся свирепо Аму,
Хочет вцепиться в корни ему!

Мышцы напрягая, движется быстрее,
Скалы ломает и пеною брызжет.
Локти обдирая и рыча, как медведь,
С каждым ударом подходит ближе.
К дереву добратся жаждет река,
Чтоб сокрушить его наверняка.

Волны бросая одну за другой,
Била неотступно, упрямо долбила,
Куски отдирая от крепкой скалы —
И наконец-то к корням подступила.
В схватку смертельную в тот же миг
Буйно рванулась она напрямик!

Последний удар последней волны,—
И дерево, гибель почуяв, очнулось.

Но тело тяжёлое — легче пера
Затрепетало и уже покачнулось.

Голову свесив к холоду струй,
Убийце оно отдало поцелуй.

С бессильно повисшими жилами корней,
Вниз головой повлекло исполина.
Бессчётными кругами яростно крутя,
Навеки его поглотила пучина.

На земле от него не осталось следа,
Кануло, исчезло оно навсегда!

Одно ли? Здесь сотни деревьев с Аму,
Как богатыри слепые, дерутся;
Листьями зелёными её увенчав,
Вон они вниз по теченью несутся.
Вырастив деревья на своих берегах,
Она же сама повергает их в прах.

Х

День ото дня прибывает вода,
Аму разрастается вправо и влево.
В рост человеческий во многих местах
Заливает она дорогие посевы.
Что попадается — землю, жильё —
Втягивает жадно глотка её.

Кибитки водой покрывает она,
Рушит и валит хибарки в низинах.
Землю смывая взмахом одним,
Синие воды смешивает с глиной.
Сгоняет дайхан с земли обжитой,
Нрав проявляя неистовый свой.

Как злобно беснуется эта Аму!
Бросается, рвётся она, как тигрица...
Напасть и сожрать — стремление её.
Даже к Турткулю добратся стремится!
Творить, что на ум ей взбредёт, вольна,
Всего, что захочет, добьётся она.

Много скота, лошадей, ~~и~~ **пш**аков
Стало её непреложной добычей.

Мало ей — в ярости — бездушных вещей, —
Души живые губить — вот обычай!
Самой ненасытной из тысячи рек
Жертвой становится и человек.

ХІ

Польза велика от могучей Аму,
Но вот ведь как много она разрушает!
Неудержимое буйство её
В недоуменье меня повергает.

Озером дум глубоких я плыл,
И, задыхаясь, глаза я рѣскрыл.

Убийцей показалась глазу моему
Аму, приносящая муки эти.
Между чёрных пятен, плывущих подряд,
Я существо живое приметил.

Пристально всмотревшись в быстрый поток,
Я разглядеть утопавшего мог.

Среди всякого скарба, досок и ветвей,
Кто-то без шапки, с чёрной бородою,
То исчезает, то выплывает опять,
Еле видна голова над водою.

Воздух, задыхаясь, ловит он ртом,
Над волнами голову держит с трудом.

Точно мышонок у кошки в когтях:
Беднягу река то отпустит, то словит.
Глотая и вновь изрыгая его,
Она ему света скончанье готовит.

Охает он, выплывая едва.

«Пропал я!» — в глазах его вижу слова.

Как мне понятен каждый этот вздох!
«Ох, дети!» — я слышу в вырвавшемся стоне.
«Ох, гибну!» — и чуется, на помощь зовя,
Ждёт он, что кто-то протянет ладони.

«Руку подайте! Я гибну, тону!

В смертельной тоске погружаюсь в волну!

Ох, горе!.. В палящей пустыне, в песках
Почему не жил я, под солнцем смуглея?

Байскую лодку зачем я тащил,
Крепким арканом связанный с нею?
Канат Науруз-бая меня погубил —
С лодкой нагружённой в реке утопил!

Аму я гордился, не зная, что она
Станет моим палачом и душегубом.
Землю моя захватила, чтоб теперь
Холодом смерти свести мои губы.
Ох, пропадаю! Попал я в беду!
В бездонной реке я могилу найду!

Если б я жил вдалеке от реки,
Я б палачу не достался в пустыне.
Я б не оставил в сиротстве детей,
В волнах Аму не тонул бы я ныне!
Думал, вода — человеку друг,
Враг она: жизнь вырывает из рук!»

Глазами молился он, взывая ко мне.
— Руку подайте! — слышно мне стало.
Но справа и слева мутная вода
Била его по лицу и хлестала.
Мигом его отнесло далеко, —
Руку ему тут подать не легко.

И крутит и топит его быстрина.
Вода не оставила места надежде.
Вот он попытался выплыть опять,
Но Аму навалилась сильнее, чем прежде.
И вдруг, захлебнувшись, в секунду одну,
Скрылся, исчез, пошёл он ко дну...

XII

Что жил у реки — горемыка жалел,
Когда погибал он в мутной пучине.
Горевал, мечтая о знойных песках,
Бредил сухой и безводной пустыней.
Водою растерзано сердце его,
Но он о пустыне не знал ничего.

Напрасно злосчастный охал и вздыхал,
О жизни в песках не зная суровой.

Ветер палящий там летней порой
Сердце выжигает у всего живого.
Пыльные просторы пустынь велики,
Людам мученье приносят пески.

Громадные равнины, иссохнув, лежат,
Годами воды дожидаясь бесплодно.
Ни красных роз, ни зелёных ветвей,
И нет исцеленья пустыне безводной.
И всюду, только дохнёт Кара-Кум,
Ползущих песков подымается шум.

Три времени года из всех четырёх
Дол не наряжают в халат зелёный,
Страшною сушью довольный вполне,
Пылью клубится песок раскалённый.
Всходы, рождённые весенним дождём,
Желтеют, сгорая от зноя потом.

Белые барханы шеренгами горбов
С места на место кочуют свободно,
Не вода струится, а сыпучие пески
Бродят и бродят в пустыне безводной.
Богатые земли заносят они,
Двигутся и странствуют целые дни.

Не видно листвы, чтоб в тени отдохнуть,—
В необозримых песках Туркменистана
Изредка покажутся чалы и черкез¹,
Жаждающие капли воды беспрестанно.
Огненный ветер здесь веет, пыля.
Какая чудесная гибнет земля!

XIII

Люди, прозябающие в жгучих песках,
В сорок локтей здесь роют колодцы.
Овцы и верблюды толпятся возле них —
Может, немножко воды наберётся.
Но часто напрасно теснятся стада —
Не всем для питья достается вода.

---

¹ Ч а л ы, ч е р к е з — растения пустыни.

Мутная влага горька и солона,
Кажется, что ядом земля угостила.
Вот почему здесь скотина мелка,
Топчется вяло и выглядит хило.

Такою же тенью чернеет народ —
Согбенные плечи, впалый живот.

А из-за ложбины с пресной водой,
Бывает, дерутся в песках скотоводы:
Скудный источник не в силах поделить,
Спорят и судятся долгие годы.

Вызреть не может в песках и зерно,
Воду искать здесь — горе одно!

Путник одинокий, овечий пастух
Гибель в пустыне от жажды находит.
Влаги целебной ни капли не дав,
Лютою смертью казнит их безводье.

Знакома мне была, как один человек
В знойной пустыне окончил свой век.

XIV

Некто, по имени Черкез, из Кырк-Кую
Шёл в Карры-Чирла летней порою.
«Ночь прошагаю и ещё до жары
Всё расстоянье, — он думал, — покрою».

Ночь прошагав и не чувствуя ног,
Он отдохнуть на пригорке прилёг.

Падал, оседая у Черкеза на груди,
Лёгкий, как пух, песок желтоватый.
Так насостязались две его ноги,
Что путник забылся, дремотой объятый.

Проснулся, а времени много прошло:
Солнце лучами высокими жгло.

Зевнул он, глаза приоткрыл — и стремглав
С места рванулся, опомниться силясь.
Охает, вздыхает, горюет, что заснул.

А мысли одна за другой проносились:
«Два перехода. Путь ещё далёк.
Вода в бурдюке — напиться разок».

За пояс он полы заткнул и зашагал,
А солнце, вздымаясь, сильнее раскалялось.
Взял он один перевал, весь в поту,
И от быстрой ходьбы почуял усталость.
    Ни юрты, ни людей не видно вокруг,
    И опустел у Черкеза бурдюк.

Знойный, обжигающий ветер подул,
Жаром его насквозь пропалило.
Руки, лицо и всё тело его
Жгучим огнём охватило светило.
    Руки повисли, пот по спине,
    Веки почернели, точно в огне.

Сильным он был, не слабел от ходьбы,
Но жажда, как дыба, его изломала.
Кто ж день проживёт в песках без воды,—
Такое не часто в пустыне бывало!
    Уже продолжал через силу он путь,
    Плавясь под солнцем, пронзающим грудь.

Жарою нагрывшей весь он обожжён,
Кожу на скулах ему обтянуло.
Как ни глядел он с надеждой — вокруг
Ни человека нигде, ни аула.
    Ноги прихватывать начал песок,
    Воли развязывался узелок.

Шатаясь, как пьяный, еле он брёл;
Как у попрошайки, вытянулась шея,
Выпал язык, замутились мозги,
Повисла его голова, соловья.
    Под гребень песчаный бросился он,—
    Жаждой Черкез вконец побеждён.

Пал, словно якорь, он на зыбкий песок,
Стало непослушным тяжёлое тело,
Опухшие веки закрыли глаза,
Как у мертвеца, лицо пожелтело.
    Воды он хотел — не нашёл он глотка,
    Он тени молил, а в песках — ни листка!

Яростней паля, воедино слились,
Пламень земной и небесное пламя;

Слипшиеся губы трудно разомкнуть,
Высохший язык обнесло волдырями.
Тихо лежал он, руки распластав,
И бормотали беззвучно уста:

«Зачем, бросив дом, я отправился в путь?
Зачем от людей я ушёл одиноко?
Чем крови моей в пустыне застыть,
Лучше б в реке утонуть мне глубокой.
Сердце моё обгорело в огне,
Без влаги надеяться не на что мне.

Пускай потерянный сгинет совсем
Верблюд моего ненасытного бая!
Ходил я за верблюдом пятнадцать лет,
Бай прохлаждается, а я погибаю!
Кровь у меня вскипятила жара,
Заплачет, меня поминая, сестра...

Знойные ветры и летняя сушь
Жгут всю пустыню — пески, перевалы.
Травка и цветочки покажутся весной —
И гибнут, как будто их не бывало.
И я на дороге упал поперёк,
Увял и погиб, как весенний цветок.

Зачем я в пустыню забрался, глупец?
Жил бы у самой реки, не увядая,
Лодку тянул бы, идя вдоль Аму,
Жизнь не пропала бы моя молодая.
Знал бы — на пустыню б и не глядел,
Уткой бы стал, чтоб жить на воде!..»

Невнятно бормочет и плачется он.
Но вот уже смолк и не шевелится.
Взглядом прощальным обвёл он пески, —
Веки закрылись, сомкнулись ресницы.
Умер от жажды Черкез на пути.
Что лучше: пустыня? вода?.. Рассуди?

В Аму утонувший погиб от воды,
Черкез в пустыне свалился от жажды.
Один о пустыне, другой о воде
Мечтал — и погиб от бессилия каждый.

Пустыня мерещилась одному,
А другой, умирая, рыдал об Аму.

XV

Не всё ли равно — есть вода или нет,
Если мертва от безводья пустыня?
Видишь, какая богатая земля,
Плодов не давая, в бездействии стынет?
Покуда пустыня в разлуке с водой,
Нет радости людям от той и другой...

Силушки нету у земли без воды,
Вода бесполезна, текущая мимо.
Кроме страданий, нет ничего,
Если в разлуке любимый с любимой.
Без пользы Аму свои воды струит,
Земля, задыхаясь, от жажды горит.
Долгими веками тяжело трудясь,
Вместе свести не могли их люди.
Но, изнывая в подневольном труде,
Надеялись, верили: — Это будет!
Нельзя было воду с землей сдружить,
Пока приходилось в неволе жить.

Бай и купец, хан и царь — двойным
Ярмом висели на шее народа.
Цепи неся на руках и ногах,
Не мог человек бороться с природой.
В пустыню влить жизнь, покорить Аму
Было не под силу тогда никому.

Только партия наша, Советская власть,
Братья — русские, туркмены, узбеки —
Дружным и вдохновенным трудом
Землю с водою сдружат навеки!
Сбросивший с плеч насилия гнёт,
Покорит и природу вольный народ!

XVI

Жаждущее чрево туркменской земли
Сама ты, Аму, — насытишь ли влагой?

Или, не давая себя запрудить,
Будешь слоняться строптивым бродягой?
В озеро дум погружённый, Аму,
Мыслью стремлюсь я к пути твоему...

Мимо миллионов взывающих людей
Будет река проноситься доколе?
Долго ли властвовать будет она,
Течь по своей необузданной воле?
В упрямстве своём пребудет всегда
Или смягчится, заглянет сюда?

Века и поколенья сменялись, она ж —
Владыкой была на пустынных просторах.
То бурно вздуваясь, то вновь обмелев,
Она отражалась в жаждущих взорах.
Будет, довольно и гнёта и мук!
Тебе говорю! Эй, слышишь, Аму?

Как странник, идущий дорогою своей,
Бушуя, ты мчишься по руслу привычно.
Мучась любовью, туркменская земля
Кровью рыдает, — а тебе безразлично?
Каменное сердце! Где же твой стыд?
Новое время с тобой говорит!

С душою опалённою, из-за тебя
Люди не будут страдать, как прежде.
Видеть тебя покорённой, в узде, —
Верен народ этой верной надежде.
Города заливая и кишлаки,
Думаешь — старые нынче деньки?

Слушай же, имя великое — Аму!
Сколько царила ты — хватит, довольно!
Рухнул опрокинутый старый мир —
И ты отрекись от гульбы своевольной!
Слышишь? Советуем нынче добром,
А слушать не будешь — за горло возьмём!

Помнишь, Теджен-река, что ни год,
Буйствуя всласть, Карры-бент разрушала
И, русла упрямо держась своего,
Воды не давала в четыре канала?

Каменной плотиной теперь запружена,
Схвачена, заперта крепко она.

И как на Теджене, так Бассага-бент
Создан был нами в твоём верховье.
Много мы каналов прорыли больших,
Мощи твоей применение готовя.
Силой сегодня не хвастай своей, —
Ныне мы будем приказывать ей!

Скоро, дорогу тебе преградив,
Застынет бетон в вековой плотине.
Просторы каналами мы избороздим,
В степи вольём мы тебя и в пустыню!
Ты век принуждала смотреть тебе вслед, —
Будешь держать ты за это ответ!

С места на место бродящие пески
Влагой твоею скуём мы и сплавим.
Рот твой наполнив горячим песком,
Сердце твоё пламенеть мы заставим.
Землю связав воедино с водой,
В честь свадьбы устроим мы радостный той!

XVII

До Каспия-моря когда-то Аму,
Как говорят, свой разбег простирала.
Потом она двинулась новым путём,
Струи свои устремляя к Аралу.
С тех пор её воды туда и текут,
С тех пор стороною проходит маршрут.

Всё ещё быстрее скакуна Аму-Дарья,
Мчаться стремительно не перестала.
Кроме с трудом отвоёванных крох,
Сокровища все достаются Аралу.
Пусть же возникнет каналов череда,
Пусть пред плотиной смирится вода!

Века сражался туркменский народ
С рекою Аму, непокорной и дикой, —
Противоборствовать сможет ли она
Нашей Советской державе великой?

Пусть она смотрит ещё свысока,—
Знаю, обуздаем её наверняка!

Больше не придётся тогда горевать
От её разливов тысячам граждан,
Больше не найдётся в пустыне, в степях
Терпящих муки от зноя и жажды.

Станет послушным её разбег,
Горе безводья исчезнет навек!

Будет отныне подвластна она
Нашей воле, веленьям и планам.
Хлынет по каналам студёная вода
К жёлтым равнинам Туркменистана.

Дол, не слыхавший звона струны,
Раскроет Аму объятья свои.

Сольётся с любимым Аму-Дарья,
В ответном объятье прильнув к изголовью,
И, после разлуки друг друга найдя,
Насытятся оба взаимной любовью.

Много детей у них будет потом,
Туркмения станет сплошным цветником!

XVIII

Воды понесутся по высохшим полям,—
Молодо-зелёные, красные, как пламя,
Вспыхнут разноцветные, пёстрые цветы,
Выпрямятся стебли под яркими лучами.

В рост, колыхаясь, встанут сады,—
Мы это увидим, явью горды!

На патрак¹ похожие, белые цветы
В зелени хлопчатника высыпают густо,
Раскроются коробочки, створками звеня,
И волокно драгоценное распустят.

С хлопком мешки — из конца в конец
Заполнят поля, как отары овец.

Всей нашей родине даст Туркменистан
Чудесного хлопка огромные массы.

---

¹ П а т р а к — жареные зерна кукурузы.

Не успеют фабрики справиться с ним,
Как новый год увеличит запасы.

Тканей сумеем наткать на весь мир,—
Верное слово молвит шахир¹.

Мы представить себе не могли,
Что там, где тянулись голые равнины,
Вырастут чай, кенаф и кендырь,
Целебные травы и мандарины,
Дыни, пшеница, кунжут и ячмень,—
Будет сиять изобилием день!

Строй электростанций поднимется въявь
Там, где шумя, понесутся потоки.
Ночь превращая в немеркнущий день,
Светом простор озарится широкий.
С полной нагрузкой двинутся в ход
Фабрики и за заводом завод.

Тракторный рокот, турбинный гул
Начнут доноситься ко мне отовсюду.
Водокачки и фабрики, шумно дыша.
От электростанций силу добудут.
Азотом насытятся вдоволь поля,—
Станет добротней, богаче земля.

Мы остановим непокорные пески,
Что бродят, подобно Аму, по пустыне,
Аму — для песков и пески — для Аму
Станут надёжным лекарством отныне.
Будет засеяна сплошь целина,
Родит тростниковый сахар она.

XIX

Много я думал — и понял давно:
Если Аму приносила нам горе,
Если страдать заставляла Аму,—
Счастьем разольётся Аму на просторе!
Славное имя у нашей Аму!
Хоть и браню, а всех краше Аму!

---

¹ Шахир — поэт.

ЭПИЛОГ¹

В тысяча девятьсот шестьдесят первом году
Мне шестьдесят семь лет миновало.
Множество гроз отшумело надо мной,
И радостно жизнь моя засияла.

В памяти много сражений и дел...
Что виделось в думах — я въявь разглядел.

I

Славную, любимую Аму-Дарью
Мне захотелось увидеть снова,
Облик возлюбленной новый узнать —
В знак нерушимости чувства былого.
Зря не мечтают в Советской стране:
Открылось мечтаний свершение мне.

Мне радостно было объехать опять
Родную Туркмению, край мой широкий,
Зоркостью юности зажёл я зрачки,
Полёт направляя дорогой к востоку.
Светом восхода развеяна мгла,
Ширь небосклона чиста и светла!

Солнце, разноцветными красками лучась,
Медленно всплывая, вошло над простором,
Золотом блеснуло, сверкнуло серебром —
И мир озарило сияющим взором.
Оно улыбнулось земле с высоты,
В ответ улыбнулись трава и цветы.

---

¹ Эпилог переработан автором в 1961 г. Поэма написана в 1931 г.

Городом заводов я был восхищён,
На Ашхабад с высоты взирая.
Башни и трубы рядами колонн
Высились, небосвод подпирая.

Яркостью нового радуга взгляд,
Неузнаваемым стал Ашхабад!

Сокол, стремительно взреявший ввысь,
К Теджену понёсся по глади небесной.
Пески рассекая, Каракумский канал
Возник предо мною легендой чудесной.
Зелень посевов, ленты дорог,
В древних пустынях — селений дымок!

Взор устремил я на старый Карры-бент,
На его заводы и на водоёмы.
«Где ж это Теджен?» — я спросил про себя,
Город увидев совсем незнакомый.
Воды Теджена быстрее текут,
Жизнь забурлила по-новому тут!

Блистают равнины асфальтом дорог,
Машины по ним проползают жуками.
В садах и огородах — родные места.
Жизнь великаньими шагает шагами!
Не видно кибиток, исчезла чатма¹, —
Край украшают красавцы-дома!

Шёлковый хлопок владыкою стал,
Власть на просторы степей простирая.
Мары, Душак и Каахка слились
По-братски с землёю тедженского края.
Вытянул руки отводов канал,
Хлынул в пески освежающий вал.

II

Стремительнее птицы, быстрее коня
Лечу я в Серахс в голубом поднебесье.
Близ Каушут-кала глянул я вниз —
И поезд увидел змеящийся здесь я.

---

¹ Ч а т м а — шалаш.

— Откуда это поезд, какой это путь? —
И вспомнил, успев на дорогу взглянуть.

Ветка вела от станции Душак
В Мяне, Чача и Серахс по равнинам.
Поезд, идущий на Тахта-Базар,
Сверху караваном казался длинным.
Сомкнулись плечами Серахс и Теджен!
Сколько в пустыне теперь перемен!

Пески разделяли Мары и Серахс,—
И вот горизонт весь — в зелени яркой,
Цветение жизни на каждом шагу,
На холмике каждом природы подарки.
Засеяв пустыню, явились сюда
Хозяева жизни, герои труда.

Где же тут Мары? Где Байрам-Али?
Слились они в город один неразделимо,
Людской муравейник кишит на земле,
А трубы заводов — под шапками дыма.
С неба взглянув, «Хорошо» я сказал.
Сложить бы о жизни кипучей газал¹!

Вот они — свобода, приволье и мир!
Былое отброшено — всё здесь иное!
Картиноюстроек внизу пронеслись
Прежние степи, блестя новизною.
Воздух пахучий донесся с земли,—
Пьянит ароматом Байрам-Али!

Взглянул я ещё раз — вон за Уч-Аджи
Пути перерезали плавные воды.
Думаю я: Каракумский пошёл,
Преобразуя пустыни природу.
К Бами течёт он, прохладен и прям,
Дары расточая окрестным полям.

Где черкез и солянка царили встарь,
Подняты тракторной вспашкой массивы.

---

¹ Газал — стихи.

Будто униженный кружками монет,
Хлопок ростки выпускает красиво.
Царствует, нежась, вблизи и вдали,
Хлопок — владыка воды и земли!

III

Город открылся взорам моим,
Река в середине блестит синевою.
«Какой это город? — подумалось мне. —
Не Ленинград ли с его Невою?»
Это Аму! Услада сердцам!
Дар драгоценный! Священный бальзам!

Гурьбой суетливой машины снуют,
Троллейбус, спеша по шоссе, разлетелся.
Фабричные трубы вросли в небосвод.
По трём направленьям расходятся рельсы:
Те к морю, а эти к Ташкенту спешат,
Третьи в Ташауз бегут и Кунград.

Плывут теплоходы по Аму-Дарье,
Кружат самолёты в небесной шири.
Из Керки, из Ташауза и Москвы —
И наш — спускаются сразу четыре.
Асфальтовым зеркалом — аэродром.
Выйдя, оглядываюсь кругом.

Стройная девушка взор привлекла.
Она прилетела московским маршрутом.
Тёмные очи улыбкой зажглись, —
Эге, да кого-то ищет она!

Шёлковый шарф спускается с плеч,
На лбу неприкрытом — ни тени тревоги:
Заботы и горе не коснутся её,
Доступны ей всюду любые дороги.
Глянула, будто чуть-чуть смущена,
Свободна она и на каждом пути
Удачу и счастье сумеет найти!

Юноша, из Керки прибывший сюда,
Волосы приглаживая торопливо,
Что ей подумалось в эту минуту?

Смотрел с нетерпением по сторонам —
И к юной туркменке бросился живо.

Слились в объятии крепком на миг,
И тут разговор горячий возник.

Они, оказалось, встретились не зря, —
Было, оказалось, такое условие.

Оказалось, друг в друга они влюблены,
Сердца их горят вдохновенной любовью!

Она — докторантка, — я тут же узнал.
Чарджоуский парень нас в гости позвал.

IV

Стены украшены нарядным шитьём,
В ярких ковровых узорах квартира.
Рюмки и графины стоят на столе, —
Всё здесь готово для скромного пира.

Сели за стол мы, веселья полны,
Чокнулись дружно за счастье страны.

Лета хоть подходят к семидесяти, —
От молодых отставать мне негоже.
Да что тут лета! Я в деле любом
Отлично сравняться могу с молодёжью.

Старость эпохою побеждена —
У нас никому не страшна седина!

Учёный старается наш труд облегчить,
Подлинный друг человека — наука
Так изменяет природу, что впрямь
Юностью дед не отстанет от внука.

Нас обласкали счастливые дни, —
Вот почему молодым я сродни.

Шутками весёлыми обменивались мы,
И я любовался любовью влюблённых.
Сумрачной казалась минувшая жизнь
При блеске сегодняшних дней озарённых.

Прихлынула кровь к горячим сердцам!
Хозяин дома рассказывал нам:

— Вырос новый город возле реки,
Нынешний Керки похож на Чарджоу.

А сколько там яблок, гранатовых рощ!
А климат! Сравнить ли с природой чужою!
Нужды, бескультурья не знает народ,
Жизнь молодая бурлит и цветёт!

Забыты и чигирь, и нова, и хошар¹, —
Вода, куда нужно, туда и помчалась.
Жажды и в пустыне не знает народ,
От старины корешков не осталось!
Весна никогда не кончается тут,
Колхозы с совхозами вровень растут.

Тракторы вспахали просторы степей,
Где не росло и травинки когда-то,
Зреют посевы, наливаются плоды,
Овцы пасутся, играют ягнята.
Были пустыни, стали — сады!
Исчезли невзгод вековых следы!

V

Белых песков верблюжьих горбы
Украшены сплошь одеяньем зелёным.
Каракулем курчавясь, ягнята гурьбой
Несутся, играя, по бархатным склонам.
Пасутся верблюды и овцы, что год —
Стада умножает добрый приплод.

Вот рассверкался гладью водоём, —
Здесь место всемирного птичьего слёта!
На необозримых колхозных полях
Зреют хлеба, не смолкает работа.
На том водоёме вращенье турбин
Свет разливает в просторы равнин!

Птица сердца забилась сильнее.
Страна изобилья глазам открылась;
Преобразив бывшие пески,
В степной простор вода устремилась.
О каждом шаге в чудесной стране
Стихами рассказывать хочется мне!

---

¹ Хошар — ручная очистка каналов от заиления.

Город сменяется совхозной землёй,
Колхозные сёла сменяют заводы,
Там — хлопок пушится, здесь — зреет кенаф,
Там — трактористы, а здесь — садоводы...
Везде человек здесь — хозяин всего,
И вся красота — в этой мощи его!

Снова водоёмы и искристый свет...
Люди — где и птиц-то не было сроду...
Сердце ликует: никто не согнёт
Тех, кто сумел переделать природу!
Кровь веселеет, я Родиной горд,—
Здесь воздух такой, что не нужен курорт!

Новых районных центров расцвет
Видел я на Каракумском канале.
Источники счастья — уголь и нефть —
На шахтах, у вышек мой взор услаждали.
Я жизнь небывалую видел в цвету:
Придал коммунизм ей свою красоту!

VI

Как великолепен теперь Красноводск,
Воротами Средней Азии слывущий!
Священный город я вижу вдали,
Из моря рубиновых бликов встающий!
Трубы и крыши — до самых небес,
Берег украшен собраньем чудес!

Помню я, город от засухи пылал,
Как золото, ценилась вода питьевая...
Улицы деревьями обсажены теперь,
Струится под ними вода золотая —
Пальма и тополь, а вон кипарис...
Яблони в каждом дворе разрослись!

Вокруг — километры фруктовых садов,
Сочный виноградник, абрикосы и груши.
У горных подножий рокочут ручьи,
Сады зеленеют, и зной их не сушит.
Хоть к морю канал приближается там —
Вода достаётся полям и садам.

Тянутся длинные руки реки —
Одна к Челекену, к Атреку вторая.
Цветущими садами славен Атрек, —
Они развернулись от края до края.
Один необъятный и сказочный сад
Ты видишь, вдыхая плодов аромат!

Золотом ветви украсив свои,
Развесила кисти хурма неохотно.
Каждая ягода — с кокон длиной —
На вкус хороша и для глаза приятна.
Жилы огнём наливает хурма.
Грусть разгоняя, смеётся сама.

Родина солнечных фруктов — Атрек!
Сладостным соком сочатся, растаяв,
Персик, инжир, апельсин, мандарин...
Пройдёшь, не отведав, — обидишь хозяев!
Лимоны и яблоки — нету крупней!
Сливы и груши — не сыщешь вкусней!

Винограда имеется двести сортов:
Женские пальчики, сахар белый,
Халили, эсгери, монты, тербаш...
Садись и считай, если нечего делать!
Кто кушал — того исцеляется грудь.
А как же в Атреке вина не глотнуть?

Климат атрекский — рай для души:
Целительной силы его не забудешь,
Больного и слабого вылечит он!
В Атреке побудешь — в обиде не будешь!
Айда к Атреку лицом, человек!
Душой оживёшь, как приедешь в Атрек!

Вздумал англичанин в восемнадцатом году
Силой отторгнуть нефть Небит-Дага.
Прогнали незваного гостя! Ушёл.
Не солоно хлебавши, подлый бродяга!
Досталась злодею не нефть, а тумак.
На лбу до сих пор несмываемый знак...

Мир хищников жадно дерётся за нефть,
Сплетя воедино разбой и коварство.

А промыслы наши растут и растут,
Вниманьем обласканные государства.
Вышка за вышкой, за шагом шаг —
Выстроен город был Небит-Даг.

Ярилась природа, всей силой стихий
Штурмуя строителей без передышки.
Ветер, вздымая сыпучие пески,
Заваливал злобно дороги и вышки.
Было безводье лютой бедой,—
Зной и песок, беспокойный и злой.

Что для заводов колодец? Талхан¹,
В море разведённый: та же нелепость!
Скважину вырыть не легче, чем взять
Стальной броней защищённую крепость.
Рвались пустыни из знойной беды,
Ждали нефтяники доброй воды.

VII

Ныне, шумя у подножья Балхан,
Аму рукавом проносится длинным.
Волны в надёжные бьют берега,
Сады и посевы покрыли равнины.
Лысый песок перестал кочевать,—
В зелёном халате улёгся он спать.

Между Балханами леса поднялись —
И ветер палящий застыл у кордона.
Видишь — прохладой вея, на степь
Тень от деревьев ложится зелёных.
Ветер не дует, тихо вокруг,
Выросли Вышка, Кум-Даг, Орунджук.

Подземные клады мы подняли вверх,
Как сильный борец противника — в схватке,
До Челекена и Гасан-Кули
Вышки, кочуя, дошли без оглядки,
Дороги прорезали дали пустынь,
Тронули вышки небесную синь.

---

¹ Т а л х а н — толокно из жареных хлебных зёрен или дынных семечек.

Город огромный лежит у Балхан —
Центр нефтяного богатого края.
Жизнь в Небит-Даге — как будто весна
Вечно здесь блещет, лучами играя!
Театр, институт, за дворцами дворец...
Радости тесно в пределах сердец!

Геройски работают дети страны,
Творит чудеса трудовая отвага.
Двигает заводы, моторы, станки
Нефть Средней Азии, нефть Небит-Дага.
Идут караваны цистерн, как поток, —
Туркменскую нефть знает Дальний Восток.

Нефть — только ли топливо, только ли свет?
Могущество Родины связано с нею.
Не только нас сильными делает нефть —
Мир укрепляет она, пламенея!
Стройке великой отдавшись сполна,
Мирную жизнь охраняет она!

VIII

Соединились пустыня и Аму!
Сдержать изумленье народы не в силе!
Пусть локти грызут от досады враги, —
В пустыне мы счастья канал проложили!
Из-за обрывков развеянных туч
Блестит коммунизма немеркнущий луч!

Водой нас топило, сжигало огнём, —
Засуха слева и омуты справа...
Слыли врагами пустыня и вода, —
Сдружились они с человеком на славу!
Советские люди землю с водой
Соединили властной рукой!

Немыслимы распри из-за глотка,
Вода усладу даёт народу,
Преданную людям, верную земле —
Везде ты отыщешь желанную воду.
От радостной встречи воды и земли
Родные края, как цветы, расцвели.

Спутником надёжным стала Аму,
От жгучего солнца — ни жажды, ни боли.
В дружбе неразрывной вода и земля
И в Дарвазе, и в Карабугаз-голе.

Климат Туркмении нынче другой —
Он изменён животворной рукой...

. . . . .

Партия, верно народу служа,
Родину вывела к радостной жизни.
К новому миру дорогу найдя,
Счастье доставила — жить в коммунизме!
Партии гений, славься вовек, —
Сделан счастливым тобой человек!

1930—1961

АЙЛАР

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Первая глава

Белое одеяло сползло с горы,
На ущелье обрушился водопад,
Расстелила весна на полях ковры,
Сад на голые ветки надел халат,
Соловьи объяснения завели,
Маки факелы маленькие зажгли.

Рой снежинок нетающих — лепестки
Яблоневых цветов облетят с ветвей...
Показалась красавица у реки:
Ее имя — Айлар. Познакомьтесь с ней.
Как походка легка ее, как плавна!
Что-то вспомнив, замедлила шаг она...

С удивлением смотрит, как на реке
Образует воронку водоворот...
Заворочался ветер в ее платке.
Из кармана конверт она достает.
Взгляд скользящий касается строк едва, —
Видно, перечитала не раз, не два.

Ей не надо парижских духов. Вокруг
Стойкий запах, густой аромат весны...
А во взгляде то радость, а то испуг,
Хоть лиловые строки письма ровны.
Как движенья легки и стройны Айлар!
Но прочтем же пиьмо от Халлы Айлар:

«Шлю привет я, как пишут «из дальних стран»!
Приближается к нам долгожданный час.
И хоть я капитан уже, Айлар-джан,
Обещают уволить меня в запас.
Днем и ночью я мыслью одной живу:
Вижу встречу во сне я и наяву.

Скоро встреча. Отбросим разлуки грусть.
Станем самой счастливою мы четой.
Май еще не окончится — я вернусь.
Представляешь, какой мы закатым той!
Прилечу я на твой порог, Айлар-джан!
И губами коснусь я щек, Айлар-джан!»

Эту весть прижимает к груди она,
Лепестки, как с ромашки, с тюльпана рвет.
Всю ее захлестнула мечты волна,
И по озеру счастья она плывет.
Ей из рощи откликнулся соловей...
Кто же это неслышно подходит к ней?

За деревьями прячется, на носках
Подбирается, жалкий имеет вид:
Страх мелькает в расширившихся зрачках,
Рот, не вымолвив слова еще, дрожит.
И, как школьник, смущенный своей виной,
Произносит «Айлар» за ее спиной.

И услышав «Айлар», вскочила Айлар,
Вскрикнув от неожиданности: «Халлы!»
Хоть сначала к щекам ее хлынул жар,
Стали через мгновенье они белы.
И, узнав подошедшего сзади к ней,
Сразу сделалась тучи она темней.

Строго проговорила, вспыхив в момент:
— Что, Мамед? Я, Айлар, пред тобою стою. —
Заякаясь, ее попросил Мамед:

— Может, жалобу выслушаешь мою...

— В исполком надо с жалобою идти...

— Ты мой шах, исполком мой, Айлар, прости...

— Что за речи и как тебя понимать?

— О Айлар, вновь отказом не отрави,

Пред тобою склоняю главу опять.
Я твой раб, обезумевший от любви.
Отчего ж до сих пор я тебе далек?
Ты — огонь, я — сгорающий мотылек.

— Ты ведь знаешь, Мамед, что другой мне мил,
И опять объясняешься. Стыд твой где? —
И Мамед сокрушенно проговорил:
— Время ль думать влюбленному о стыде?
О другом ты не думай. Забудь его.
Мать согласна, а это важней всего.

— Мать не может продать меня! Изю мглы
Вышли мы. И сама выбираю я —
Пусть живую обнимет меня Халлы.
А умру — пусть обнимет меня земля.—
Но сказал он, ладонь поднеся ко лбу:
— Все ж должна ты услышать мою мольбу...

От него отвернувшись, ушла она
Под деревьями, гордая, напрямик.
«Как походка легка ее, как плавна!» —
Очевидно, подумал Мамед в тот миг.
Но не ждала его похвалы Айлар.
Согревала мечта о Халлы Айлар.

Вторая глава

Было так неприятно Айлар самой:
Иль она, иль Мамед во всем виноват?
А когда возвратилась она домой,
Мать украдкою бросила беглый взгляд:
«Отчего она, как на ветру лоза,
Отчего так печально глядят глаза?

Кто же в сердце ее беспокойство внес?
Как ее состояние понимать?»
За вопросом рождался в мозгу вопрос,
С беспокойством смотрела на дочку мать,
Удивлялась такому виду Айлар:
«Кто же это нанес обиду Айлар?»

— Кто расстроил тебя, ведь людей плохих
Есть немало... Иль, может, виной друзья?
Кто тебя огорчил, свет очей моих?
Или этого матери знать нельзя? —
Но Айлар почему-то раздражена,
Посмотрела с усмешкой на мать она:

— Знаешь, мама, избранник твой так хитер,
Что хотела — добилась, теперь не тронь...
Ты в кипящий швырнула меня котел
И вдобавок поставила на огонь.
Что слова все сочувственные твои!..
Где тепло материнской твоей любви?..

Ну а мать словно бросило сразу в жар,
Застонала она мгновенье спустя:
— В мое сердце вонзаешь кинжал, Айлар,
Дочь моя, дорогое мое дитя!
О Айлар, ты ошибку забудь мою.
Словно камень ты бросила в грудь мою.

Все отдать я готова за дочь мою,
Чтобы боль твое сердце не обожгла.
Если надо, себя я сама убью,
Чтобы только, любовь моя, ты жила.
Днем ты солнце мое, а ночью — луна,
До чего же мне радость твоя нужна!

Коль обидела я тебя невзначай,
Только не обижайся, дитя мое!
Огорченье от горести отличай
И забудь. Улыбайся, дитя мое!
Ну, пора извинить и утешить мать... —
Этой просьбе Айлар не могла не внять.

— Молоко твое белое я пила,
Ты душа в моем теле, о мама-джан!
Этот мир своей дочери ты дала.
Мне указ в каждом деле, о мама-джан!
Подарила мне разум ты, чувства, страсть,
Разве в неблагодарность могу я впасть?

Неужели ты, мать, отдаешь меня
Самозванцу, которого не люблю?
Неужели чужим продаешь меня,
В дом того, с кем я счастья не разделю?
— Обожди-ка! Что мелешь ты, дочь моя?
В чем тут суть — понимать начинаю я.

— Мать согласие дала, говорит Мамед.
Не дают мне покоя его слова.
— Нас с тобой обмануть норовит Мамед.
Эх ты, доченька, глупая голова!
О твоих я не думала женихах,
Ведь судьбу свою держишь сама в руках.

Ты сама разберешься, с кем по пути, —
Будет этот Мамед или кто еще...
— Мама-джан, дорогая, меня прости:
Я другого совсем люблю горячо... —
И Айлар словно выпорхнула из мглы,
Полетела душою она к Халлы.

Третья глава

Вот Мамед. На плече тяжелый кетмень.
Спотыкаясь бредет без дороги он.
На лице его гнева мелькает тень,
Он задумчив, рассержен и возмущен.
Что-то шепчет. Опущена голова,
Лишь глазами в сторонку косит едва.

А в прохладе колхозного гаража
Полирует машину свою шофер:
То пятно смыл с крыла ее не спеша,
То стекло замшей ласковою протер.
Подойдя незаметно, спросил Мамед:
— Далеко собралась, Айлар, или нет?

— До чего же вопросы твои смелы, —
Засверкало в глазах Айлар торжество. —
Приезжает сегодня мой друг Халлы.
Я на станцию еду встречать его.
«А-а... Халлы приезжает... Встречать пора,
А Мамед все свое получил вчера?..»

И в мозгу его вызрел коварный план.
Сам он от своего задохнулся зла.
Догадалась Айлар, что он гневом пьян,
Догадалась, но виду не подала.
Стал зеленым от ненависти Мамед,
Но спокойно сказала Айлар в ответ:

— Почему же не встретить, подумай сам:
Твой ровесник Халлы. Будь ему под стать.
Он колхозу поможет. И будет нам
Он военное дело преподавать...
— Хватит! — не удержался Мамед. — Молчи,
Ты ведь знаешь, что парни здесь горячи!

Унижаться не стану теперь, любя,
Хоть и прежде был робок я и несмел,
Но распущенной девкой назвать тебя,
Как у нас говорится, сам бог велел.
Не останусь безропотным я. Постой,
Еще кровью украшу свадебный той.

Стали девушки брови чернее туч,
К переносице яростные сошлись.
И, подняв над собою гаечный ключ,
На Мамеда пошла: «Ну, посторонись!»
Не стараясь сдержать подступивший гнев,
Подлетела она к нему, потемнев.

— Повтори-ка еще раз свои слова:
«Кровь украсит наш той!» Повтори опять!
Если только цела твоя голова —
Оттого, что не хочется ключ марать.
Тоже мне отыскался герой! Джигит! —
У Мамеда совсем изменился вид.

И, неся на плече тяжелый кетмень,
Спотыкаясь, пошел без дороги он.
На лице его гнева мелькает тень,
Он задумчив, рассержен и возмущен,
Что-то шепчет. Опущена голова.
Лишь глазами в сторонку косит едва.

Четвертая глава

Задрожала машина, разбилась тьма.
На больших оборотах запел мотор.
За спиною гаражная полутьма.
Захлестнул лобовое стекло простор.
Застучало стальное сердце в груди.
И остался Мамед уже позади.

Стала узенькой лентой река вдали,
А шоссе улетало как будто ввысь.
Справа сад, словно вырос из-под земли,
Огороды колхозные пронеслись.
Лук, морковка, капустные кочаны,
Помидоры восходом освещены.

Отражение видит Айлар в крыле.
У дороги, куда только взгляд ни кинь,
Плеть за плетью ползущие по земле
Меж еще вызревающих грузных дынь,
Возле «сорокадневки», начавшей желтеть,
«Вахарман» заплетает морщинок сеть

У дороги посевы невдалеке
Наподобие легких зеленых стен.
И сидит под навесом на бугорке
Напевающий песню старик туркмен.
И арбузы лежат на бахче, пестры,
Валунами, скатившимися с горы.

И приподнял хлопчатник свои кусты,
Словно встал на колени. На нем вокруг,
Как цыплята на ферме, цветы желты —
Только ветер колышет их легкий пух.
А у гор, будто облачная гряда,
Не спеша проплывает овец стада.

Не успела и притормозить Айлар,
Как у станции, судорожно сопя,
Извергая курчавый, белесый пар,
Сотрясая всю землю вокруг себя,
Ход замедлив, должно быть в пути устав,
Появился предлинный дальний состав.

Отдуваясь, попыхивал паровоз.
Пар его опоясал со всех сторон,
И по ветру летел парой белых кос,
И дыханьем горячим обдал перрон.
А толпа чемоданы несла, узлы,
И Айлар в ней не сразу нашла Халлы.

Взгляд его на мгновение застлал туман,
Но уже к ней летит он быстрее стрелы,
Воскликая восторженно: «Айлар-джан!»
А она, словно эхо в ответ: «Халлы!»
В этот миг мимо них прошли стороной
И перрон, и состав, да и вы со мной...

Их теперь хоть оклики, хоть позови —
Все равно не услышат, что делать тут, —
Лишь два сердца — две лодки в море любви,
Ветром счастья наполненные, плывут.
Счастье их в этот час огромно, друзья.
И мешать им сейчас нескромно, друзья.

Пятая глава

Серебристые солнечные ручьи
Низвергаются, легкие, с высоты
И поют. Хоть негромко пой, хоть кричи,
Не достигнешь естественней красоты.
От плодов наклоняются деревья,
Словно бархат зеленый блестит листва.

Виноградная над головою гроздь,
Ее каждая ягода как рубин...
Всякий сюда пришедший — желанный гость,
И на праздник явились все как один.
День сегодня в селении не простой:
Все собрались к Айлар и Халлы на той.

Над кострами веселая кутерьма.
Под деревьями на полдвора ковры.
А в котлах плов дымится и чихиртма,
Лишь плывут опьяняющие пары.
Туже струны натягивают бахши —
Чтоб звенели дутары от всей души.

Густо-красный несет на плечах халат
Очень принарядился вокруг народ:
Украшенья серебряные звенят.
В снежно-белой папахе Халлы идет,

И Айлар украшает счастливый взор
И полдневных лучей золотой узор.

Ярким куполом на голове гупба,
Готазы и шелпе хороши на ней,
И подвескою на середине лба
Илдиргич¹ над разлетом крутых бровей
А сама она тонкая, как лоза.
Лишь блестят виноградинками глаза.

То нахмурятся, то улыбнутся вдруг,
Вся упругая, как тетива Айлар.
Ноги стройные, туфельки стук да стук,
Косы длинные — вот какова Айлар.
Чуть взволнованно глядя по сторонам,
С уважением кланяется гостям.

Шестая глава

За невестою девушек хоровод
Появился. И ласкова и нежна,
Прославляет влюбленных древнейший род
Сладкозвучная сазовая струна.
До чего же напевы здесь хороши
И прекрасен надтреснутый бас бахши!

Из пиал попивая зеленый чай,
Гости располагаются на коврах.
С лиц, порою печальных, сходит печаль,
Увлекает всех тоя большой размах.
А хозяева вовсе не устают,
Явства традиционные подают.
«За здоровье Айлар!», «Во славу Халлы!» —
Произносятся тосты со всех сторон.
Пиала, ударяя в край пиалы,
Издает глуховатый, но добрый звон.
Пиалы осушились по многу раз,
И опять осушались они тотчас.

---

¹ Готазы, шелпе, илдиргич — женские украшения.

Разгоралось веселье. И в тот момент,
Когда в тосте пиалы сошлись кольцом,
Появился, покачиваясь, Мамед
С желтоватым, осунувшимся лицом.
Увидав новобрачных, оторопел
(Прежде где-то напиться уже успел).

«Мамед-хан, гостем будь!» — будто бы
с родным,
Говорили с ним все, не попомнив зла.
Угощение поставили перед ним,
И полна до краев его пиала.
Мутным взором Мамед поглядел вокруг
И свою пиалу выронил из рук.

А потом пододвинул пустой стакан,
Словно чашу, наполненную вином,
И сказал: — Выпил много я, но не пьян!
Если ж пьян, виновата Айлар во всем.
Переломаны крылья моей мечты,
И застыла любовь, как в мороз цветы.

Той сегодня?.. Иль траурный день?.. Ха-ха!
Выпил я... Но, ей-богу, ничуть не пьян...
Ну, а если и пьян, то чуть-чуть, слегка,
И явился поздравить я Айлар-джан,—
Он рукою взмахнул, и... раздался хруст —
Повалился Мамед на колючий куст.

И веселье, царившее здесь кругом,
На минуту лишь было омрачено.
А Мамед уже спал богатырским сном.
На веранду снесли его под окно.
Вновь раздался торжественный звон пиал,
И бахши свою песню вновь запевал.

Ели, пили и пели гости с душой,
Тут искусство хозяев каждый хвалил.
Той удался на славу. Праздник большой
Только за середину перевалил,
И расчистили посередине круг,
И ударил о землю первый каблук.

Зазвучали едино дутар и саз.
О знакомые песни туркменских сел!
Свет улыбок. Сиянье лукавых глаз.
Сад колхозный вторично от них расцвел.
Молодые, конечно, в танце легки,
Но отличились в танце и старики.

Вот Халлы и Айлар потащили в круг:
«Пусть станцуют виновники торжества!»
Все следили за плавным движеньем рук
И — как гордо откинута голова.
Танец их и артисту бы сделал честь...
Вдруг весь той облетела худая весть.

Танцы остановились, умолк дутар.
С песнею, оборвавшейся на устах,
Замерла, словно каменная, Айлар.
Гости замерли все на своих местах.
Будто бы пиала, что была полна,
Сразу празднество — вдребезги все! Война!

Вмиг распалось танцующих пар кольцо,
Будто бы раскололся надвое день,
И Айлар улыбнувшееся лицо
Погасила войны зловещая тень,
Ноги только что были легки, стройны,
Словно сразу увязли в топи войны.

Сразу брови густые Халлы сошлись,
И глаза осветились гневным огнем,
Словно новые силы в него влились,
Словно форма солдата была на нем.
Как в тот час ни казался взволнован сам,
Обратился он с речью такой к гостям:

— Нас войною, йигиты, не запугать,
Не утопит любви нашей море тьмы.
В грозный день мы призыва не будем ждать.
Сердце нас призывает. Готовы мы.
Не война к нам придет, мы поскачем к ней.
Оседлаем ахалтекинских коней,

Грянет гром с неба, с моря, с гор и долин,—
Загрохочет прибоем у берегов.

Дружно в бой мы поднимемся как один.
Край наш станет могилою для врагов.
Видно, не дорожит своей жизнью враг,
Видно, очень спешит обратиться в прах.

И слова, что от сердца Халлы сказал,
Про себя повторял каждый вновь и вновь.
Заблестела решимость у всех в глазах.
Будто в жилах у всех закипела кровь.
— Встанем мы как один в этот грозный час.
И раскается враг, что затронул нас!

Оглянулся Халлы на друзей, подруг,
Что сидели в деревьев густой тени.
Украшенья серебряные вокруг,
Ярко-красные платья из кетени.
Зелен сад, сине небо, а хлопок бел.
То ли заговорил он, то ли запел:

— Нашей жизни источник, гордость души,
Ты меня родила, отчизна моя!
Воспитала на трудностях, не в тиши,
Мне оружие дала, отчизна моя!
Враг тебе нанести захотел удар,
Но тебя я люблю, как люблю Айлар!

Кровь твоя в моих жилах, а не вода,
Я тебя сберегу, отчизна моя!
И клянусь, что тебя нигде, никогда
Не отдам я врагу, отчизна моя!
Разреши мне сесть на коня, Айлар-джан!
И сейчас проводи меня, Айлар-джан!

Враг добился разлуки, прервал наш той,
Сердце требует: зверя останови,
А иначе наш дом, и наш край родной,
И любовь нашу он потопит в крови.
Знаю я: ты поборешь грусть, Айлар-джан,
Я с победой к тебе вернусь, Айлар-джан.

И Айлар прошептала едва: — Иди! —
Словно тучей окутался светлый лик.
Сердце загрохотало гулко в груди
Или остановилось оно на миг?
И, невидящим оком окинув сад,
На любимого подняла чистый взгляд.

— Нет разлуки, — сказала она, — поверь,
Если родина наша в такой беде,
Если впился в нее разъяренный зверь,
Что же делать, мой храбрый йигит, тебе?
О разлуке забудь, уходя на бой, —
Ты со мной неразлучен, как я с тобой.

Ты мне жизни дороже, но говорю:
«Разрешаю тебе покинуть меня»,
Ожидать тебя буду, как ждут зарю
В темноте не имеющие огня.
И, фашистского не пощадив зверья,
Ты вернешься с победою, верю я.

Черноглазая радость моя, Халлы!
Не боится любовь наша гроз и бурь.
Защищаешь родные края, Халлы, —
Сердце храброе создано не для пуль.
Не забудешь Айлар свою на войне,
Твое мужество передается мне.

Седьмая глава

Где, Халлы, твой традиционный наряд,
Тот, в котором явился вчера на той?
Ты шинелью простой заменил халат,
А папаху — фуражкой со звездой.
Всем цветам предпочел ты защитный цвет...
Но зачем же приплелся к тебе Мамед?

Он, моргая, невнятно проговорил:
— Виноват я... Теперь судите меня,
Понимаю, недоброе натворил,
Но, Халлы и Айлар, простите меня.
Выпил, видимо, лишнее я вчера,
Не доводит нас выпивка до добра!

Уезжаешь сражаться, Халлы, мой брат!
Может, скоро и я пойду за тобой.
И хотя офицер ты, а я солдат,
Оба примем мы бой на передовой.
Все обиды забыты. Каждый готов
Встретить грудью вторгающихся врагов.

Все селенье пришло провожать Халлы.
Колыхалась прощально в садах листва.
Каждый руку стремился пожать Халлы
И промолвить напутственные слова.
Все едины сегодня — и млад и стар...
Вот Халлы пожимает руку Айлар.

Застучали два сердца словно одно,
И два тела как будто стали одним.
Как Айлар дожидалась его давно
И как быстро случилось прощаться с ним!
Но досталось такое не им двоим, —
Все прощались со счастьем в тот день своим.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Первая глава

С той поры, как в пылающие края
Халлы отбыл, уже пронеслись не дни.
На войне наши юные сыновья
Показали, на что способны они.
Лето переломилось, пошло к концу,
Паутинки осенние льнут к лицу.

Солнце землю лучами жжет целый день,
Холодят нас ночами лучи луны.
Всю убрали пшеницу и весь ячмень
(Жатвы сжатые сроки соблюдены,
Первой жатвы военной, лихой страды),
За ушедшими плотно сомкнув ряды.

Ватой легкой хлопчатник уже блестит,
Из коробочек дольки висят, белы.
Вся колхозная армия шелестит
Стеблями и листвой от зари до мглы.

Пальцы только мелькают невысоко —
Из коробочек дольки тянут легко.

И уже хлопок в фартуки полился
Чистой пеной. Нелегкий, невиданный труд!
Вскинув фартуков белые паруса,
Люди-лодки по морю хлопка плывут.
Поднимается хлопка седой Эльбрус —
Невесомый и очень весомый груз.

Туго-туго набиты хлопком мешки,
И Айлар на завод перевозит их.
Запылили поселки и большаки,
Тучи пыли летят вдоль дорог родных.
Рычаги и педали — слуги Айлар,
Оживляют железо руки Айлар.

Старый грузовничок ее мчится вдаль,
Ярче новых сверкает, с утра помыт.
И любая педаль, любая деталь
У Айлар сохраняет особый вид.
Словно доктор, выслушивает она
После смены машину: «А вдруг больна?»

В тонких пальчиках гаечные ключи
И отвертки мелькают в полночный час.
Ну конечно, выслушивают врачи
После трудной работы вот также нас.
Да еще успевает, собравши в круг,
Обучать на шоферов своих подруг.

А когда отдыхает она, пока
Не заметил никто из ее друзей.
И в тылу жизнь военная нелегка,
Но другой в эти годы не надо ей.
Жадно ловят подруги слова Айлар,
Всем девчонкам в селе голова Айлар.

Вторая глава

Выходя из колхозного гаража,
Вдруг Айлар загрустила в вечерний час.
Небеса, под прицелом ее держа,

Не хотят отводить любопытных глаз:
Почему так печальны глаза Айлар?
На реснице звезда иль слеза Айлар?

А в ночи припускает ветер сильнеей
И подолом играет у смуглых ног.
Обнимает ее, ласкается к ней.
Локоны расчесал и коснулся щек.
Только не отвечает ветру Айлар,
Даже не поднимает веки Айлар.

Лают псы, а верблюды жвачку жуют,
Рассыпается ржание жеребца.
У домов — там смеются, а тут поют:
Жизнь звенит без начала и без конца.
Отчего же так невесела Айлар?
Отчего же глаз не подняла Айлар?

Репродуктор над площадью загремел,
Над просторами музыка разнеслась.
Словно ожил безмолвных полей предел.
Над пустыней людская окрепла власть.
Подпевает гиджак, и звенит дутар,
Отчего же печалится так Айлар?

Даже не оборачиваясь идет,
Оступилась на ровном месте она,
Спотыкаясь, покачиваясь идет,
Будто бы захмелела или больна.
Всем известно — не любит вина Айлар,
Отчего же как будто пьяна Айлар?

Отчего беспокойство стеснило грудь
И тревожно нахмуренное чело?
Провожая любимого в дальний путь,
Не гадала, что будет так тяжело.
Там на фронте, за тысячу верст, Айлар,
Быть солдаткою — жребий не прост, Айлар.

Дышит порохом, пахнет свинцом земля,
Разгоревшимся горном стал шар земной.
С миллионами участь свою деля,
Там в огне человек для Айлар родной.

Оттого так взгрустнулось сегодня ей —
Сколько времени нет от него вестей...

Третья глава

Не заметила даже, как в сад вошла
И как там на скамейку села Айлар,
Как тяжелую голову подняла
И взглянула вокруг несмело Айлар...
Опустила печально голову ниц,
Уронив смоляные копья ресниц.

Куст шиповника сбросил цветы свои,
Только красные ягоды на ветвях.
И куда улетели все соловьи?
Рощицы позабыли о соловьях,
Зелень листьев поблекла, и с высоты
Низвергаются высохшие листья.

Не вчера ли здесь радовался дутар,
Не вчера ли в саду раздавался смех?
А сегодня безмолвно сидит Айлар,
В эти дни одолело молчанье всех.
Только желтые листья летят, летят,
Будто с ветром на запад они хотят.

Дочь свободной эпохи, еще в таком
Горе не пребывавшая до сих пор,
Расцветала в счастливом саду цветком,
Растеряла теперь лепестков убор.
И сейчас, вспоминая Халлы, грустна,
То ли плакала, то ли пела она.

«Распростился и вовсе не шлешь вестей.
Ты милее всех милых, мой Халлы-джан.
Где ты, рощу покинувший соловей,
Где, кровинка народа, мой Халлы-джан?
Ты сражаться ушел за меня, за мать,
А отваги йигиту не занимать.

Ты спросил разрешения в бой идти.
Помню, сердце забилося с тоской в груди.
Я тебе улыбнулась, сказав: «Иди!»

Кто сдержать тебя в силах, мой Халлы-джан.
Если совесть тебя призвала на бой,
Я отправила сердце свое с тобой.

Замыкается огненный, дымный круг,
Есть ли пламя страшней, чем пламя разлук?
Языки его сердце сжигают, друг.
Если б ты погасил их, мой Халлы-джан!
Но меня ты не слышишь. Сильнее боль,
Словно кто-то на рану мне сыплет соль...

Пролетают безмолвные месяца,
От тебя ни привет, ни письмеца.
Мое сердце прошила строка свинца.
Бей фашистов постылых, мой Халлы-джан!
Я услышу твой голос когда-нибудь
Или пуля тебе угодила в грудь?

Нет... Себя я сегодня в руки возьму,
Помогу ненаглядному моему,
Чтобы там, в нерассеявшемся дыму,
Беспощаднее бил их мой Халлы-джан,
Ненавистных, в овечьих шкурах волков,
Не боясь их жестоких, хмурых полков.

Мы не дремлем в родной твоей стороне,
Чтобы легче жилось тебе на войне.
Твое мужество в сердце стучится мне,
Кровь твоя в моих жилах, мой Халлы-джан,
Час придет (благодарна такой судьбе),
Я, любимый, приеду на фронт к тебе!..»

Голос горестный горлинки ветерок
Подхватил, словно сазовая струна.
И, узнав ее голос, Мамед не мог
Не явиться в тот сад, где была она...
Но, увидев за ветками силуэт,
Подскочила Айлар: — Ты опять, Мамед?

Отступила, испуганная, назад:
— Вновь за старое взялся? Оставь меня!
Для чего ты сюда появился в сад?
Я тебе, понимаешь ли, не ровня,—

Опустилась Мамедова голова,
И Айлар услыхала его слова:

— Знаю, перед тобою я виноват,
Ты поверь, сам я мучаюсь от стыда.
Только разве же мог не прийти я в сад?
Сами ноги меня привели сюда.
Чуть услышал тоскующий голосок,
Без раздумий помчался я со всех ног.

Между вами я был что карачомак,¹
Путался и мешал вам глупец Мамед.
Но сейчас, если плохо, подай мне знак,
И поверь, что надежнее друга нет.
Только не относись ко мне, как к врагу.
Плюнь в лицо мне, когда я тебе солгу!

И негромко Айлар в ответ говорит,
Опираясь рукой о его плечо:
— Перенес ты немало, Мамед, обид,
Говоришь ты правдиво и горячо,
Вижу дружбу во взгляде теперь твоём,—
И выходят из сада они вдвоем.

Четвертая глава

Светит лампа неяркая. Школьный класс
Переполнен. Никто не дает звонков.
Здесь не дети, а взрослые в поздний час.
Где увидишь прилежней учеников?
Руки женщин и девушек так ловки —
Вяжут варежки теплые и носки.

Им работать приходится как во тьме:
Лампа тусклая-тусклая, как свеча.
Есть у женщин обычай такой: «уме» —
Чтоб подруге одной помогать сообща.
Над вязанием женщины ворожат,
И мешочки рядами уже лежат.

---

¹ К а р а ч о м а к — отрицательный персонаж эпоса «Зохре и Тахир», мешавший влюбленным соединиться. Его имя стало нарицательным.

И выводит на них Айлар от руки
Обращения, которых дороже нет:
«Вам, любимые братья-фронтовики,
Посылаем подарки мы и привет».
И мешочки зашив, обвязав тесьмой,
Все подруги садятся писать письмо.

«Братья-воины! Пишут подруги вам.
В темном классе собрались мы в этот час,
Чтоб подарки послать сыновьям, отцам,
Всем товарищам, что защищают нас.
Там за нас вы идете в огонь и дым,
Мы же вас хоть от холода защитим.

Посылаем вам варежки и носки,
Те, что после работы связали мы.
Дорогие вы наши фронтовики,
Пусть они вас согреют среди зимы.
Дни и ночи, родные, вы в боях,
Дни и ночи мы трудимся на полях.

Ни на миг не стихает моторов гул,
Ни на час не стихает бессонный труд.
Все, что надо, — от варежек и до пуль —
Эшелоны с востока на фронт везут.
И хоть с вами разлучены мы давно,
Но сливаем мы наши сердца в одно!

Наши братья! Шагайте вперед смелей, —
Видит ваши усилия планета вся.
В бой идите, за близких, за матерей,
Справедливую кару врагу неся,
Не жалейте врага вы в суровый час,
Он, конечно, уж не пожалеет вас.

Вы, собою отчизну свою прикрыв,
Встав под пули, сказали врагу: «Не сметь!»
Так спасибо, герои, за ваш порыв.
За отвагу спасибо, за жизнь и смерть.
В мире б не было солнца, земли, травы,
Если бы на защиту не встали вы.

Верим мы, что опять расцветет земля,
Укрепленная мощью ваших побед.

Не от горя седыми станут поля,
А от нашего хлопка. И вам привет
От подруг, дорогие фронтовики».
Погрузили подарки в грузовики.

Пятая глава

Тихо в доме Айлар и полутемно.
Лампы мечется тоненький язычок.
Бессловесные звезды глядят в окно.
Только ходики медленно щелк да щелк
В тыловой заполуночной тишине.

Только маятник движется на стене.
Умсагюль не спеша приоткрыла дверь,
Удивленно поджала она уста:
«Не вернулась Айлар, где она теперь?
Ночь настала, а комната все пуста».
Поглядела старуха во все углы,
Глянул из одного на нее Халлы.

Перед самым отъездом он дал портрет...
«Только где задержалась опять Айлар,
Что случилось? Ее еще дома нет.
Заставляет всегда себя ждать Айлар.
Хоть с подругою передала бы весть».
У старухи на сердце тревог не счесть.

Опечалена чем-то, удручена,
Напрягала давно ослабевший слух.
Не сдержала нечаянных слез она.
Плач беззвучный — нелегкий удел стар;
Не сумела она совладать с тоской,
Песня вырвалась как-то сама собой:

«Когда ее любимый друг
Ушел на линию огня,
Айлар среди друзей, подруг
Одна осталась с того дня.

Айлар, единственная дочь,
Когда ушел любимый прочь,

И день и ночь, и день и ночь
В тоске металась с того дня.

Чуть ночь спускается темна,
Украдкой слезы льет она,
Как будто тяжело больна —
В глазах усталость с того дня.

В работе летом и зимой,
Под солнцем и ночною тьмой.
Прежде полуночи домой
Не возвращалась с того дня.

Когда прислал бы милый весть,
Все б можно было перенести.
Айлар еще ни разу здесь
Не улыбалась с того дня».

Умсагюль замолчала. Черной стеной
Показалось оконное ей стекло.
Звезды тучами скрыл небосвод ночной.
Взгляд как будто туманом заволокло.
Боль и жалость к Айлар истерзали грудь...
Вдруг услышала: дверь заскрипела чуть.

Сразу нетерпеливо приподнялась,
Видит: девушка с сумкою медсестры.
— Почему ты так поздно? Ну что за страсть
В гараже пропадать до такой поры?..—
Чуть коснулась рукою ее волос,
Сразу не удержала невольных слез.

По крестьянской по темной ее щеке,
По морщинистой коже ползет слеза.
Руку дочери держит она в руке.
Заглянула старухе Айлар в глаза:
— Отчего эти слезы, мама, скажи,
Я прошу, без утайки, прямо скажи.

— Айлар-джан, забываешь, что дома ждет
Мать родная. Полночи сидит одна.
— Мама, поздно ли, рано — теперь не в счет.
Мама, ты забываешь — сейчас война.

Черной тучей над нами висит беда:
Истребляются села и города.

Угадаю, что скажешь ты, наперед:
«Запретишь мне жалеть тебя и любить?..»
Дождидается помощи нашей фронт,
Мы должны о себе в эти дни забыть.
Нынче грозные, страшные времена,
Мама, мамочка, не забывай — война!

Шестая глава

С дочерью попивала зеленый чай
Не спеша, как положено, Умсагюль.
Говорили отрывисто, невзначай...
Вдруг вскочила встревоженная Умсагюль:
— Как же, старая, я позабыть могла:
Почтальонша письмо тебе принесла.

Торопливо раскрыла Айлар письмо,
Что печатью о трех углах скреплено.
Сердце заколотилось в груди само —
Показалось, наружу рвется оно.
Как весенняя прокатилась гроза,
Нетерпением засветились глаза.

Пробежала глазами письмо она —
И застлало туманом искристый взор.
И, внезапным испугом поражена,
Уронила письмо она на ковер.
Только охнула и поглядела в ночь...
Обняла мать с тревогой дочь

И сказала: — Дитя мое, что за весть?
Может, эти известия тяжелы? —
И за сердце взялась: беспокойно здесь...
— Мама, это известие от Халлы.
— Что он пишет, чего загрустила вдруг?
Прочитай же письмо поскорее вслух.

Обуздала тревогу девчонка вмиг,
Приосанилась, в руки себя взяла.
Взгляд туманный к бегущим строкам приник,

Рядом с матерью замерла у стола.
И, письмо перечитывая не раз,
Незатейливый начала пересказ:

— Пишут, к небу от взрывов летит земля
И на землю спускаются небеса,
Будто бы перелески, леса, поля
Охватила невиданная гроза.
Но враги за пожары, за кровь людей
Будут кровью расплачиваться своей...

Слушала Умсагюль, подавшись вперед,
Напряженно, внимательно, всей душой...
«Верить дочери? Кто ее разберет?..
Голосок у нее какой-то чужой».
И тогда Умсагюль обратилась к ней:
— Значит, нет никаких от Халлы вестей?..

Дочь сначала замешкалась, но тотчас
Овладела собою: — Халлы здоров.
Там горячее время. И он как раз
В эти дни без пощады громит врагов...
— Если все хорошо, дорогая, там,
Почему же Халлы не напишет сам?..

— Ладно, мамочка, ночь уже на дворе.
У Халлы, видно, времени вовсе нет.
Спать ложимся с тобою мы на заре.
Но, как все, поднимаемся мы чуть свет,—
И негромко добавила: — Будем спать,—
Будто дочь перед ней была, а не мать.

Седьмая глава

Вновь Айлар расстелила листок письма,
И опять выплывают слова из мглы.
Отчего ж это смысл так жесток письма,
Говорит, что без вести пропал Халлы.
Строчка каждая горло ей обвила.
Точка каждая пулею в грудь вошла.

«Прошагали мы рядом нелегкий путь,
Воевали с ним вместе,— кто-то писал.—

Знаю я, он вернется, спокойна будь,
Хоть пропал он без вести», — кто-то писал.
Но с такой утешающею строкой
В эту ночь не явился к Айлар покой.

И в отчаяньи голову уронив,
Строки перебирала она опять.
И, рыданий удерживая прилив,
Стала прошлое горестно вспоминать:
Детство, юность — все будто бы за чертой,
Первый той их и, может, последний той.

В жилых кровь забурлила. И словно сон
Увидала Айлар сквозь пожаров свет:
Кто там бьется в огне, неужели он?..
Посмотрела испуганно на портрет,
Поднялась (гулко сердце о ребра бьет),
Заходила по комнате взад-вперед...

Зашептала негромко: «Халлы, приди!»
Посмотрела растерянно на портрет.
Осторожно прижала его к груди.
«Мы когда-нибудь встретимся или нет?» —
Прошептала любя несмело она,
И потом про себя запела она:

«Халлы-джан, ты у смертной сейчас черты,
Или видишь родные свои края?
Иль любишься солнцем сегодня ты?
Или стала отравой пища твоя?
Или в руки врага попал невзначай?
Иль разлуки огнем сожжен, отвечай!

Или пушечным ты оглушен огнем?
Или пулей шальною прошит насквозь?
Или спишь на чужбине ты вечным сном?
Неужели отныне мы будем врозь?
Я уверена — жив ты, мой дорогой!
Но зачем же писал о тебе другой?»

Иль печаль на губах ее запеклась,
Или грустная песня пришла к концу?
Сразу светлые слезы из светлых глаз

Покаталися бисером по лицу.
Но, услышав, что скрипнула дверь, она
Слезы вытерла: «Мама знать не должна!..»

Только слишком в волнение вздымалась грудь,
Выдавали сокрытую боль глаза.

Материнское сердце не обмануть —
От него горе дочери скрыть нельзя.
И негромко спросила она Айлар:
— Что случилось? Ты, может, больна, Айлар?

Или сердцу не веришь ты моему?
Чую я, что недобрая весть пришла.
Горе прятать от матери ни к чему.
Может быть, без причины ты не спала?
Покраснели, набухли веки от слез...
Что случилось? Откройся мне, что стряслось?

Пот холодный смахнула Айлар со лба,
Голову подняла: все лицо в слезах.
В ту минуту решалась ее судьба,
И огонь загорелся в ее глазах.
Принимая решение в тот же миг,
Умсагюль она молвила напрямик:

— Мама, медлить уже не могу ни дня —
Гложет сердце тревога. Как же мне быть?
Сердце к мести взывает, зовет меня
И в дорогу толкает. Как же мне быть?
Как же быть мне, как встретить мою беду?
Подказало мне сердце: на фронт уйду.

— Что ты? Что ты? Как можно! Прости, аллах.
— Эдже-джан, мое место сейчас в боях...
— Нет, где видано — девушка на коне! —
Но Айлар, не желая больше скрывать,
Объявила, спокойно смотря на мать:

— Где бы ни был Халлы, разыщу везде —
Мне любовь моя — компас в огне, в дыму.
Оказался любимый в большой беде,
Я должна поспешить на помощь ему.

Эдже-джан, не могу я остаться здесь,
В бой меня призывают любовь и честь!

Если жив мой любимый, найду его.
Отомщу, если милый погиб в бою.
За народ мой, за родину, за него
Жизнь отдам не раздумывая свою!.. —
Умсагюль молчаливо дочь обняла
И промолвила ласково, как могла:

— Жизнь моя, мои радости — ты одна.
Без тебя мне не жить и дня, Айлар-джан!
Днем ты солнце мое, а ночью — луна.
Не оставишь во мгле меня, Айлар-джан. —
Но Айлар, успокаивая ее,
Не хотела решение менять свое.

— Знания, хлеб и любовь мне дала страна,
Ей обязана жизнью я, эдже-джан!
Неужели, когда началась война,
Изменю вдруг отчизне я, эдже-джан?
— Понимаю, дитя мое, твою прыть,
Но ведь ты не захочешь меня убить.

— Не останусь в покое и тишине,
Даже если весь мир помешает мне.
Не терзайся, душа моя, эдже-джан!
Не заставишь меня стоять в стороне.
Говорить так, прости, не к лицу тебе.
И стоять на пути не к лицу тебе!..

Восьмая глава

Прежде чем собираться в далекий путь,
По родному селенью прошла Айлар,
Захотелось на землю свою взглянуть.
Взглядом милый простор обвела она.
Погрузились в туманы громады гор,
Потеряли сады золотой убор.

День осенний плывет, прохладой дыша.
Солнце, что разливало недавно зной, —
Охладевшее, поднялось не спеша
И желтеет за облачной пеленой.

Бороздят караваны туч небосклон.
Воздух зимнею сыростью напоен.

Моросит дождь осенний, но на полях
Люди не прерывают тяжелый труд.
С кетменями, с лопатами на плечах
Мимо Айлар дайхане толпой идут.
Каждый с полною чашей своих забот
Провожаемый взглядом ее идет.

Вдохновенье, движенье вокруг кипят,
Ритм работы вплетается в тишину.
Каждый фронту помочь в эту пору рад,
Даже дети играют весь день в войну.
И на родине (в каждый дом загляни)
Есть ли дома лежащие в эти дни?

Пробегающих мимо узнав девчат,
Годы детства припомнила вдруг Айлар.
Но тревоги ей в сердце теперь стучат,
Обжигает его фронтовой пожар.
Суждено ли любимого увидеть,
Возвратится ли счастье ее опять?

Ничего не рассмотришь среди темноты,
Затуманило тучами небосвод...
Но, победе отдавшая все мечты,
Верит, что непременно солнце взойдет,
Избравшая трудной победы путь
Не захочет отныне с него свернуть.

Обойдя все поля, где владычил труд,
Обратилась к подругам своим она:
— Сестры. Эти тяжелые дни пройдут,
Улыбнется нам счастье, придет весна!
Кто по жизни шагает с верой в груди,
Тот в работе окажется впереди!

Не жалейте себя, — сказала Айлар, —
Встанем дружно, и дело пойдет на лад.
Мы ответный врагу нанесем удар,
Вложим в зданье победы немалый вклад.
Каждый воином станет в суровый час,
Девушки, призывает отчизна нас!..

Девятая глава

У колхозной конторы народ с утра —
Каждый даст свою толику в общий фонд.
Ни труда не жалея и ни добра,
Посылает подарки народ на фронт.
По селу разнеслась в это утро весть:
Принимаются вещи для фронта здесь.

Фронту каждый дайханин приносит дар,
Председатель собрание сам открыл.
Приделась по-праздничному Айлар,
За плечами платок, словно пара крыл,
Необычный для этих времен наряд —
Украшенья в осенних лучах горят.

Так она черноглаза и так бела,
Что невольно притягивает, манит.
И внимание собравшихся привлекла
Красота ее, сильная, как магнит.
Красота ведь такая на свете есть —
Только песни бы складывать в ее честь!

Как прекрасны желанья моей Айлар.
Сколько в каждом движении ее красы:
Вот нагрудники, кольца, чанга, тумар
И браслеты кладет она на весы,
И со лба не спеша сняла илдиргич...
Это был для подружек призывный клич!

Уложила на чашу весов горой.
Кто-то крикнул: — Здесь больше, чем
килограмм! —
Замерцало старинное серебро.
— Это в фонд обороны я все отдам,
А себе ни колечка ни одного.
До победы не надо мне ничего.

Зашептались подружки. Потом без слов,
Видно, увлечены примером таким,
Украшенья Айлар ссылая с весов,
Не спеша потянулись уже к своим...
Вот одна (чуть сутула под грузом лет)
Со слезами взглянула на свой браслет.

Неужели жалела отдать добро,
Украшенья разглядывая свои?..
— На запястьях браслеты — не серебро,
Не металл! Это — память большой любви.
Их влюбленный Аман купил для жены.
Сорок лет я ношу их. Им нет цены.

Нет цены им! Ведь с молодости горжусь
Я мерцаньем их старого серебра.
Как же при расставании отбросить грусть,
На запястья надела их не вчера!..—
И Айлар, понимающий бросив взор,
Продолжала с подругами разговор:

— Женщины, посмотрите правде в глаза:
Носим мы украшения, но что нам в них!
Тетушки дорогие мои, дайза,
Нам отчизна дороже всех благ земных;
Та, что сбила оковы нам с рук и ног,
Феодалного гнета сломив клинок.

Нам дорогу открыла к труду она,
И для женщины в день превратилась ночь,
А сегодня попала в беду она.
Можем ли нашей родине не помочь?
Чтобы в пламени боя ей не сгореть,
Украшения можем ли пожалеть?

Изберем с нею вместе победный путь,
Не сдадимся врагам,— сказала Айлар.—
Если можем помочь ей хоть чем-нибудь,
Сомневаться ли нам? — сказала Айлар.
И тогда сомневавшаяся в ответ
Положила на стол дорогой браслет:

— Сын сражается, мальчик мой на войне,
Не позволит фашистам нас покорить.
Если надо, и жизни не жалко мне,
Что ж об украшениях говорить! —
И браслеты упали на стол, звеня.
— Ну, а вам, молодым, быть щедрей меня!..

Украшенья посыпались. На ковре
Возвышались серебряною горой.

Гнев сердец, заключенный в том серебре,
Бомбой, миной, гранатой врага накрой.
Хоть растет украшений гора, народ
Непрерывной цепочкой сюда идет.

Рядом с конскою сбруей часы легки
На вершине серебряного холма.
Нож старинный и новые сапоги,
И с папахой рядом лежит кошма,
Каждый что-нибудь в доме своем нашел,
Чтобы щедрости заклокотал котел.

Председатель принес ковровый хурджин.
Из-под белых бровей оглядел народ.
Поступая как родины верный сын,
Он негромко промолвил: — Сто тысяч вот!
Пусть мои сбереженья, мой долгий труд,
Перелитые в танк, на врага идут...

А старуха, согнувшаяся, как лук,
С неожиданным блеском бесцветных глаз,
Оглядевши взволнованно всех вокруг,
Саблю в ножнах поставила и тотчас
Сразу стала прямою, как тетива,
И такие слышали все слова:

— Умирая, мой муж сказал: «Сохрани
Эту саблю, надежнее друга нет,
В ней горят моей молодости огни...»
Как же мне не исполнить его завет!
Молча выслушала завещанье я.
Все исполнить дала обещанье я.

Эта сабля не просто старый клинок.
И тверда и чиста она, как алмаз.
Коль ударить с размаху наискосок.
То любого врага рассекает враз...
Да, она для меня еще верный друг:
Я ее приняла из любимых рук.

Муж еще говорил: «Врагов сосчитай,
Этой саблей порубанным нет числа.
Покушавшихся поработить наш край —

Всех земля наша вольная погребла.
В дни военные я не слезал с коня,
И сердаром прозвали друзья меня.

А нависнет над родиною беда,
Ты йигита бесстрашного разыщи,
И чтоб сабля моя ожила, тогда
Перед боем ее ты ему вручи.
И получится, словно воюю я,
Оживу вместе с саблей, Хесел моя!»

Сабля! Пусть ее выхватит из ножён
Юноша с львиным сердцем, с твердой рукой
И не знающий страха.... Но где же он?
Если только найдется среди вас такой,
Значит, саблю хранила я столько лет
Не напрасно. Исполнен его завет!

Тут в глазах у Мамеда огонь сверкнул,
И, решимости полон, шагнул вперед,
Он повестку измятую развернул
И сказал: — Мой уже наступил черед.
Коль оружие сердара доверят мне,
Рукоятки не выпущу на войне.

Я с собою ахалтекинца возьму,
Он как сокол стремителен, и на нем
Я настигну врага, погружу во тьму,
Полоснув закаленным в боях клинком.
Обещаю я, сердце стучит пока,
Этим верным клинком настигать врага!

Встала женщина: — Муж о таком мечтал.
Вот и осуществились его мечты.
Получаешь, Мамед, сейчас не металл —
Будешь сыном сердара отныне ты!
Так в бою береги себя, мальчик мой.
Возвращайся с победою к нам домой.

Десятая глава

На Айлар гимнастерка ладно сидит,
С сумкою медсестры ее не узнать.

И такой у нее необычный вид,
Что, не веря глазам своим, смотрит мать!..
Где нарядное платье из кетени,
И берук¹ и гупба ее — где они?

Где та девушка, тонкая, как лоза,
Что ходила, касаясь земли едва,
У которой смеялись всегда глаза,
Высоко была поднята голова.
И похожа она на Айлар и нет,
Освещает лицо ее новый свет!..

Брови хмурятся, темным огнем горит
Взгляд от гнева, решимости и забот.
Ну не девушка — мужественный йигит
Твердым шагом сейчас по земле идет,
Словно бронзовокожий йигит-туркмен:
Сапоги и солдатский тугой ремень!..

Расставания близящегося час
Наступил. И ничем уже не помочь.
Слезы брызнули из материнских глаз.
— Айлар-джан! — обняла она крепко дочь.
И разлуки кинжал ее грудь пронзил,
И рыданья сдержать не хватило сил.

Но Айлар обняла ее: — Вот опять —
Ухожу я веселая, погляди,
Очень много у нас еще впереди...—
И прижала старуху к своей груди.
Взгляд Айлар говорил: «До свиданья, мать!
Я вернусь, приготовься меня встречать!»

Мать смела навернувшуюся слезу,
Хоть тоска продолжала терзать ей грудь.
— Понимаю, в какую идешь грозу, —
Ради родины не преграждаю путь.
И я верю, что ты, побывав в огне,
На войне, возвратишься, Айлар, ко мне!

Дочь моя! За народ отомстишь врагу,
За меня, за объявший страну пожар.

---

¹ Б е р у к — платок.

Удержать не хочу тебя... не могу.—
И она еще раз обняла Айлар.
Дочку расцеловала и обняла,—
Может, главное в жизни вдруг поняла...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Первая глава

Полновластье мороза в русском лесу:
Солнце тускло поглядывает с небес,
Сосны держат иголки на весу,
Одеялом пуховым укрылся лес,
И снежок с красным отсветом на крыле
С ветки жаворонком ныряет к земле.

Ночью ветер бушует, снега стелля,
Вьюга белыми вихрями ворошит.
Сотрясается огненная земля,
Дальнобойным орудиям в такт дрожит.
Меж землей и небом висят грома,
И прострочена очередями тьма.

Разрывается мина, и вмиг над ней
Поднимается туча черной стеной,
И фонтаны земли, фонтаны камней
Опускаются гулко на шар земной.
Градом падают с неба чугун и сталь,
Бесконечным пожаром объята даль.

Танковые громады ползут, гремя,
Словно камни ожившие пирамид,
Только под бронебойными их броня
Вздрагивает испуганно и гудит.
Лес дремучий в каких-нибудь полчаса
Дальнобойная скосит, словно коса.

Меж камней и меж падающих деревьев
Полк советский навстречу грозе спешит.
И врагов настигал справедливый гнев,
В укреплениях, в укрытиях их крушил.
А солдаты за снежною пылью вьюг
Ничего не смогли разглядеть вокруг.

Но они продолжали вперед идти,
Вдоль сгоревших лесов, разрытых равнин,
По крутому нетореному пути,
Под разрывы снарядов и шелест мин.
Шли бойцы, по лесам и болотам шли,
Под кинжальным огнем пулеметов шли.

Шли. Не кланяясь бомбам и минам, шли.
Шли с тяжелою выкладкой боевой.
Шли лавиной. Храня дисциплину, шли,
Соблюдая армейский порядок свой,
Зная место свое среди огня и мглы.
Полк в сражение вел полковник Халлы.

Ночь — затишье. Но чуть заря занялась,
Полк в атаку пошел, опять и опять
У врагов уже паника началась,
И позиции стали они сдавать.
Но потом, словно выросли из земли,
В контратаку жестокую перешли.

Сучья, камни от взрывов взлетели ввысь,
Лес гудел. Нарушался времени бег.
В рукопашной солдаты уже сошлись.
И окрасился кровью примятый снег.
Ярким пламенем небо заволокло.
И Халлы показалось: бок обожгло.

Кровь из раны горячая потекла,
А полковник не чувствовал сгоряча.
Он командовал боем. А боль ждала,
Только струйка темнела возле плеча.
— Враг не должен уйти от нас. Ну, орлы!
Не щадите фашистов! — кричал Халлы.

За наступающими Халлы следил.
Вдруг глаза затуманились пеленой.
И такую он слабость вдруг ощутил,
Словно перевернулся весь шар земной.
Зашатался Халлы, побледнел, как мел.
Только «Слава!» он крикнуть бойцам успел.

Он заметил на знамени полковом
Знак гвардейский и вышитый силуэт,

На лице его бледном, полуживом
Промелькнул чуть заметный улыбки след.
Он, уже погрузившись в мир темноты,
Видел вместо предметов свои мечты.

Те ушедшие невозвратно дни:
Сад — цветочным узором на синеве
И Айлар в ярком платье из кетени
С золотою гупбою на голове.
Так искрились глаза ее, горячи,
И сверкали в них солнечные лучи.

Видел незабываемый мирный той,
Слышал неповторимый напев бакши,
Увидал, как в пожатье рука с рукой
Так сошлись, так слились, словно две души,
— Милая, — прошептал он, узнав Айлар,
И упал, как разбитый грозой чинар...

Вторая глава

Хоть давно уже в госпитале Айлар,
Хоть бывала участницею атак,
От бинтов и от крови бросает в жар.
Не способна привыкнуть к войне никак.
Этот стонет от боли, второй кричит,
Ну а третий, губу закусив, молчит.

Здесь тоскуют по дому и по родным,
Здесь по мирной работе тоска остра.
И, в палату заглядывая к больным,
Утешает их юная медсестра.
Постепенно привычка берет свое —
Стало бытом военное бытие.

То один позовет: «Подойди, Айлар»,
То окликнет другой: «Подай костыли».
Третий просит воды принести Айлар,
А четвертый — врача хоть из-под земли,
Если кто загрустит, подойдет она —
И отхлынет от сердца тоски волна.

Днем и ночью подходит она, легка,
И становится всюду светлее с ней,

То воды принесет, а то молока,
Посидит у постели, сестры родней.
О садах им расскажет и о земле,
О далеком туркменском своем селе.

— Дома матери нетерпеливо ждут.
И любимые там ожидают вас.
Их нелегкий, их женский, бессонный труд
Приближает победы желанный час.
Но, бойцы, выздоравливайте скорей —
Не томите невест, сестер, матерей...

Третья глава

Ночь спускается. В госпитале тепло.
А на улице ветра вой ледяной.
Ночь ветвями постукивает в стекло
И опять оглушает всех тишиной.
В коридоре Айлар в этот поздний час
Ни на миг не сомкнула усталых глаз.

Над столом, подперев кулаками лоб,
Чуть сощурившись, всматривается в даль,
Призадумавшись долго сидит без слов,
Словно слушая собственную печаль.
Может, ловит, как ветер стучит в стекло.
Может, мчится с мечтою в свое село.

Может, маму в мечте своей обняла,
Детство вспомнила, в прошлое бросив взгляд.
Может, к речке в мечте она подошла,
Над которой белеет колхозный сад...
Иль письма от Халлы дождалась уже?
Разве все прочитаешь в чужой душе?

Посидела в задумчивости она,
А потом, обернувшись к ночным теням
И как будто очнувшись вдруг ото сна,
Удивленно взглянула по сторонам:
В полутьме госпитальной нет ни души —
Только склянки с лекарством стоят в тиши.

Тот же госпиталь: скляночки под рукой.
Так стремилась на фронт она, в непокой.

Ну а здесь каждый день похож на другой,
Будто нету войны вокруг никакой.
Так стремилась, так фронта она ждала!
Ну а здесь всё одни и те же дела.

Оказалась Айлар, вопреки мечте,
Средь бессильных и раненых день и ночь.
Эти стонут, о помощи просят те,
Но не каждому может она помочь,
И тогда, пододвинув поближе свет,
Поднесла она к лампе Халлы портрет.

Потаенного взгляда не отводя,
Со вниманием всматривается она...
И как будто бы за пеленой дождя
Фотография виделась ей, мутна.
Затуманились у медсестры глаза,
О газету разбилась одна слеза.

За одною нахлынул ручей из слез...
Вот, казалось, когда бы поплакать всласть!
Над столом тело девушки затряслось,
Но сдержала себя она, собралась,
Поглядела растерянно на портрет,
Будто бы ожидая его ответ.

Может, раны полковника тяжелы,
Он лежит неподвижно без рук, без ног?
Может, кровь проливая, увял Халлы,
Словно сорванный кем-то в песках цветок?
Иль обнимемся съява, Халлы, с тобой,
Как тогда, когда ты отправлялся в бой?

Посидела Айлар в тишине одна,
Совершенно забыв обо всем вокруг.
И, очнувшись от сна, поднялась, стройна,
От мечты своей к жизни вернулась вдруг.
И тогда обнаружила медсестра —
Перед ней вся газета от слез мокра.

Вдруг знакомое имя прочла она,
И забилося тревожно сердце в груди.
Ей большая палата стала тесна:

«Перечти еще раз, Айлар, погоди!»
Развернула газету, прочла она
Награжденных различные имена.

Вот: «Суворова орденом награжден —
И ошибки здесь нет — полковник Халлы...»
Только что был виновником горя он,
И виновником радости стал Халлы.
Всю печаль отряхнула с себя Айлар,
И воспрянула духом, любя, Айлар.

Четвертая глава

В тесном домике расположился штаб.
А деревня вся погружена во мглу,
Адъютант — над приказом. А рядом, слаб,
Сам полковник устало лежит в углу.
К портсигару дотягивается рукой
И прикуривает одну от другой.

Или рана болит, иль другой недуг,
Иль военные планы зреют в уме?
И спросил адъютант, его верный друг,
Друг такой, как бывают лишь на войне:
— Что, товарищ полковник, тревожит вас:
Рана иль наступленье, что ждем сейчас?

— Что ты! Рана уже зажила моя,
— Отчего ж мой полковник сегодня строг?..
— Ничего не скрываю, Василий, я.
Ты ведь знаешь причину моих тревог:
Третий месяц Айлар я на фронте жду —
Нет вестей! Не попала ль она в беду?

— Фронт, товарищ полковник, огромен так,
Неожиданных встреч здесь не перечесть...
— Но о ней не могу разузнать никак.
Я запрашивал. И не приходит весть.
А напишут, как в песне, «куда-нибудь», —
Ты ведь знаешь, что ждет нас далекий путь.

Понимаю, что ей тяжелей, чем мне.
Где скитается, ищет меня она?

Нелегко ей, наверное, на войне.
Ну а может быть, где-то Айлар одна?
Жжет разлука, Василий, в сердце горя,
Ну а может, уже ожидаю зря?..

Оставалась бы лучше в своем селе,
А теперь у меня ни ночи, ни дня —
Ведь любимая в пламени и во мгле,
На войне оказалась из-за меня.
Ах, Василий, смогу ли напасть на след?
Смерть иль жизнь — середины на свете нет!..

В этот миг репродуктор зарокотал —
Адъютант его в старой избе нашел.
Письма с фронта негромко диктор читал:
Имена, обращенья, названья сел...
Вдруг: «Полковник Халлы, — здесь ошибки нет, —
Ждет Айлар, медсестра, на письмо ответ...»

Он с лежанки вскочил: — Где карандаши?
Поверни регулятор... Погромче звук...
Медсестра... Полевая почта... Пиши. —
И полковник вскочил, напрягая слух.
— Я с любимой увиделся в этот день, —
Адъютанту пилотку сбил набекрень. —

Словно крылья расправил сегодня я,
Понимаешь, Василий, друг, старина,
Что жива-невредима Айлар моя.
Наступила уже для меня весна!.. —
Постучался рассыльный иль почтальон.
И полковник спросил, с чем явился он.

А в руках у посыльного был пакет,
И его распечатал полковник сам:
— Радость к радости, — так говорят иль нет?
Поговорка есть: деньги идут к деньгам.
Весть хорошая к нам донеслась опять,
Кульбригаду туркменскую надо ждать!

Это песня и музыка к нам спешат.
Музыкальнейший в наших краях народ.
Вот разрядка хорошая для солдат,

Ну а мне, может, весть от Айлар придет.
Значит, скоро появятся гости здесь,
Ты скамейки расставь, чтоб солдатам сесть!..

Пятая глава

Лес накинул на ветки белый халат.
Блещет солнце, но все же морозец лют.
Тишина. На поляне кружком сидят
Офицеры, солдаты. Артистов ждут.
Ожидают машину фронтовики,
А подъехала — сразу ее в тиски.

Спрыгивают йигиты, словно с коня.
В валенках да в ушанках тепло певцам.
Тащат гиджак с дутаром¹. Струной звеня,
Старый поэт проходит к юным бойцам.
Шутки, рукопожатья, как повелось.
Всем задает полковник один вопрос:

— Друг мой, вы побывали в разных местах,
Может быть, повстречали сестру Айлар?
Иль во многих частях вы были в гостях,
Может, где-то подсела к костру Айлар?
Черноглазая, в движеньях быстра Айлар,
Небольшая туркменка — сестра Айлар...

Оказалось, никто не встречал Айлар.
Постепенно расселись все по местам.
И в лесной тишине зазвучал дутар,
И полковник увидел Туркменистан.
По лесу разносился голос бахши.
«Джан!» — кричали бойцы ему от души.

Спел бахши и под деревом сел в тени.
Куплетисты явились. Раздался смех.
И красавица в платье из кетени
Их сменила, топча каблуками снег.
Кончик пальца кокетливо прикусив,
Затянула знакомый она мотив:

---

¹ Музыкальные инструменты.

«Ты ушел в грозный день в дальние края,
Пусть война, пусть беда — не забыть тебя!
И твой серп, твой кетмень подхватила я.
В дни борьбы, в дни труда не забыть тебя!

Ты, как прежде, со мной — в мыслях у меня.
Будто я без тебя не была ни дня.
И, врага победив там среди огня,
Возвращайся сюда. Не забыть тебя!
Твою ношу в тылу я взялась нести.
Но пока ты не можешь домой прийти,
Мое сердце в пути и глаза в пути.
Милый мой, никогда не забыть тебя!..»

И, сердечные струны бойцов задев,
Эта песня свободно лилась в лесу —
И, наверное, каждый, смирив гнев,
Молча клялся: «Победу я принесу!»
У Халлы загорелись глаза — не тронь!
И по жилам не кровь потекла — огонь.

Он сказал: — Дорогая наша сестра!
С этой песней пойдем мы за шагом шаг.
И когда к нам победы придет пора,
Эта песня у нас зазвенит в ушах.
Будем помнить ее мы в бою своем,
И в Берлине мы песню твою споем!

Балерина порадовала бойцов
Исполнением балета «Алдар косе».
С нею танец исполнил туркмен-танцор.
И захлопали дружно артистам все.
Танцевали танцоры изящно так,
И в ладоши бойцы им хлопали в такт.

Спел прощальную песню туркменский хор,
Но и русские поняли песни суть,
Огласили прощанья слова простор,
И артисты собрались в обратный путь.
А бойцов ожидал их суровый долг.
Собирался на запад гвардейский полк.

Шестая глава

Небольшое село над рекой. Во мглу
Улетает рокочущий гулко гром:
Бьет по этому маленькому селу
Артиллерия залпами с двух сторон,
Черным дымом окутывая простор...
В это время несется во весь опор,

Курс держа на пылающее село,
Конный полк. Не касаясь земли, летит,
Цель близка. Сабли острые наголо.
Только снежные комья из-под копыт!
Приближается всадников ураган,
Полминуты — и саблями по врагам.

От других отделился кавалерист.
На гнедом, на лихом скакуне йигит,
Тонок в талии, ловок он и плечист,
Закаленный в огне на войне йигит.
И лицо его гневно, как во хмелю:
«Вот у свастики щупальца отрублю!»

Им убиты враги — не один, не два,
Но не дрогнул и вражеский пистолет.
Застонав и качнувшись в седле едва,
Как-то боком свалился с седла Мамед.
И за стремянем звонким вниз поползло
Старое, залоснившееся седло.

И казалось ему: он летит опять
И по-прежнему неуязвим в огне,
Только саблю теперь он не мог поднять
И не мог проскакать на своем коне.
Непонятные он бормотал слова,
И тонула в снегу его голова.

Умный конь от Мамеда не отошел,
Не оставил израненного бойца.
Преклонил перед ним своей гривы шелк,
Мокрой мордой коснулся его лица,
И дыханьем горячим его согрел,
И в лицо ему жалобно посмотрел.

Лошадиное око и лунный свет...
Конь упал на колени, прильнул к нему.
Перекинулся с боку на бок Мамед
И увидел вдали небосвода тьму.
И почувствовал вдруг, что ко лбу приник
Лошадиный шершавый теплый язык.

Седьмая глава

На машине еловых ветвей навес.
И сквозь зелень белеет небес клочок.
К месту боя недавнего через лес
Санитарный несется грузовичок.
Поле боя — разрушенное село,
От горящих домов в нем как днем светло.

Тормознула машина у хат пустых,
Санитары и сестры — бегом к бойцам.
И в пилотке красавица среди них,
И лицом и осанкой знакома нам.
Торопливо взбежавшая на бугор,
Увидала Айлар боевой простор.

Конница продвигалась еще вперед.
Повесть боя раскрылась перед Айлар.
У околицы возле глухих ворот
Поднимался в полнеба почти пожар.
Люди, лошади падали на бегу,
Пятна бурые на голубом снегу...

И Айлар поползла меж недвижных тел.
Раненого оттащила она под ель.
Он от кровопотери был бел, как мел.
Медсестра расстегнула его шинель.

Снег стряхнув с обострившегося лица,
Удивленная, замерла на момент.
Поудобнее повернув бойца,
Зашептала сквозь слезы: «Мамед, Мамед!»
Храбрый конник, беспомощный как дитя,
Вдруг глаза приоткрыл, приходя в себя.

И, губами бескровными шевеля,
Непослушное слово слепил: «Айлар!»
Он не видел, где небо, а где земля,
Тусклым взглядом своим ослепил Айлар.
И, до боли растрогана, смущена,
Поцеловала его она.

Смутно осознавал он в полубреду,
Где находится, что происходит с ним...
Может, он на скамье у реки в саду,
И любимая девушка рядом с ним...
Не Айлар ли, любовь его и судьба,
Так покорно коснулась губами лба?..

«Неужели такое счастье навек?
Правда ль это? Как радости ярок свет!..
Нет, неправда! Повсюду мороз и снег...
Ни весны, ни скамейки, ни сада нет!..
Лишь Айлар наклоняется надо мной».
Остальное — за снежною пеленой.

Конь Мамеда уздечкой рядом играл.
Стал багровым от крови клинка металл.
И последние силы Мамед собрал
И негромко, отрывисто прошептал:
— Много бед я принес врагу, Айлар-джан,
И спокойно уйти могу, Айлар-джан!

Восьмая глава

Город Эн отвоеван. Враг за рекой.
В госпитале Мамед сидит у окна.
Хоть Айлар и служила в части другой,
Забегала его навестить она.
А Мамед, покоряя за пядью пядь,
Мог уже по палате своей гулять.

На скамейке усаживались вдвоем.
Вспоминали далекий Туркменистан
И о крае о солнечном, о своем
Говорили — как будто пели дестан.
Будто пили, выдавливая, гранат,
Ели дыни, пощипывали виноград.

И касался недавнего разговор,
Общность воспоминаний им дорога.
Но казалось, вечность прошла с тех пор,
Как на фронт уходили громить врага...
Но пока что вернуться им не дано,
Цель — победа, желанье у всех одно.

Вдоль окраины города шла Айлар,
Торопясь по военным своим делам.
Озабочена чем-то была Айлар
И с тревогой глядела по сторонам.
По дороге, ее обгоняя, шел
Растянувшийся длинной колонной полк.

«Газик» притормозил. И полковник в нем.
Застывает, как вкопанная, Айлар.
Эта встреча ей вдруг показалась сном.
Он не молод уже, но еще не стар,
И до боли знаком ей этот йигит...
И Айлар в нерешительности стоит.

«Что такое? Не вижу? Робею я?..
Долго я ожидала этого дня.
Что со мною?.. Внезапно слабею я...
Отчего же не смотрит он на меня?
Он ли?.. На офицеров многих взгляни —
Как две капли воды похожи они...»

Вдруг подхвачена ветром она была —
Притянул ее, словно магнит, йигит.
Полетела Айлар к нему, как стрела,
Посланная тугой тетивой, летит.
В «газик» впрыгнула чуть ли не на ходу
И Халлы обняла у всех на виду...

«Что такое? Кто кинуться мог сюда?
Я как будто бы повода не давал...
Кто на шею бросается без стыда,
Без стеснения обрушив нежности шквал?»
Только через мгновение понял он,
И тогда показалось, что это сон.

«Газик» остановился. Полковник сам
Прижимает к себе ее: «Айлар-джан!»
Смотрит он и не верит своим глазам,
Долгожданное счастье к себе прижав.
И его обнимает крепче Айлар:
— Мой Халлы! — еле слышно шепчет Айлар

— Айлар-джан! Ты предстала мне не во сне!
Ты мне виделась среди лесов и скал.
Днем и ночью ты снилась мне на войне.
Целых полтора года тебя искал...
Наконец-то меня осветил твой свет.
Это правда, любимая, или нет?..

Посидели немного они вдвоем,
Поглядели полку идущему вслед.
Рассказала Айлар о пережитом
И от матери передала привет.
И Халлы слушал с гордостью на лице
О Мамеде, о храбром своем бойце.

— Жаль, сейчас повидать его не могу.
Ну да он не обидится! Среди огня
Был героем, пощады не дал врагу.
Не забудь же — поклон ему от меня...
Он увидел — бойцы уже далеки,
Полк уже на другой стороне реки.

И Халлы торопился — там ждет причал,
Переправа... — Куда же твой полк идет?.. —
Улыбнулся полковник и промолчал,
И подумав, рукою махнул вперед
И ответил совсем уже коротко: — В бой.
Как я счастлив, что встретились мы с тобой!

После этого, крепко ее обняв,
Он уехал. Лишь «газик» вдали ворчал.
Сколько ждет его схваток и переправ,
Вот как этот разбитый врагом причал?..
У нее словно сердце оборвалось:
В дальний путь он уехал. И снова врозь!

Девятая глава

Подкрепленья немалые подтянув,
Враг повел наступленье на город Эн.
Отступили мы, город врагу вернув,
Госпиталь уходил из обжитых стен.
Очереди трассирующих пестры.
Догорают последних домов костры.

И Айлар, переправив раненых часть
Под разрывами бомб и огнем ракет,
За другими в свою возвращалась часть,
Где еще оставался лежать Мамед.
В госпитальной машине неслась назад,
Чтоб Мамеда спасти и других солдат.

Выстрелы загревели невдалеке.
Показались фигуры между стволов.
Попыталась машина скрыться в леске,
Только редок был зимнего леса кров.
Очереди свистели со всех сторон,
Обжигали деревья с корней до крон.

С громким воем упала бомба с небес.
Грянул одновременно залп батарей.
И воздушной волной потрясенный лес
Застонал каждой веточкою своей.
И Айлар — под обломками. Треск и гром!
Все засыпано камнями и песком.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Первая глава

Разлучившись с Айлар, Умсагюль-эдже
Получила от дочери с фронта весть.
И легко сразу сделалось на душе,
Показалось старухе, что дочка здесь.
Будто в дом заглянула небес лазурь,
Засияла печальная Умсагюль.

И в глазах ее столько зажглось огней,
Словно помолодела сразу она,
Словно сила былая вернулась к ней
И мобилизовала ее война.
От старушечьих глаз отлетела грусть:
— На работе я еще пригожусь.

И как будто на крыльях письмо Айлар
Все дома облетело, читалось вслух.
Изменив настроенье всего села,
Вдохновляло подруг, поднимало дух.
Будто бы в это утро Айлар сама
По селенью ходила вместо письма.

Прочитали, собрались они гуртом,
Сообща сочинили Айлар ответ
От души и от бабьих сердец, притом
И в стихах, словно был среди них поэт.
По бумаге бежало, скрипя, перо,
Рассыпало стихов оно серебро:

«Наших милых туркменских гор и равнин
Пусть тебя озаряет свет, Айлар-джан.
Здесь родился герой уже не один,
Посылаем тебе привет, Айлар-джан!

В наших крепких руках, Айлар-джан, взгляни,
И серпы, и лопаты, и кетмени.
Мы работаем в поле ночи и дни,
Мы готовим врагу ответ, Айлар-джан!
А когда возвратишься с победой ты,
Будут песни торжественны и просты
В честь тобой завоеванной высоты.
Справим той в честь твоих побед, Айлар-джан!»

Сколько раз переписывали листок,
Наконец-то довольны остались им.
Это западу, фронту писал восток.
Все слова словно песня звучали им.
Запевал эту песенку млад и стар.
И не песню совсем, а письмо к Айлар.

Вторая глава

Приходила в сознание медсестра,
Из-под веток не видевшая небес.
Все сместилось: сегодня, завтра, вчера.
Показался зловещим притихший лес.
Грозных сосен склонилась над ней стена...
И, раздвинув обломки, встает она.

А вокруг ни души нет. Где друг, где враг?
Тишина. Только ветер шумит вдали.
И все тело разламывается так,
Словно выбралась прямо из-под земли.
То, бессильная, падает, то встает.
Даже взглядом до кроны не достает.

Кровь, своя ли, чужая ли, запеклась
Пятнами на одежде ее, темна.
И невидима тропка в лесу для глаз.
За полночь. Время волчье. Она одна...
Где враги? Где товарищи? Тишь да тишь.
Лебедь белая, как ты сейчас взлетишь?

В состояньи тяжелом Айлар была
И ловила с тревогою каждый звук...
Справа мгла, слева мгла. И повсюду мгла.
Как во мгле угадаешь, где враг, где друг?
Попыталась идти. Не смогла идти,
Закачалась, в лесу не нашла пути.

И смешались в одно тишина и мгла.
Волчьих глаз всюду чудятся огоньки.
Будь что будет, на счастье вперед пошла,
Опираясь на ветки и на суки.
То пойдет, то присядет, то постоит...
Ее взору открылся ужасный вид.

Среди снега чернела в воронке ночь —
Словно кратер вулкана зиял в лесу.
Отлетели пудовые камни прочь,
И деревья замешкались на весу.
Разразился тут бомбы тяжелый взрыв,
Сотни метров дремучего леса взрыв.

Или, может быть, лес подожгла гроза,
Или врезалось небо в земную твердь?
Словно кольями выколоты глаза.
Ничего не увидеть, не разглядеть.
И плутая, не зная, куда идет,
Продвигалась упрямо она вперед.

Белка прыгнет, иль заяц скакнет в куста
Или рухнет подтаявший чуть сугроб,—
Сердце девичье сразу сжимает страх,
И холодной испариной взмокнет лоб.
Так промокшие валенки тяжелы —
Будто бы на ногах ее кандалы.

Небосвод на востоке светел с утра.
Доносился щеглиного пенья звук.
Мир вокруг просыпался. А медсестра,
Хоть ползла, не видала света вокруг.
А когда потеряла остатки сил,
Белый лес пред глазами ее поплыл.

Над руками она потеряла власть
И ловила снежинки припухшим ртом.
Ноги гнулись в коленях. Чтоб не упасть,
В ствол какой-то уперлась она плечом.
И, не в силах стоять на своих ногах,
Опустилась, постель находя в снегах.

В ту секунду, наверно, Айлар моя,
Погасив беспокойный, упрямый взгляд,
Возвратилась в родные свои края,
Заглянула в цветущий туркменский сад...
Где была она: дома, в бою, в труде?..
Нет! Уже без сознания она... Нигде...

Третья глава

Приоткрыла глаза. И со всех сторон
Вся укутана. Жарко огонь горит.
Правда ль это? Действительность или сон?
Вот нахмурился рядом седой старик.
Очи, думою занятые своей,
Прячутся под кустами густых бровей.

Кто же он, с колеями морщин на лбу,
С пробегающим вкось по щеке рубцом,
Открывающим горестную судьбу?
Мог он быть для Айлар врагом и отцом.
Кто он, не поднимающий темных век,
Незнакомый нахмуренный человек?

Не решаясь спросить его: «Кто такой?»,
Девушка молча думала о своем...
Наконец шевельнула Айлар рукой
И решилась спросить его обо всем.
В это время приподнялась бровь едва,
Повернулась тяжелая голова,

Словно шапка из темного серебра.
— Дочь моя, не тревожься, спокойна будь.
Зла не видевший не узнает добра.
Не гляди с сожаленьем на прошлый путь.
Не лежи с удивленным таким лицом,
Будешь дочерью мне, я тебе — отцом!..

Взволновали Айлар слова старика.
Это он ей вернуться к жизни помог.
И коснулась она едва старика,
Сразу в горле почувствовала комок.
И рукою слабеющей обняла
Шею старца, как будто кору ствола.

Обнялись они крепко. Оба они
От народа оторваны в эту ночь...
Не отыщется в мире ближе родни,
Чем туркменка и русский — отец и дочь.
Как им горько без близких в тылу врага!
Здесь особенно встреча им дорога.

Ей старик рассказал о пережитом.
С ним Айлар в его прошлое унеслась.
Было столько печали в рассказе том!
Слезы гнева и мести текли из глаз.
Человек в сердце горе не уместит,
Не утешится, если не отомстит!

Окружили фашисты дочь старика,
Надругаться хотели они над ней.
Но она не сдавалась, жива пока,
Оказалась ослепших вояк сильней.
И они от бессилия своего
В ее смерти увидели торжество.

Он не предался скорби. Не стал к богам
Обращаться, моля высоту небес.
Сам решил жестоко отомстить врагам
И ушел из села к партизанам в лес...
Вдруг тяжелые веки старик прикрыл,
Помолчал он и снова заговорил.

Он назвал свое имя ей: «Алексей»,
Расспросил о Туркмении, о родных.
И когда стало чуточку легче ей,
Увела тропка тайная в чащу их.
И хоть, видно, к дорожкам лесным привык,
В чащу пристально вглядывался старик...

Четвертая глава

Небо сыпало целую ночь крупу,
И хоть даль вырисовывалась ясней,
Нелегко было им отыскать тропу
Меж сугробов, валежника, старых пней,
Тишину не тревожил и легкий звук...
Только свист над ветвями разнесся вдруг.

Птицы спят. На ветвях всюду снег да лед,
И почти не колышется лес густой.
Но едва они сделали шаг вперед,
Как услышали окрик негромкий: «Стой!»
Замер дед Алексей, суров, белоглав,
Узловатую палку в руках зажав.

«Руки вверх!» — прозвучал из кустов приказ,
Кратко щелкнул затвор, и ствол поднялся.
И винтовки нацеленный черный глаз
Поглядел, не мигая, Айлар в глаза.
Это враг или друг? Как найти ответ,
Если времени для размышления нет?

И, решившись, промолвил дед Алексей:
— Партизан я. И если ты сам такой,
Опусти-ка винтовку свою скорей
И крючок спусковой не задень рукой!
— Или в штаб отведу, иль скажи пароль!
— Я не знаю пароля. Веди, изволь!..

Мигом их окружили со всех сторон,
Тихо заговорили наперебой.
— Это группа не наша, откуда ж он? —
Начали совещаться между собой.
Вдруг один, пригляделся к нему едва,
Закричал: — Это ж дед Алексей, братва!..

Пятая глава

В чаще, где по ночам не видать ни зги,
Где мороз на нехоженных тропках лют,
Где пожары кругом, где кругом враги,
Там народные мстители бой ведут.
И Айлар медсестрою у партизан.
Снежной, зимней порою у партизан.

Начала уже девушка привыкать
К непрерывным тревогам, где смерть,
где кровь,
На заданья товарищей провожать,
Не надеясь увидеться с ними вновь...
Рассыпалась от выстрелов тишина.
Как-то ночью осталась Айлар одна.

У порога крутился волчком снежок,
И в углу еле слышно трещала печь.
Повернула приемника рычажок
И услышала сразу чужую речь.
Музыку, доносившуюся едва,
И опять непонятные ей слова.

Край родной ей припомнился, круг родни,
Теплота тех далеких и близких лет,
Украшения, платье из кетени,
Захмелевший, качающийся Мамед...
Вдруг он выронил полную пиалу,
Даже все музыканты смолкли в углу.

Репродуктор гремит на одной из стен,
В нем немецкие речи, и среди них
Услыхала простое слово: «туркмен»,
Будто бы на чужбине нашла родных.
— Все туркмены, послушайте мой совет,
Обращается к вам ваш земляк Мамед.

Это имя грохочет в ее ушах,
Словно молот по ребрам, бьет и гремит,
И такой охватил ее сердце страх,
Что глаза будто вылезли из орбит.
«Неужели такое ему¹ под стать,
И Мамед наш изменник² может стать?»

Но Мамед не закончил последних слов,
Хлопнул выстрел, как лопнула вдруг струна.
Закричал он: «Прощайте!» И выстрел вновь,
Третий выстрел, четвертый — и тишина.
У Айлар затуманился сразу взгляд,
И она простонала негромко: «Брат!..»

Шестая глава

Кропотлив и нелегок военный труд:
Партизаны застыли у вражьих стен,
Донесенье разведки в засаде ждут,
Нападение готовят на город Эн.
И над картой, захватанною до дыр,
До рассвета склоняется командир.

Вот железнодорожное полотно,
Здесь фашистская техника чуть не вся.
Днем и ночью гудит и поет оно,
Снаряжение, оружие перенося.
Стал фашистской артерией этот путь.
Перерезать ее надо как-нибудь...

Двое шли не спеша по ночным снегам,
Выбирая невидимые места.
Прислоняясь то к веточкам, то к стволам
Возле каждого дерева и куста.
А потом по-пластунски уже они
Подползли к самым рельсам в густой тени.

Заложили две мины вблизи моста
И присыпали снегом, что бел и чист.
Где-то за поворотом пыхтел состав,
Долетел паровоза протяжный свист.
Показались мерцающие огни.
Партизаны в укрытии ждали, в тени...

Мчался тяжеловесный, все паром скрыв.
А когда паровоз на мину попал,
Оглушительно-гулкий разнесся взрыв.
Полетели обломки рельсов и шпал.
И в ночи от пожара стало светло,
А потом небо дымом заволокло...

И с налета врезался вагон в вагон,
И земля поднималась, как ночь темна.
Грудой черных обломков стал эшелон.
И на насыпи не было полотна...
И в отряд возвратиться хотел скорей
С молодыми минерами Алексей.

А над лесом пока кружил самолет,
То стихал, то сильней доносился гуд.
И когда он немного замедлил ход,
В небе белым цветком расцвел парашют.
Партизаны к поляне все подошли,
Чтобы встретить посланца Большой земли.

— Каково положение? Как дела?
Расскажи, извести, очевидец, нас,—
Партизанская братия не дала
Гостю отдыха в этот тревожный час.
Будто рядом увидеть Луну могли,
В рот глядели посланцу с Большой земли.

И Айлар подошла к нему. Как тогда,
О Халлы ей хотелось спросить его!
Но от скромности, робости иль стыда
Не сказала она ему ничего.
Все умолкли, выслушивая сейчас,
Может, сбивчивый, но дорогой рассказ.

— Отступили мы. Только со всех сторон
Защищаться не смогут враги от нас.
Город Эн, как известно вам, окружен.
Я привез вам командованья приказ:
С нами вместе чтоб ваша часть перешла
В наступленье пятнадцатого числа!..

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

Первая глава

Гитлеровцы разгромлены, взяты в плен,
Эшелон с подкреплением — под откос.
Небосклон прояснился над пунктом Эн.
Мирный ветер сражения дым унес.
В синеве красный флаг на ветру дрожит.
И Айлар то шагает, а то бежит.

Где здесь госпиталь — многоэтажный дом,
Где здесь сестры в халатах и доктора?
А воронки уже затянуло льдом,
Словно бой не кипел здесь еще вчера.
Где здесь школа? Где детского смеха звук?
Все разрушено. Нет ни души вокруг.

Вот салазки волочит старик едва,
Рядом женщина. Лица белы как мел.
Понемногу вступает в свои права
Жизнь, где смерть бушевала, где бой гремел.
А солдаты хоронят друзей в снегу
И клянутся за них отомстить врагу.

Обгоревшие стены, пол, потолок,
Всюду склянки разбитые на полу.
Дом, который нести исцеленье мог,
Превратился в развалины и золу.
Здесь в палате отважный йигит Мамед
Говорил с ней... В живых его уже нет.

В этой белой палате было светло.
Вспоминали далекий Туркменистан
И летели душой в родное село,
По знакомым, по милым бродя местам.

Это было недавно совсем. И вот
Вдоль развалин и пепла Айлар идет...

Словно выстрел опять прошел его грудь
И опять у нее прогремел в ушах.
«Ну, прощай, Айлар-джан, и счастливой будь!»
И она отступила назад на шаг.
Закружилась у девушки голова.
На ногах устояла она едва.

Ради счастья народного на коня
В грозный час сел туркменский йигит Мамед.
Его слава сверкает светлей огня,
В песнях имя теперь зазвучит «Мамед».
Он не дрогнул, на смертный ступив порог.
Гибель воина — вечной жизни залог!

Вот церквушка — разбитые купола
И стена развороченная висит,
На земле позолоченная глава
И осколки ступеней — гранитных плит.
Оккупанты церквушку и ту сожгли,
По пути всё сметая с лица земли.

Здесь лежала дорога ровней стрелы, —
Словно в оспе, в воронках любая пядь.
Здесь недавно стояли Айлар с Халлы.
Перекрестка знакомого не узнать!
Это было неделю иль год назад?
У Айлар затуманился грустью взгляд.

Вспомнила, — словно тело сковал металл.
Ну а сердце за ним, за Халлы, влекло,
Точкой черною «газик» зеленый стал
И исчез за мостом. А с тех пор прошло...
Сердце мчится за ним словно тень сейчас
Где полковник Халлы в этот день и час?

Радиорепродуктор не говорит.
Не сообщают листки фронтовых газет:
Где сегодня, сейчас его полк стоит?
От него ни вестей нет, ни писем нет.
Где полковник Халлы со своим полком?
Неизвестно. А может, за тем леском?..

Крылья где? Полетела сейчас бы вслед.
Но куда? Где на фронте его найти?
От него ни вестей нет, ни писем нет.
И легко ли к нему отыскать пути?
Знать бы только сейчас, что он жив-здоров.
Получить хоть записочку в пару слов...

Вторая глава

Город Эн. За столом сидит генерал.
Тень забот и тревог на его челе.
Он устал — донесения разбирал.
План, приказы с шифровками на столе.
Знает, что в батальонах и что в полках, —
Судьбы целых дивизий в его руках.

Размышляет: куда нанести удар,
Как направить огонь своих батарей?
Для броска этот лес, для засады — яр.
И заботливой мыслью идет своей
Он от армии к воину одному...
И беззвучно вошел адъютант к нему.

— Ожидает гонец. Он явился к нам
Из полка, что во вражьих тылах сейчас.
— Пусть он входит скорей и доложит сам.
Он особенно необходим как раз... —
И в крестьянской одежде парень вошел.
Генерал ухватился рукой за стол.

Генерал не поверил своим глазам,
Неотрывно смотрел он на паренька.
Все смотрел и смотрел и не верил сам
В то, что это и есть связной из полка.
Он смотрел, и поверить глазам не мог
И порывисто обнял его:

— Сынок!

Постояли обнявшись сын и отец.
Каждый этой секундою дорожил.
Только через минуту уже гонец
Генералу по форме все доложил.
И, внимательно слушая, генерал
С картою положение полка сверял.

— В штаб полковник уже посылал троих.
Ни один не вернулся назад пока.
Мы в лесу больше месяца ждали их,
Я четвертый посланец к вам от полка.
Самолеты летали к нам, но помочь
Не могли — и опять улетали прочь.

Дважды парашютисты прыгали к нам,
Были близко совсем, хоть достань рукой.
Только ветер отнес одного к врагам
И в болото, в трясину попал другой.
А у нас нет патронов, снарядов нет,
И с деревьев кору грызем на обед.

— Кто по званью, сынок, ты? — Я капитан.
— Молодец. Нет труднее этой зимы,
Но сейчас пред тобою открою план:
В эти дни наступленье готовим мы.
Очень скоро вас вырвем из вражьих лап.
А сейчас на совет созываю штаб...

Офицерам рассказывал генерал
Наступленье готовящегося суть.
И указкой показывал генерал
Все проходы, все точки — атаки путь.
И закончив, он мнение спросил у них,
У друзей, офицеров своих штабных.

Наступления выбрали день и час.
И поспорили: кто же будет связной,
Чтоб немедля полку передал приказ,
В тыл пробрался к врагу по тропе лесной?
Каждый нового верного выбирал.
- Сам назначу его, — сказал генерал.

Третья глава

Размышляла Айлар: «Для чего нужна
Медсестра генералу? Тут что-то есть».
В штаб шагая, угадывала она:
«Может быть, от Халлы получена весть?»
И с надеждой шагала она вперед, —
Может, в штабе сейчас ее радость ждет?..

В штабе в этот момент намечали план,
Об Айлар говорили. Ей первой в бой.
Побывала девчонка у партизан,
Что равно академии фронтовой.
Хоть туркменка, но все исходила здесь —
У нее с украинкою сходство есть.

Да к тому же там есть для нее магнит.
В мире места не сыщет она родней.
Чуть узнает, чей полк там в лесу стоит...
Выбор остановил генерал на ней.
Но Айлар и не ведала. Просто шла.
И гнездо в ее сердце любовь сплела.

Цель понять не могла генеральских слов —
Расспросил медсестру он о том о сем...
И хоть слышала, что генерал суров,
Показался ей чем-то он схож с отцом.
Звуком голоса иль теплотою глаз?
Строже стал он, когда объявил приказ:

— Ни при чем медицина! Даю тебе
Боевое задание, Айлар-джан.
Смерть тебя стережет на лесной тропе, —
Все обдумай заранее, Айлар-джан.
Иль погибнуть, иль сотни людей спасти...
— Не боюсь, генерал, я. Когда идти?

— Здесь минута, Айлар, и та дорога.
Жизнь на карту поставила ты сейчас.
Оказался наш полк в тылу у врага.
И полковнику мой передай приказ:
Пусть готовит свой полк к наступленью он —
По врагу мы ударим с ним с двух сторон.

Мы десятого за полночь в два часа
Генеральный врагу нанесем удар.
Три ракеты зеленые в небеса —
Знак начала. — Иду, — говорит Айлар.
— Только не перепутай и не забудь
Ничего. И сейчас отправляйся в путь.

Обернулась Айлар: — В лесной стороне,
Где безлюдье да мгла, хоть выколи глаз,

Перейдут в наступленье наши войска
в назначенный час.
Не получит полковник Халлы важной вести от нас.
Поодиночке враги в темноте, где хоть выколи глаз,
Перебьют нас. Приказ я несла и несла — его нет.

Так хотела исполнить большое задание я.
Только счастья взамен — увидала страданье я.
И не в силах сдержать свои слезы, рыдания я.
Может, на смерть пойду завтра ранней ранью я.
Нет терпенья. Сердце свое я сожгла — его нет...»

Плач и вздохи тревожили тишину.
И рыдания переполняли грудь.
«Чем недвижно сидеть у врага в плену,
Лучше к гибели выбрать короткий путь».
А на завтра ждут пытки ее, допрос.
Как же тут удержаться от горьких слез?

Убежать ей отсюда не суждено.
И покончить с собою не так легко.
Только все-таки пусть поглядит в окно, —
Может, все же спасенье недалеко?
Нет, Айлар на себя не наложит рук,
Хоть не вырваться ей из тюрьмы. А вдруг?..

Пятая глава

Ходят тучи над крышею ходуном.
С одеялом завернутой головой,
Словно маятник, за полночь под окном
Перемерзший измаялся часовой.
Между светлых сугробов и темных рам
Озирается в страхе по сторонам.

А в избе штаб немецкий и пил и ел —
«Русский шнапс» украинской под стать еде.
Герр полковник порядком осоловел,
Даже китель расстегнут на животе.
На столе строй бутылочный в два ряда,
И навалена всяческая еда.

— Хайль Гитлер! — Стаканы наперевес,
Парабеллум качается в кобуре.

Немка старая в форме частей «СС»
Показалась певичкой из кабаре.
Но когда потянулся к ней офицер,
Возмутилась. Едва он остался цел.

Смолкла музыка. Стихли все голоса.
Воцарилась неловкая тишина.
И полковник, в дремоте прикрыв глаза,
Вдруг увидел красавицу, как со сна.
Встав, качаясь, сжимая стакан в руке,
На немецком пролаял он языке.

— Где она? — распалился совсем старик.
«Что он хочет?» — у всех удивленный вид.
«Герр полковник о пленнице говорит».
И хотя уже был он порядком пьян,
Все ж к бутылке пустой протянул стакан.

— Эй, наполни! — С бутылкой вскочил
майор,
Наливая полковнику до краев.
А полковник смотрел на него в упор,
Напевая какой-то романс без слов.
Засопев неожиданно, словно зверь,
В ожиданьи уставился он на дверь...

Вдруг вбежал офицер, от волненья бел:
— Герр полковник, сбежала... Пленницы
нет. —

А полковник как свекла побагровел:
— Как сбежала?.. Кто будет держать
ответ?..

Все идите! В погоню! За нею! За...
Вот поймает, я выколю ей глаза...

. . . . .

Солнце село. Рассеялись стаи туч.
Предвечернего света ослаб накал.

И вечерней зари темно-красный луч
От верхушки к верхушке перебегал,
Словно кроны охватывал вмиг огонь.
Плясовую вдали завела гармонь.

Снег на ветках колышется на весу.
И такая краса! И такая тишь!
Караулы все выставлены. В лесу
Не пройдет незамеченной дажемышь...
Вдруг вдали оборвался гармонизвук.
Что случилось?.. Прислушались все вокруг.

— Что случилось? Ведь полк наш внутри
кольца.

Может, враг наступление начал тут?..
— Нет, к землянке полковника два бойца,
Видишь, девушку раненую несут.
Так бессильно закинута голова —
Неизвестно: жива она иль мертва.

Положили на землю ее. Была
Ее кожа бледна, и губы белы,
И косынка с ее головы сползла...
Сразу черные косы узнал Халлы:
Будто вдруг среди ясного неба гром
Или пуля попала в грудь под ребром.

— Айлар-джан! — прошептал он, склонясь
над ней.

Не слыжала, как тронул воротничок,
Только, кажется, стала еще бледней,
Чуть полковник губами коснулся щек.
Видела б, как склонился Халлы, любя,
Поскорее пришла бы она в себя...

Рану перевязал ей врач полковой,
Приложил к ней лекарство, сделал укол.
Будто жизни вернувшейся ток живой
В ту минут сквозь тело ее прошел.
И раскрыла глаза Айлар в тишине,
И Халлы увидала словно во сне.

Он не видел давно этих черных глаз,
Его ранит безжизненный, мутный взгляд.
И застывшею темной рекой сейчас
Неподвижно они на него глядят!..
Грел давно его свет этих черных глаз.
И прекраснее нет этих черных глаз.

Прежде всё освещали вокруг они,
Все в надежде старались в них заглянуть...
А сегодня погасшие их огни
Даже не освещают последний путь!..
Им ли часа победы не увидеть,
Лепесточками бедными увядать?..

Губы зашевелились, хотя язык
Ей не повиновался еще пока.
Захотелось подняться в какой-то миг,
Но задвигалась только одна рука.
«Где же та непоседа и егоза?»
И к Халлы обратились ее глаза.

Он к себе ее голову положил
На колени. Прижался щекой к щеке.
Лоб погладил. Чуть волосы распустил
И согрел ее руку в своей руке.
Тут глаза широко раскрыла Айлар,
И негромко заговорила Айлар:

— Генерал и Василий тебе привет
Шлют. Готовь наступление, дорогой!
Я попалась. Напали враги на след.
Я пробралась к тебе ценой дорогой.
Приползла, может, я в смертный час к тебе.
Принесла генерала приказ тебе.

Этой ночью приказано ровно в два
На фашистов обрушиться с двух сторон,—
Клокотали чуть слышно ее слова.
Походили, сливаясь, на долгий стон.—
Я исполнить смогла свой долг, Халлы-джан!
Я пришла, приползла в твой полк, Халлы-джан!

И последнее выговорив с трудом,
Сжались губы. Итак, ровно в два часа.
Веки, будто бы налитые свинцом,
Опустились всей тяжестью на глаза.
И Халлы не почувствовал сгоряча,
Как рука соскользнула с его плеча...

Доктор сердце послушал, проверил пульс
И почти безнадежно махнул рукой...
Сколько сердце Халлы повидало бурь,
Но, пожалуй, не знало еще такой.
— Что с тобой, Айлар-джан? Неужели ты
Сникнешь, как нераскрывшиеся цветы!

И накинул на плечи он маскхалат.
— Я свой гнев передам бойцам, Айлар-джан!
За кровинку твою, поверь, во сто крат
В эту ночь отомстим врагам, Айлар-джан!
Образ твой будет мне помогать в бою.
Отомщу я врагам за муку твою!..

Посмотрев на часы на своей руке,
В лоб холодный Айлар он поцеловал
И услышал: у города вдалеке
Канонады далекой катился вал.
Вышел. И по полуночи в два часа
Полк его в наступление поднялся!..

Шестая глава

Ночь кончалась, хотя и не рассвело.
Раздавался снарядов протяжный вой.
Небо дымом, туманом заволокло,
И пропахло все гарью пороховой.
Лес подрагивал, ветками шевеля.
Ночь ворчала, стонала вокруг земля.

От пожаров здесь было светло как днем.
Танки лес корчевали, светлела даль.
Горизонт занимался «катюш» огнем.
Камень зданий крошился, стонала сталь.
Мины с воем выплевывал миномет.
И наполнился грохотом небосвод...

Немцы атаковали, забыв тылы.
Генерал наш поглубже их пропустил.
И в лесу затаившийся полк Халлы
Всею мощью фашистам ударил в тыл.
Заходили под пулями ходуном,
Как змея, опоясанная огнем.

Впереди, позади у нее огонь...
Как же вырваться гадине из него?
Говорят же: «Чужого добра не тронь,
Коль не хочешь лишиться ты своего.
Дом чужой подожжешь — сам ты в нем
сгоришь.
Яму выроешь — сам в нее полетишь!»

Седьмая глава

Наши воины вывели («Руки вверх!»)
Генералов фашистских из-под земли,
И железных крестов прежний блеск померк —
Генералов колонною повели.
Не они ли ворвались в нашу страну?
Не они ли народы ввергли в войну?

Не они ли наш день превратили в ночь,
Поднимали на наших дорогах пыль?
Не они ль Алексея убили дочь,
Изрубили, изрезали — не они ль?
Не они ли затмили народам свет?
Не они ли убили тебя, Мамед?

Не они ли церковный купол снесли?
Не они ль всех угнали, кто мал и стар?
Не они ли людей, как поленья, жгли?
Не они ли стреляли в тебя, Айлар?
Не они ль, посягнув на земную твердь,
Принесли миллионам беду и смерть?

И понурые пленные шли и шли,
Позабыв о затее пустой своей.
А в сторонке простой разговор вели
Генерал и знакомый нам Алексей.
Вдруг, по-братски обняв Халлы, генерал
«Слава воинам!» радостно закричал.

И стояли они, как отец и сын,
Крепко спаяны радостью и бедой.
С волосами чернее чем смоль один,
А другой не старик, но как лунь седой.
И внезапно спросил Халлы генерал:
— Где Айлар? Я к тебе ее посылал.

Сжалось сердце полковника. Голова
Опустилась понуро. Произнести
Он не мог те обыденные слова...
И негромко сказал генерал: — Прости! —
Сотни, тысячи жизней прервались здесь,
Но была для Халлы страшна эта весть...

Сняв папаху, Халлы поник головой,
Снял папаху свою генерал за ним.
Прибежал в это время врач полковой,
Крикнул голосом радостным он таким,
Будто навеселе был иль вовсе пьян:
— Стало лучше ей, будет жить Айлар-джан!..

И полковник обнял от души врача,
Хоть, казалось, еще сомневался в том...
Но машина подъехала к ним, урча,
Санитарный автобус с красным крестом.
И хоть был исцарапан автобус, стар,
Словно солнце в окошке — его Айлар.

Показалось: растаяли все снега,
И звеня и журча потекли ручьи.
Мы прогнали с весенней земли врага.
Музыкою увенчаны все бои:
Это песен победных гремит прибой.
Это встречей влюбленных закончен бой.

ТУРКМЕНСКАЯ ПОЭМА

Пролог

Помнишь: январь, пурга?..
Здесь по косматым кручам
Ветер гонял снега
С солью, с песком колючим...
Пеплом была седым
Эта земля в июле...
Пепел, огонь и дым!
Годы в дыму тонули.
Помнишь?.. Но вьюги нет,
Злого не слышно свиста,—
Землю ласкает свет
Зимней лазури чистой.
Вот и гора одна,
В ранних лучах румяна,
Что не была видна
В белом дыму бурана!
Длился буран века,
В жизнь не давал прохода...
Как хороша, легка
Новых времён погода!
Той не забыв поры,
Вышел я к солнцу, к маю...
Тайну глухой горы
От старожиллов знаю.
— Местность была пуста,
Вся затаилась глухо...
В гиблые те места
Не залетала муха.
Ветер царил один,—
Камни-проклятья с визгом

Ветер свергал с вершин
Вслед караванам близким.
Знали мы: клад — внутри
Этой угрюмой горки.
Прадедов не кори,
Вспомни их опыт горький!
Клады глухой страны
Могут ли быть полезны?
Кто, подвернув штаны,
В эту беду полез бы?
Сколько ни рой, ни бей,
Мало в лопате толка:
Станешь ты сам слабей,
Камню смешно — и только!
Может, и был герой...
Кто б рассказал подробно?

Что-то текло порой,
Чёрной змее подобно;
Дёгтя струя вилась, —
Божьим считали чудом.
Впрок собирали грязь, —
Мазали грудь верблюдам!..
Так говорил старик...
Что приключилось ныне?
Сказок ещё и книг
Нет о моей пустыне.
Жизнью теперь кипят
Склоны горы «недоброй»:
Вся — от главы до пят —
В рокоте жизни бодрой!
Тракторы здесь прошли, —
Что им пути-тропинки?
Шли без дорог, в пыли,
С гулом ползли дробилки,
Тяжесть легко таща
В серой жаре безводья,
Каменного плаща
Вниз волоча лохмотья...
С грохотом — с вышины,
Снова к вершине снизу
Мчались, окрылены,
«Газики» по карнизу...

Вырвался вздох воды,
Свет заблистал во мраке,
Башен пошли ряды
И нефтяные баки...
Топот по всей горе,
Шумные дни в заботах...
Слышите: на заре
Бьются сердца заводов!

* * *

Дальше и дальше вглубь,
В толщу вонзались буры,
Хитросплетенья труб
Вид оживили хмурый...
Нефти полны густой
Чёрные корни жизни;
Вышки вступали в строй,—
Слава большой отчизне!
Распознавать учись
Новых времён веселье:
Это моторов жизнь,—
Не для верблюдов зелье!
Чёрную кровь добыв,
Ты овладел на деле
Лучшим из наших див:
Годы сжимать в недели.
Как сокращать пути,
Смело теперь исчисли.
Руки твои почти
Не отстают от мысли,
Чёрная кровь земли
Стала машин душою,
Гордые корабли
Жизнью живут большою...
Неукротимый дух
Молниеносных странствий
В тех океанах двух —
Времени и пространстве!
Стал человек творцом,
Труд для него не бремя.
Так молодым лицом
К нам повернулось время.

Сколько домов, окон,
Улиц широких сколько!
Это не зыбкий сон —
Это навеки стойко.
С миром былых времён
Не нахожу я сходства...
Это не смутный сон —
Техника, производство!

Глава первая

Девушка среднего роста
На прсмисла уходила.
Всё в ней приятно и просто,
Родственно сердцу и мило.
Шаг её чётко, не робок,
Лоб её светел широкий;
Детский ещё подбородок
И чуть скуластые щёки.
Вот улыбнулась чему-то —
Зубы сверкнули и скрылись,
Пёстрые бусинки будто
В чёрных глазах заискрились;
Чёрные выгнуты брови,
Чёрные косы — короной;
Свежесть её и здоровье
Радуют взор восхищённый!
Знаю — она из аула,
Строить с ней жизнь хорошо бы!..
Ей, — что сейчас промелькнула, —
Имя Набат¹ подошло бы...
Очи мои засмотрелись, —
В чём этой девушки сила?
В чём её властная прелесть?
Что её вдаль торопило?
Девушки мы не обидим,
Мыслям доверясь крылатым...
Шёл я за нею, невидим,
На промысла провожатым.

---

¹ Н а б а т — буквально: леденец.

Что делала Набат на буровых?
Не всякого устроит мой ответ,
Что попросту осматривала их:
«Поэзии», быть может, в этом нет,
К тому же и поручены не ей
Буренье, подготовка... До сих пор
Здесь требуются люди посильней,
Хотя механизации — простор.
На скважинах работала она,
Путь нефти скрытый для неё открыт.
Здесь вольное пространство, тишина,
Лоснящихся качалок птичий вид.
Спокойная лазурь и чернота —
Вот радостного промысла цвета.
Работали машины без людей
Спокойно, беззаботно и легко...
Подумалось ли девушке моей,
Как это совершенство велико?
Все сделает по нашей воле в срок
Испытанный слуга — электроток.
Вершила, как волшебница, Набат
Обследованья будничным обряд:
Привычно по железу постучит,
Подумает минуточку одну...
Послушает — поет или рычит
Подземное могучее в плену?
Но что там? Словно плачет кто, о чем?
Тревожно эти жалобы звучат...
В блокноте записав карандашом,
Прислушалась, как врач, моя Набат,
Нахмурилась, с волнением борясь, —
Но звук непереносен, как ожог.
Вот к будке телефонной понеслась.
Задержала сердито рычажок:
— Ремонтников немедленно сюда!
Опять тридцать девятая больна.
Где главный инженер? Опять беда —
Не поступает нефть, — кричит она.
Ответом успокоена слегка,
О чем-то призадумалась, и вдруг —
Улыбка обаятельна, мягка...

Припомнился, быть может, милый друг?
Ресниц неуловимо быстрый взмах,
Чудесное движение бровей,
Мгновенное сияние в глазах...
Что знаю я о радости твоей?

* * *

Сорок метров с одним в высоту! —
Выше, выше хотела б взлететь...
Сознаешь ли её красоту
И узорную прелесть? Ответь!
Ей достигнуть хотелось бы дна
Этих бурных и свежих небес...
Вся железная, — мнится она
Паутиново-лёгкой на вес...
Вот в железной одежде труба,
В крепком жолобе крепкий раствор...
Пусть работа по нефти груба,
В ней — какое-то с песней родство!
Буровая полюбится мне,
И уже меня к дружбе зовёт;
Вот — от стана её в стороне —
Дизель — мощное сердце — живёт.
Вот и мастер, известный у нас, —
Лет шестидесяти с небольшим.
Зоркий ум в глубине его глаз,
Любят люди беседовать с ним.
Имя мастера Павел Кузьмич, —
Тот Миронов, который давно
Полюбил эту глушь, эту дичь,
Где сегодня нам счастье дано!
Поседали усы и виски,
Но и телом, и духом здоров,
И спокойная твёрдость руки
Соответствует ясности слов.
День, когда я пришёл к буровым
За Набат невидимкой, сперва
Будто ветром грозил буревым.
И Миронов был скуп на слова.
Два подручных при нём, а вверху —
Направляющий был одинок.
В небе — дым облаков на ветру

Стадом буйволов шёл на восток...
У Миронова — сотня забот,
За Мироновым — опыт Баку.
Восхищался учителем тот,
Кто у тормоза был начеку.
Но, хваля и любя старика,
О его указаньях порой
Начинал рассуждать свысока:
— Не зелёный я сам, не сырой! —
И не мог позабыть ни на миг,
Что не зря ему тормоз вручён,
Что искусство буренья постиг,
Что любимец Миронова — он.

* * *

Напор, и отступление, и взлёт,
Волнение слепых подземных сил
Он брал по знаку стрелки на учёт,—
Доволен, что стихию победил!
Погуще иль пожиже дать раствор,
Налечь на тормоз или отпустить,—
Тут разуму рабочему простор,
Просчёта же нельзя никак простить.
А ротор всё вертелся, и труба
Вертелась, и без отдыха мотор
Работал, и могуществом труда
Всё крепче упивались слух и взор...
В глубь самой преисподней долото
Вонзавшееся вспарывало пласт...
Доволен был бурильщик молодой,
И видно по ухватке, — он не сдаст!
Тот юноша, по имени Ата,
Совсем ещё недавно ученик,
Казалось, до глубинного пласта
Он взором прояснившимся проник.
Лицом, слегка надменным, был похож
На всадников туркменской старины...
Его, быть может, дерзким назовёшь,
Внимательно взглянув со стороны.
Играющие искорки в глазах,
Развёрнутые плечи, грудь борца
И сросшихся бровей его размах
Смущали слишком робкие сердца.

Что волновало, что влекло,
 Что привело сюда Набат?
 Тепло ей стало и легко,
 И щёки у неё горят...
 — Зачем спешила сгоряча? —
 Ата и рад и удивлён...
 (Рычаг у Павла Кузьмича,
 Ата у будки — курит он.)
 — Что в наши ринулась края?
 — Загадку разгадать сумей:
 Отара чёрная моя
 Овечек тише и смирней.
 Мне скучно стало их стеречь...
 — Уж не о скважинах ли речь?
 — У нас на скважинах покой,
 Бидоны с чёрным молоком...
 А тот, кто правит буровой,
 С большими бурями знаком!
 У нас спокойствие сейчас.
 Борьба решается у вас.
 Я потому пришла взглянуть,
 Сказать: «В работе счастлив будь!» —
 Ата понравился ответ,
 Но гордецом был с малых лет.
 В глазах сверкая, как игла,
 Усмешка искорки зажгла:

— Борьба — сказала ты? Ну что ж,
 Во мне сочувствие найдёшь!
 Но мы давно уже смогли
 Понять все хитрости земли:
 Здесь нет случайностей теперь!
 Глазами будто бы, поверь,
 Я проникаю в каждый слой, —
 Пластов узоры под землёй! —
 И вдруг нахмурилась Набат,
 А он смущением объят,
 Но виду малый не подаст,
 Дерзить тем более горазд.
 — Предупреждаю, — ты не прав!
 Ты карту помнишь ли, Ата?

Не ровный у породы нрав,
И почва новая не та:
Не те, не столь уже просты,
Как в прежней местности, пласты.
Не здесь ли, памятно для нас,
Уже однажды вспыхнул газ?
Он бродит, бедствием грозя,
И рассуждать, как ты, нельзя! —
Глаза Ата — что угольки,
Рта искривились уголки.

— Ты говоришь, была беда?
Меня там не было тогда!
Там был бурильщиком не я,
Рука владела не моя...
Мне злую землю проучить
Свободно можешь поручить! —
Ещё мгновенья не прошло,
Ещё Ата не замолчал, —
И, словно юноше назло,
Тревожно ротор застучал:
Угроза зреет в глубине —
Предупреждал он... А Набат
Привыкла понимать вполне,
Что механизмы говорят.
— Ты слышишь? — Слышу, ерунда!
— Внезапной может быть беда.
— Ну что ж, побудем на войне —
Без боя было б скучно мне...
Не веришь? Вот моя рука.
Берусь хоть черта обуздать!.. —

И поняла она: пока
С ним бесполезно рассуждать:
Заладил — «землю проучу»,
Когда закусит удила —
Что делать?

К Павлу Кузьмичу

Она печально отошла.
Миронов выслушал её:
— М-да! Разберёмся не шутя!
Словечко умное твоё
Мне очень по сердцу, дитя.

Здесь пыл подземный не погас, —
Хлопот бы новых не принёс!
Ворчит проклятый этот газ,
Как злой, излаявшийся пёс.
По сути, правильно берёшь...
Но что касается Ата, —
Похвастать любит. А хорош!
Способный, дельный — красота!
Слежу я всё-таки за ним,
Не бойся. Лучше промолчать.
Дней пять осталось. Добурим,
И можно добычу начать.

* * *

Шло солнце на закат,
Был ясен небосвод.
Как бязь, шероховат
На лужах тонкий лёд.
Приятен, не суров
Безветренный мороз.
Из северных лесов
Он бодрость нам принёс.
Он ясен был и сух,
Был другом — не врагом.
Мы радовались вслух:
Как чисто всё кругом!
Свежо и горячо
Дышал и дул в лицо...
Пусть в жилах потечёт
Шипучее винцо!
Не злился, не щипал,
Похлопывал слегка:
В попутчики попал,
А цель — недалеко.
А шуткам нет числа,
И шутки — не со зла!

Уже вторая смена
Пришла на промысла.

Ну, вот и смена новая на месте.
Ата расправил грудь, протёр глаза...

Хороший вечер заслужил по чести!
Усталости не знал он никогда...
Умылся в будке. Славная вода!
Переоделся, волосы пригладил...
Пойти повеселиться — но куда?
Каков он есть, испытывая взором,
Он погляделся в зеркальце, в котором
Остро блеснули чёрные глаза
И смоляные волосы с пробором.
«Пожалуй, я действительно хорош,
На пасынков природы не похож!
В народе милых девушек немало,
Да кто же лучше всех, не разберёшь!
Ну, скажем, не дурна собой Сона,
Да чем-то мне не нравится она...
А что Кынна? Глаза косят немного.
Кыдчжа мила, да мать её вредна.
Айна умна, да с ней одна тревога:
Полна «запросов» — не моя дорога.
Дурсун многоречива, нескромна,
Эне высокомерна, недотрога.
Гозель — цветок! Но в наши времена
Как смеет быть неграмотной жена?
Сельби — колючка, судит больно строго,
А быть бы кроткой, шёлковой должна...»

Так рассуждая, в зеркальце глядел он...
Вдруг за волосы дёрнул он себя:
«Да сам я не из золота ли сделан,
Всем прочим беззастенчиво грубя?
Подумаешь, красавец, — сам кувалда!
Причудами набита голова...
Нелепый... а других критиковал-то.
Кто дал мне наблюдателя права?
Возьмут меня другие в обработку,
Хорош тогда я буду...

Эх, Ата!

На чью же ты повадку взглянешь кротко
И чья тебя смирила б красота?
Терпел бы ты и цепи, и оковы...
Есть девушка... Вот эта хороша!
Какое имя! — сахар тростниковый!
В глазах какая милая душа...

Кому она достанется — такая?
Кто будет окликать: «Набат, Набат»?
Её надежды, высоко витая,
К кому-нибудь далёкому летят...
А мне такую прелесть — много чести...
Эх, если б согласилась быть моей!
Всё, что имеем, мы сложили б вместе.
Да чёрен я, — ей надо побелей.
А всё же... Где молва берёт начало,
Что я ей нравлюсь будто бы? О том
Она Кыдчже и Абадан сказала:
Они — подруги. Слух пошёл потом.
Нет, вероятно, шутка... Нет, не шутка...
За мной глазами робкими следит,
Во сне меня встречает... Верить жутко:
Поверишь, а потом насмешки, стыд...
Да нет, пустое... Нет, на самом деле?
Когда друг друга видим наяву,
То странно улыбнётся еле-еле,
То взглядом жжёт! Вот и не верь в молву!
Вдруг радостной становится и ясной,
Когда она со мной... Она — со мной...
Вот выдастся однажды день прекрасный,
И я скажу ей: «Будь моей женой!»

* * *

Так думал он... И всё одно
Вновь представлялось, как в чадугу...
Ушли товарищи давно,
Не пожалел: «Один пойду».
Он в городок пошёл пешком,
Воображением богат,
Что по-другому всё кругом,
Что с ним, как спутница, — Набат.
Не по шоссе и не тропой,
А по степи, где будет лес,
Шёл, рассуждая сам с собой,
Автобусу наперерез...

Глава вторая

Перед «Таинственным холмом»
Среди строений лёгких, прочных
Под алым флагом белый дом
Был поместительнее прочих —
Контора промысла. Левей —
Доска почёта. Перед нею —
Толпа взволнованных людей.
Направо — арка. Вход в аллею
Платанов, клёнов молодых,
Мечтавших о приходе лета,
Сейчас — от инея седых.
На стенде — свежая газета.
Среди стоявших у доски
Был кое-кто из молодёжи,
Но большей частью старики —
Народ поопытней, построже.
Им знать до тонкости дано
Земные недра и глубины,
Уже прославлены давно
Их благородные седины.
В пески неведомой земли
От берегов Хазара ¹ славных
Они свой опыт принесли,
И здесь — как равные меж равных.

На склоне дня и по утрам —
И до работ, и отработав —
Здесь коммунистам-мастерам
Сходиться надо для отчётов.
Закончив чтение газет,
Не торопясь — таков обычай, —
Вошли в контору, в кабинет,
Ответственные за добычу.

Совет умельцев. Опытном обмен.
Ни слова здесь не скажется без толку.
Начальник — молодой ещё туркмен —
Расчёты пересматривал подолгу.
Здесь каждый был догадками богат —

---

¹ Х а з а р — Каспийское море.

И правило: на пыл не обижаться.
Здесь радовался старший русский брат,
Приветствуя успех азербайджанца,
Гордился он детьми моей земли...
А кто они, — скажи, мой друг, подумав?
Один — из рыбаков Гасан-Кули,
Другие — пастухи из Кара-Кумов!
Всего лишь позапрошлою весной
Открылся новый промысел, а вскоре
О методах проходки скоростной
Заспорили — созрели в этом споре.
И молодой директор Аманджа
На все вопросы откликался живо.
Он дело знал. И, с лучшими дружа,
Не охлаждал рабочего порыва.
Рабочей смётке волю дать умел
И вместе с тем её направить точно,
В согласии с наукой. Скор и смел, —
Но не прельстится цифрою непрочной...
Так совещались и на этот раз...
Вдруг явственно сменилась острым блеском
Улыбка добрых золотистых глаз,
Прямая укоризна в тоне резком.
Кому теперь упрёк? За чьи дела?
Без окрика... Но неуместна жалость...
Не к той ли, что моложе всех была,
Что вздрогнула и вся невольно сжалась?
Да, это к ней, к Набат, он обращён:

— Где странной безответственности мера?
Что это было? Лень? Усталость? Сон?
Позор для молодого инженера!
Как нефть пойдёт, когда в трубе затор?
Участок трудный. Как могло случиться,
Что тянется с ремонтом до сих пор?
И долго ли тебе ещё учиться?

Сама подумай, прочих не виня... —
Набат молчала... Будто бы от дыма,
От горечи, от пыли, от огня
Глаза и горло жгло ей нестерпимо...
Но не было ещё ни слов, ни слёз,
Она едва дышала... Ей не сразу

Ответить на упрёки удалось.
Охрипшая, едва связала фразу:

— Товарищ Аманджа! Хотя б на миг
Задумались вы разве? Вспомнить надо,
Потом уж брать на веру... на язык...
Другому всё сойдет, а мне — досада!
Ошибка чья? Ведь не моя вина —
Я тут же позвонила... Нам не внове.
Знал главный инженер! Всё, всё сполна
Ему я доложила... Кто виновен? —
Передохнула... С места поднялась
И продолжала громче:

— «Знаю, знаю, —
Так мне сказали. — Время есть у нас.
(Твоё, мол, — поняла я, — дело с краю.)
К тому же и весна недалеке, —
Так мне сказали. — Мы закончим скоро,
Успеем с этой скважиной: в «мешке»
Не может быть особого затора,
Передадим на чистку...»

Недолга
Была беседа... По моей ли воле?
Мне капля нефти вот как дорога!
Но коль спокоен главный, драться, что ли? —
Тут снова ей дыханье пресекло...
Но вспыльчивость Набат пришлась по нраву
Секретарю парткома, и светло
Подумал он:
«Дай срок, — рассудит здраво».
Он видел: пальцы у неё дрожат,
Лицо живое кажется дрожащим...
«Должна бы ты прислушаться, Набат,
К словам нелегковесным, настоящим!»
Искал он эти верные слова
Без преувеличений, без уступок...
«Должна понять, что всё же не права:
Любая невнимательность — проступок!»
— Когда бы ты действительно взялась
Установить на скважине порядок,
Страдала бы, тревожась, даже злясь,
Предчувствием возможных неполадок,
Проверить, убедиться ты пришла б,

Хозяйская в тебе кипела б ревность!
Да, видно, интерес был всё же слаб?
Мешала бытовая повседневность?..
Не сладилось? Явилась бы сюда!
Ты знаешь, наша гордость — твой участок.
Ведь здесь поддержат правого всегда
Без тягостных упрёков и остросток!
Помог бы главный инженер тотчас,
А не был бы задет или уколот... —

Так мягко он учил её, учась
Людьми руководить. Он сам был молод.
Теперь она задумалась. Верней —
Опомнилась...
Не так ведь было дело,
Что главный инженер забыл о ней...
Уехал он, доверясь ей всецело!
Уехал в Ашхабад, предупредив:
«Будь наготове...»
Так чего же ради
Негодовала?

Гордости порыв
Уже прошёл...
Что зря болтать в досаде?
Да, непорядок по её вине,
И огненный румянец залил щёки...

— Достойна я взыскания вполне.
Прибавит мне ума урок жестокий,
Всё правильно, товарищ Аманджа!
— Обдумай до конца, — итог подвел он.
Пусть будет долго в памяти свежа
Твоя оплошность. Вкус неправды солон,
На первый раз простится... —

И Набат

Об очень важном вспомнила тревожно:
Не просто неполадок мелких ряд,
Опасность прозевать большую можно!

— Простите, если выскажусь! Меня
Тревожит буровая, где — Миронов.
Я знаю, что до нынешнего дня

Там не было просчетов и уронов,
Он зорек, многоопытен, умен...
Но в том-то и беда...
Меня не он,
А юноша-помощник беспокоит...
Я знаю, наше дело — сторона:
Проходка не у нас, не в нашем круге.
Но мы — одна душа, одна страна,
Одна семья, где помнят друг о друге.
Мне слышалась угроза, шум из недр,
А тот бурильщик — очень смел, балован,
На бодрые слова он слишком щедр,
Ещё не понимает скромных слов он.
Вы можете помочь ему понять!
Вы можете...—

Как девочка в ауле,
Опять Набат смутилась, и опять
Румянцем жарким щеки полыхнули...
Давно, как видно, гнев её затих...
Окинула открытым взором старших:
Она могла надеяться на них —
Таких суровых, но родными ставших!

* * *

Накинут платок на волнистые косы...
«Что делать?» — вопросы, ответы, вопросы...
«Где встречу?.. Как много прохожих,—
но пусто...»
Какое томительно-странное чувство!
Ушёл, не замешкался ни на мгновение,—
К душе от души не дошло дуновение.
«О, бедный! О, если б волшебная сила
Свела нас,— я всё бы ему объяснила!
Узнает он скоро об этом собрание,
Подумает, глупый, о сплетнях, о брани,
О ложных обидах,— поймёт искажённо.
«Таких не берут, он подумает, в жёны».
Но что я о жёнах подумала? Что я?
Смешно из-за парня лишаться покоя!..
Врагом назовет... И не вспомнит о встрече...»
...А воздух прозрачен, и сладостен вечер,
Молоденький месяц из золота кован,
Морозцем безветренным отполирован.

Волнуясь, прошла район промысловый,
Уже очутилась на площади новой,
Что в прошлом году под горою пустынной
Была ещё дикой бугристой равниной...
Людей, что сигнала автобуса ждали,
Набат оглядела: «Не здесь ли? Едва ли...»
И вдруг увидала, охвачена дрожью...
Лицо её сделалось суше и строже.
Ей двинуться трудно — стреножена будто.
Ей медленным часом казалась минута.
А сердцу всё жарче... А губы сухие...
И здесь неужели «борьба со стихией»?
Ей больно, — а вид его весел и светел...
Обратно уйти бы, пока не заметил...
Но вот овладела и сердцем, и речью
И двинулась чёткой походкой навстречу.

Повторно сигналил, к отходу готовясь,
Громадный оливковый дизель-автобус.
Ата пропустил уже рейс — не сажился,
Ата ожидал уже час и сердился.
Увидел — и сразу забылось все это;
Всё тело, казалось, наполнилось светом,
И смехом, казалось, и звоном, казалось,
А прочее в мире Ата не касалось!
Потом он собой овладел понемножку,
Дождавшись Набат, он вскочил на подножку,
Он руку ей подал, и даже сумел он
Предстать по привычке уверенно-смелым.
Порывисто сжав её пальцы своими,
Негромко Ата произнёс её имя, —
И словно сердцами узнали друг друга,
И жилы, что словно завязаны туго
И стянуты были узлами до боли,
Распутались и развязались на воле,
И кровь побежала по жилам... Но сами
Влюблённые разве владеют словами?
Так вместе приехали в город и рядом
По улице светлой пошли... Им помочь
Могли бы весна с полнолунием и садом,
Но город окутала зимняя ночь.
Всё реже прохожие... Завтра — работа.
Ата своей робости трудной не рад.

Уже Первомайская... Два поворота...
Кленовые саженцы... Домик Набат.
— Ну что же, прощай, будь здоров.— Её руку
Ата задержал.... И молчанье опять.
Опасность по злomu подземному звуку
Недаром учились они узнавать —
Есть в голосе милом недобрая нотка...
— С тобой я хотел говорить... Не спеши.
— О чём же?— спросила как будто и кротко,
Но без сострадания и без души.
На самом же деле как страшно забилося
У девушки сердце...— О чём? Говори.
— Не знаю...— Не знаешь? Скажи-ка на милость,
Ужели здесь будем стоять до зари?
Иди-ка домой.— Не могу!— Почему же?
— Не знаю...— Не знаешь? — До клуба дойдём.
— Зачем?— Погуляем...— В морозе и стуже
Приятного мало... И труден подъем.
— На улице весело. Все-таки скуку
Я выберу лучше!— Ты рвёшься домой?
К мамаше?— Ата, отпусти мою руку!
— Тебе наклевещут...— Мне видно самой.
— Набат! — Не желаю. — Не будь своевольна,
Послушай. Набат!— Не желаю!— Поверь!
Послушай!— Довольно, довольно, довольно!—
Она убежала... Захлопнулась дверь.

Глава третья

А между прочим, этот дом —
С газопроводом и водой —
В посёлке нашем молодом
Уже не самый молодой.
В нём электричество давно,
Давным-давно проведено.
Ещё семь месяцев назад
Он предоставлен был Набат.
Пусть в ванной комнате она
Пока останется одна,
В воде поплещется пока,—
Мы вспомним годы и века:
Туманы пыльные вдали,
Кибитки ветхие в пыли,

Пески, пустыни здешних мест,
Степных коней, степных невест...
Пусть, чайник ставя на плиту,
Мать позовёт Набат к столу...
Мы вспомним пыль и нищету,
Степной буран, степную мглу...
— Скажи мне, дочка, что с тобой,
Коль не считаешь мать слепой? —
Но волны влажные волос
Ещё в росинках, как в слезах,
Ещё сиянье тайных слёз
В её расширенных глазах.
Игрой весеннего дождя
Она как будто рождена!
Но, к пианино подойдя,
Склонила голову она...
И пальцы тонкие её
Легко на клавиши легли,
Пока нам грезилось житьё
Пустыножителей — «кумли»¹...

А, между прочим, я знаком
С Тувакмамедом-стариком, —
Ну да, тот самый он и есть,
Чьих вечных бед не перечесть!
Он тоже сын моей земли,
Он из людей песков, «кумли».
Не так давно погиб старик —
В степи буран его застиг.
Тувакмамед — Набат отец —
Ходил с отарами овец,
Не разгадал он до поры
Чудес «Таинственной горы»,
Мечтал о дальних городах,
Жалел о прожитых годах,
И жить смелей, шагать верней
Он дочке завещал своей...
И свято в сердце сохранив
Слова отца, не уронив
Старинной чести бедняка,
За годы прожила века, —

---

¹ К у м л и — так называют постоянно живущих в Кара-Ку-мах.

И за него и за себя
Училась, Родину любя.
Я в институте нефтяном
Видал Набат весенним днём.
В Баку... Окончила она.
— Я в край отцов лететь должна!..—
За честь отца, за боль обид
Она пустыне старой мстит.
О, кто словами передаст,
Как поразителен контраст
Меж тем, что было и что есть
В песках, где должен сад расцвести!
Да, это он, не кто иной —
Тувакмамед с его женой,
Что и сегодня несмела, —
Борык¹ свой тяжкий не сняла.
Да только жаль — уж десять лет
Тувакмамед в мире нет,
Не знает счастья своего,
Сказать не может ничего...
— Что грусть не можешь превозмочь? —
Старуха спрашивает дочь.
— Досрочно норму не сдала
Или запутала дела?
Ты — коммунистка. Ты сумей
Держать ответ. Держись прямой!—
Но пальцы тонкие Набат
Уже на клавиши легли...
И песнь любви течёт на лад
Старинной песни «Сёйгюли».

* * *

Ата пришёл расстроенный домой...
У зеркала спросил он: «Что с тобой?
Вид невесёлый, как у должника,
И морщишься устало, что хромой!»
Себе он самому не угодил,
И места он себе не находил...
Он радио включил, но сам не рад,
Что музыкою боль разбередил...

---

¹ Б о р ы к — женский головной убор, тяжёлый, неудобный, обязательный по религиозным уставам.

Удав ли душит, не даёт вздохнуть,
За пазуху залез и стиснул грудь,
Иль хищного птенца пригрел Ата,
Что клювом сердце норовит проткнуть,
Царапает когтями?.. Нет, не то!
Поймёт влюблённый, а другой — никто.
Мечта, казалось, явью уж была —
И нет её... Наказан! Но за что?
Не выпить ли вина? — Не утолит!
Спокойно рассудить? — Душа болит,
Не позволяет действовать с умом...
Сойти с ума? — Рассудок не велит!
«...Но чем я для неё так нехорош?
Иль выходки её — игра и ложь?
Я, может быть, невзрачен?... Я — ничто?
Другого полюбила?.. Не поймешь!
А может быть, не я — она права?
Ей горше яда — грубые слова:
Подействовали, как удар ножом,
И ранена теперь — едва жива?
«Люблю тебя», — едва я не сказал!..
Ещё я не замечен... Слишком мал...
Соединиться — шутка ли? — Беда!
Едва бедняжку клятвой не связал!
А коль неверно поняла к тому ж?
Не так, что, дескать, ты — жена, я — муж,
А вроде полюбезничать хочу...
Ой, ой, какой позор! Какая чушь!
С благословенной, нежной, молодой
Так обошёлся человек худой!
Ну как не отшатнуться, не бежать?
Что делать ей пред такой бедой?»
...И снова проклинал её красу,
Спохватывался: «Что за чушь несусь?..
Всю ночь почти не спал... Такой чудак
Мой юноша — Ата из Кизыл-Су.
Случайно ли — я также был знаком
С отцом его — каспийским рыбаком.
Погиб отец Набат, и тот погиб:
Лет двадцать, как лежит на дне морском,
И матери лицо забыл Ата, —
Как говорилось: «круглый сирота».
Он в интернате, в Красноводске, рос...

Бесплодные суровые места!
Вид оголённых красноватых скал,
Построек белых — взора не ласкал.
Ни деревца, ни травки, ни куста...
А зной солёный поговоркой стал:
«Соль вместо снега — летом и зимой...
Там тень свою ты продал в летний зной...»
Там нехватало овощей, воды.
Таков был Красноводск — теперь иной.
Ата учился в техникуме там.
Уверенный в себе не по летам,
Мечтал о славе мастерства Ата.
Что больший нужен опыт, понял сам.
Новатора, героя гордых дел,
Сызмальства привлекал его удел.
В мечтах лауреатом был Ата.
В мечтах — неисчислимо чем владел...
Он послан был как техник в этот край,
Где только не зевай да не играй
С подземным чёрным гневом и огнём.
И прочие условия — не рай...
Название «Таинственной горы»
Пригодно для мечты и для игры.
На всё новоиспеченный глядел
Так, словно завоёвывал миры,
Но был зато старателен вдвойне
И яростен в труде, как на войне...
До перехода к новой буровой
С Набат уже работал наравне.
Он доброму учился у Набат,
То радостью, то робостью объят.
«Будь точным, — повторяла, — а не то
Почувствуешь, что в чём-то виноват».
У совести рабочей строгий нрав,
Заест она тебя, когда неправ.
Твердит она: «Будь точен в мелочах,
Не действуй, мелочей не разобрав!»
Так собственную совесть слушал он,
Так в собственную совесть был влюблён.
...Средь ночи этой зимней, что за стон
Соседи слышат? — И шаги, шаги.
Подумаешь — беда, сошлись враги...
То стулом загремят, то хлопнет дверь,

То вскрик — хоть за милицией беги...
...«Да чем я для неё так нехорош?
Иль выходки её — игра и ложь?
Я, может быть, невзрачен?.. Я ничто?
Другого полюбила?.. Не поймешь!»
Заря уже полоской огневой
Забрезжила, когда он, сам не свой,
Воскликнул: — Ты услышишь обо мне,
Когда ускорю сдачу буровой! —
Взволнованный, он спать уже не мог:
То грезилась Москва и даль дорог,
То конь ахал-теке, то самолёт,
То море, распростёртое у ног,
Сверкающие утром города,
Которыми так Родина горда,
Могучие каспийские шторма,
В морях великолепные суда...
И с песнями взвился под облака,
Равнины озаря свысока,
Мой юноша, Ата из Кызыл-Су —
Сын бедного туркмена рыбака...

Глава четвертая

Как не любить часы политзанятий —
Мир ясности и свежести ума!..
Здесь, размышляя, вспоминаешь кстати
Всё то, что подсказала жизнь сама,
Обрывки мыслей, что в часы работы
Тревожили, порядок обретут.
Над мудрой книгой ты припомнишь, кто ты
И для чего ты оказался тут...
Ата явился рано, до начала.
Боялся, что о нём заговорят,
Услышат все, как сердце застучало...
Глазами он разыскивал Набат.
Но не было её в том скромном зале
Для совещаний.
Тихо сел Ата.
— Привет, — ему приятели сказали.
«Что с ней произошло? Чем занята?»
Ни впереди, ни позади, ни сбоку —
Нигде её сегодня нет и нет!..

Всегда ведь приходила точно к сроку,
«А может быть, прошла в парткабинет?..»
Какое это чувство — знаем сами,
Когда среди многих грезится одна...
Вдруг выросла Набат перед глазами —
Стоит на месте лектора она.
О чём заговорила? Что такое?
Зачем ей колокольчик? Пачка книг?
Лицо, как было прежде... но другое!
Ужели ей не страшен этот миг?
— «Законы диалектики природы...» —
Ата понять пытался — и не мог,
Чтоб до конца продумать, нужны годы...
Но явственно он слышал каждый слог.
Её ли голос?..

— Великаном вещим
Рабочий стал. Моторы и станки —
Не косные, безжизненные вещи,
А словно продолжение руки.
Глаз — телескоп, и телефоны — уши...
И атомные силы не убьют —
Усилят во сто крат тела и души
В том мирном мире, где владыка — труд!
А мир — он будет... Горным станет кряжем
Наперекор пустыне и войне.
Мир — в трудовом горенье нашем, —
Пустыни зацвели у нас в стране... —
Порой казалось, хорошо он понял,
Но впутывались в трезвое мечты...
Ни слова из того, что знал, не помнил:
Там — буквы книг, здесь — милые черты...
А многие из бывших в этом зале
Строчили ей записки. И когда
Закончила, на все, что ей писали,
Ответила свободно, без труда.
И, судя по вопросам и ответам,
Все поняли — им близко до вершин...
Глаза её светились мягким светом...
Он вышел, как потерянный, один.
Набат тайком за юношей следила.
Едва он вышел, вышла и она.
Хоть строго за вчерашнее судила —
Не так уж велика его вина.

Вот, голову склонив, прошёл он мимо;
Лица не видно, и не поднял глаз,
Смущён, робеет... Непреоборимо
В ней жалость беспокойная зажглась.
Прохожего задерживать неловко, —
Но скроется и пропадёт в тени...
Учительницы добрая сноровка
Ей помогла: «Как младшего верни!»
Догнать его решила и несмело
Продела руку под руку... Но вдруг —
Как если бы злосчастного задела
Шальная пуля — пошатнулся друг...
И почему-то оба задрожали...
Вновь улица была пуста, темна.
Сияя без упрёка, без печали,
Над горизонтом поднялась луна.
Должно быть, время потекло быстрее?
Не рано ли ещё взойти луне?
Как по цветущих персиков аллее,
Шли в странной, заколдованной стране.
Деревья не цвели на самом деле —
Жемчужные дома стояли в ряд...
Сказать «люблю» влюблённые не смели,
Казалось им — о деле говорят.
— Читал ли ты, к примеру «О планетах»?
— А в клубе завтра вечер, — мы пойдем?
— Каких предпочитаешь ты поэтов?
— Не лучше ли вернуться тем путём?
— Каналы провели бы уж скорее!
— Поедем по каналам... Что молчишь?
— Я думаю... — Я вспомнил о Корее.
— Который это час? — Какая тишь! —
Зелёную полосу на востоке
Заметила Набат... Который час?
Минуты расставанья так жестоки,
И непонятно выражение глаз.
И главное сказать она забыла,
Что сердце ей теснило третий день...
Луна уже склонялась, уходила,
А солнцу подыматься было лень...

Тувакмамедова Набат,
Хвала твоей судьбе!
Святое слово — депутат,
Большая честь тебе.
Сама поверила едва,
Что в список включена.
Народ рассудит, какова,
Твоя величина.
Набат! Войдешь ли ты в Совет
Республики своей?
Горячим трепетом согрет
Один из зимних дней.

В одежде праздничной она, —
На девушке шелка, —
Старуха-мать, умилена,
Огладила слегка...
Набат по улице идёт
В один из вечеров.
Как встретит дочь свою народ?
Он добр — и он суров.
Что скажешь ты ему, Набат?
Будь проще, не робей.
Взгляни, как город твой богат
Среди сухих степей.
Пустынный край был сер и стар...
На улицы взгляни:
Как бриллиантовый пожар,
Их юные огни!
Ты знаешь слишком хорошо,
Что было здесь — ветра!
Стирала землю в порошок
Их праздная игра.
Но глушь была до той поры,
Пока мы не дошли
До недр «Таинственной горы»,
Где бьётся кровь земли.
И волей царственной труда
В просторах пустоты
Росли сады и города,
И вместе с ними — ты!

У агитпункта разве той,
Что так шумна толпа?
Приходят старый, молодой,
У всех — одна тропа:
С далёких улиц к ней спешат,
С ближайших к ней бегут,
Сойдясь, поют и говорят, —
Большой рекой текут...
А дом украшенный одет
В багряный цвет зари,
Струят венцами свежий свет
Цветные фонари...
Так с честью встретил наш народ
Дочь пастуха — Набат,
Где пыль, песок неуповорот
Клубились год назад.
Усеян лампочками свод,
Знамёна с бахромой...
Набат ли этаким почет,
Науке ли самой?
Тувакмамед, Тувакмамед,
Что случилось бы с тобой,
Когда б увидел ты расцвет
Твоей степи скупой?
Беднейший из людей «кумли»,
Ты был бы здесь сейчас —
И слёзы счастья бы текли
Из прояснённых глаз!
Блеснули б слёзы в бороде,
Шутил бы ты, смеясь:
«О, дочь, рождённая в беде,
Теперь ты — сын, ты князь!»

А дочь держала громко речь —
В словах узнала толк!

— Священный мир крепить, беречь,
Товарищи, наш долг.
Не может гладко жизнь идти,
Коль в гору держим путь, —
И жизни колесо в пути
Должны мы подтолкнуть!
В пути страна богатырей,

Числа моторам нет,
А сколько нефти нужно ей
Для этих жарких лет!
Нефть — это мы, и уголь — мы...
И знаем, кстати, мы,
Что шар земной, на свет из тьмы
Толкая, катим мы.
Когда я сплю, закончив труд,
Бессонны, далеки,
Со всех сторон страны зовут
Гудки, гудки, гудки...
И до зари я слышу зов, —
Продолжила Набат, —
Заводов, фабрик, поездов,
Что в коммунизм спешат,
И каждый год, и каждый час —
И время, и успех —
В руках, товарищи, у нас:
У каждого, у всех! —

* * *

Кто эти люди? Кто они?
Рабочей доблести мужи,
Да, чем-то морякам сродни —
Нефтяники... Но чем, скажи?
И тем, что зорки их глаза,
И тем, что степь для них — уют.
И тем, что часто их гроза
И вихрь на вышках застают...
Они — в невидимом бою
С подземным морем всякий час:
Слова: «На вахте я стою» —
Для них привычны без прикрас.
— Мы сил своих не пощадим, —
Таков был их ответ простой. —
Сверх плана Родине дадим
Горючее — мы встали в строй! —
Один — немолод и суров —
Сказал: — В письме не позабудь:
Заправим тыщи тракторов,
Проводим теплоходы в путь...
Другой сказал: — Упомяни:

Мы самолёты пустим ввысь...
Так вместе с девушкой они
Великой Родине клялись.

* * *

Нет, не жестка её душа.
Но такова гражданства сила,
Что, чувством Родины дыша,
Набат о «личном» позабыла...
В её взволнованности нет
Ни лицемерия, ни позы.
Не отказался бы поэт
Воспеть девические грезы.
Но правда жизни такова!
И, право правды утверждая,
Пред сердцем собственным права
Моя туркменка молодая.
Уже покинув шумный зал,
Большими чувствами богата,
Она вдруг вспомнила: «Он знал!» —
И сжалось сердце кандидата...
Не мог сегодня не прийти,
С ней не порадоваться вместе!
Часам к пяти или шести
Пришёл бы... Похвалил без лести.
Но рассудила — задержать
Могла какая-либо малость:
Умыться — очередь опять,
В пути машина поломалась,
Беседа с Павлом Кузьмичём...
«Ну да, отсутствовал и этот!
Застрял, — дорога непричём, —
Нащупывали новый метод...
А вероятнее всего —
Тьма в парикмахерской народу.
Бранить не стыдно ли его
Ненужной ревности в угоду?
Не разлюбил... Не виноват...
Ещё в театр не опоздали...»
Ещё надеялась Набат:
«Билеты — вот; хотя... едва ли...»
А сумрак тёмноглубой

Давно окутал переулки...
На воле, как морской прибой,
Шум голосов, живой и гулкий.
Смех, песни... Яркость фонарей.
Какие радостные лица!
Посмотришь — станет веселей...
Но не могла развеселиться.
У входа в клуб и по бокам —
Раздолье праздничному люду,
Кипенье жизни, гомон, гам
И клумбы, на веранде — всюду!
Надежда, юность, пестрота,
Узоры, лозунги, плакаты...
«Но где Ата? Ата! Ата!
Еще мы временем богаты!
Еще осталось пять минут...
Еще осталось...» Их не стало...
Пустея, сумраку приют
Большая площадь уступала...
Кой-где влюбленные в тени
Склоняли головы друг к другу,
В театре скрылись и они...
Набат все двигалась по кругу...
На сцене — синяя река
И желтый сад... Сказали: Волга.
Два молодых, два старика
Перекорялись долго, долго...
Шумели женщины в саду,
То были добрыми, то злыми...
Не понимала, как в бреду,
Набат, — что делается с ними?
Вдруг синий занавес упал,
Верней — задвинулся... В тревоге
Она оглядывала зал...
Пошла, споткнулась на пороге,
Случайно вырвалась в буфет,
В фойе веселом заблудилась,
Зашла в курительную... «Нет!
Нет и не будет», — убедилась.
Вновь пустота и полумгла,
Звонок завистливый и дробный...
В зал возвратиться не могла,
Лишь постояла в гардеробной...

Оделась, выбежала в ночь.
Вздохнула улица — и прочь,
Прочь понесла ее отсюда.
Сама дорога, как река,
Текла, казалось, и змеилась...
И холодна и жестока
Была погода: изменилась.
С востока ветер налетел,
Таша песка густые пряди:
Пустыня в городской предел
Вбежала в нищенском наряде.
Тускнели лампы... Вдоль дорог
Был темножелтый свет не светел.
Запорошил глаза песок,
Трепал пальто восточный ветер.
Устала все-таки Набат...
Домой! Он ждал ее, быть может...
Вот окна — тускло, но горят...
Какой был день громадный прожит!
Бежала... «Ждет меня давно!»
Цеплялись сажены за платье...
Забарабанила в окно...
Упала матери в объятья.

* * *

...Ах, такова уж, видно, молодежь,
Что не умеет счастьем насладиться!
— Что милого словечка не найдешь?
Что с матерью в уюте не сидится? —
Старуха нынче счастлива была,
В раю и то не знала б лучшей доли!
Арбузным медом речь ее текла,
На шуточки сбивалась поневоле...
Бесчувственной казалась ей Набат!
Да, странное явилось поколение —
Удачи их как будто не пьянят
И горести не ставят на колени...
— Эх, ожил бы отец Тувакмамед, —
Пусть чудо совершилось бы такое!
На праздник мы созвали б целый свет
И всласть попиروвали бы на тое! —
А девушка, прилегши на тахте,

Тревожилась, раздумывая, мучась:
Что делать ей? Что толку в суете?
Искать ли? Унизительная участь!
А может быть, нагрянула беда?
А может быть, с друзьями крепко выпил?
«Скажу ему «прощай», чтоб навсегда
Из памяти мечту пустую выбил!
Нет, совестно звонить к нему домой,—
И не заставит никакая сила!..
Где слыхано, чтоб девушке... Самой?..» —
И тотчас же вскочила, позвонила.
— Ата Курбанов? Кто? Сосед?
Ата... Не понимаю... Нет.
Не приходил. Что?.. Странно?.. Да.
Как? Что? Бывает иногда...
Сегодня?.. Нет... Ну, да... Вполне...
Да, удивительно и мне... —
Ответ соседа, как ожог...
На миг прижала рычажок
И отпустила... Не могла
Повесить трубку... Что за мгла
На миг ей взор заволокла?
Сквозь сердце — тонкая игла...
Телефонистку торопя,
Шнурок упругий теребя,
Потребовала промысла,
Молчанья не перенесла,
Перезвонила и опять
Взялась тот номер повторять —
Все тот же номер роковой
Знакомой будки буровой...
Звонила десять, двадцать раз,—
Молчала будка. Первый час.
Где смена поздняя? Как знать?..
Как отозваться приказать?
Как страшно промысел далек!
Как непонятно!
Вдруг звонок:
— Простите... Не застал вас днем... —
Товарищ спрашивал о нем. —
Был в смене утренней Ата...
Где бродит? Комната пуста.
Где следовало быть ему, —

Не попадался никому.
— Ну что ж?.. Найдите, если друг! —
И трубку бросила.

И вдруг
Глаза раскрыла широко.
Бежать! Но слишком далеко...
Богатый скинула наряд,
Спецовку вынула Набат,
Надела... Вызвала, дрожа,
Автомобиль из гаража.
Пролепетать едва могла:
— Спи, мама... Важные дела,
Я позабыла кое-что... —
Платок накинула, пальто.
И, выбегая из дверей,
Гудок слышала... «Скорей!»

Глава пятая

Но то, что случилось, случилось давно, —
Еще до начала собрания в зале,
Где той, кому в страхе метаться дано,
Быть верной и твердой, как сталь, наказали,
Где наши нефтяники, как моряки:
— Мы будем на вахте стоять, — говорили.
О власти и силе рабочей руки:
— Мы землю заставим сиять, — говорили...
В то время работавшим на буровых
Уже оставалось недолго до смены
Ата уже грезилась в красках живых
Народного праздника яркие сцены.
А ротор вращался обычно, ничто
Ему не мешало, — все ближе и ближе
К таинственным недрам земли долото —
Уже молоко ее черное лижет.
В механике всех этих сил и частей
Есть что-то, что пляске и музыке сродно...
Давно с этой музыкой грубой своей
Ата управлялся легко и свободно.
В честь девушки милой в последние дни
Нажал на механику так, что держитесь,
Подземные силы! «А ты извини,
Красавица-нефть! Не робеет твой витязь:

Пока перестроятся на скоростной
На новых проходках,
покажем на этой
Могущество наше! А позже, весной,
Придем на другую, за новой победой!»
На стрелку манометра вновь поглядел,
Но что это за бестолковщина с нею?
«Что делать?.. Таких я не видывал дел...
Я вижу, что землю понять не сумею!..»
Дрожа, как на сильном ветру ледяном,
Безумная стрелка металась и билась.
В смятении помнил Ата об одном:
«Раствор... Дать погуще раствор!..» —
не забылось.

Но мыслями трезво раскинуть не мог, —
Как жемчуг рассыпанный, их не собрал он.
Ударом и грохотом сшиб его с ног
Душитель, скрывавший лицо под забралом,
Ударил и взвыл ураган под землей
И вышвырнул ротор, как жалкую щепку.
Гигант невменяемый, черный и злой,
За горло схватил его шупальцем крепко...

Из глуби
взбешенная нефть прорвалась,
Свистящие струи
свивая канатом,
И газ и ворчащая горькая грязь —
Всю злобу срывало
на нем, виноватом!
Земли миллионовоковый дракон
Взлетел в поднебесье,
огромен и грозен.
Ата поднялся,
поглядел, изумлен,
И снова —
беспомощный — грянулся оземь!

* * *

Рассудок и память
Кузьмич сохранил,
Когда его ветром к железу прижало,

Он вырвался...
                                Бегал, кого-то бранил,
Лицо сине-красное
                                мелко дрожало.
В секунду припомнил
                                последние дни,
Как будто прочел их...
                                Обдумать придется.
Но злу не поможешь,
                                кого ни вини!
Немедленно
                                действовать надо... Бороться!
Хватать надо зверя за горло, пока
В борьбе не уступит...
                                Нельзя покориться...
Ударишься в панику,
                                дрогнет рука,
Ослабишь узду —
                                и фонтан загорится!
Фонтан!
                                Это — счастье, беда и разгром —
Все вместе... А сила-то!
                                Дикий и шалый,
Насквозь ведь он толщу пробил острием
И метров взлетел на полсотни, пожалуй!
А сила-то! В шоры бы вовремя взять,
Намордник надеть — и на дело похоже...
Фонтан!
                                Если нефть соберем — благодать!..
А горько порой достается нам все же...

* * *

...Пытался припомнить Ата,
                                но не мог.
Мутился рассудок...
                                Спиралью заверчен,
Удушливо черен
                                и страшно высок,
Метался фонтан
                                удивительным смерчем!
...«Что было?
                                Земли нестерпимая дрожь...

Не землетрясение ли бездну разверзло?..
От взрыва ли жирный коричневый дождь?
Что было, подумать попробуем трезво.
Чем — тормозом этим, —

ИСКАЛ ОН ОТВЕТ, —
Взрывной ли волною я выброшен злобно?»
В борьбе ли

какой-то тяжелый атлет
Под обе лодыжки

подсек его словно?..

Но чудом каким-то

ОН ВНОВЬ ПОДНЯЛСЯ

И двинулся чудом...

С Мироновым рядом

Он стал на посту...

А вселенная вся

Растаяла вновь

ПОД МУТНЕЮЩИМ ВЗГЛЯДОМ...

Ослепший, оглохший,

он все еще знал,

Он помнил:

«Давление было высоко...»

Он вспомнил:

«Я тот, кто ответственность взял,

Желая буренье закончить до срока!

Я нового метода не применил,

А просто — из прежнего лишнее выжал!»

Он вспомнил:

«О, лучше б я повременил...»

Он крикнул:

«Не трогайте!»

Лучше б не выжил!»

И снова беспамятство...

Ранен Ата...

Железом пришиблена клетка грудная —

И вылетел, мчался в иные места

Призыв, что он в сердце хранил, вспоминая...

Уже санитары его понесли,

Уже им приказывали торопиться...

Быть может, тоскливо кричала вдали

Из клетки грудной улетевшая птица?..

Уже аварийная тут... И звонки

И вопли сирен бушевать перестали.

(А «газики» мчались наперегонки
С машиной Набат по одной магистрали).
Проезд был очищен уже и открыт...
Набат показалось: ей странное снится —
Как золото касок пожарных горит
И красная грозно стоит колесница...
Мы знаем, что страшное не было сном,
Но бурю нефтяники встретили смело:
Уже инженеров и техников сонм
На скважине новой налаживал дело.
Все нужное тракторы приволокли,
И, рады привезенной в срок арматуре,
Явились ремонтники —

сбить не могли

Ни тьма полуночи, ни бешенство бури, —
Так ярко светили им прожектора,
Что жуткого не было в буре и стуже:
Все видно — где почва суха, где сыра,
Все ясно — до малого гвоздика в луже!
Растаял холодного страха туман,
И вот, наконец, прозвучало знакомо
То слово короткое, трезвое — «план»,
С которым мы запросто всюду, как дома!

* * *

Высоко взметнулся фонтан нефтяной
И грозной лавиною бисерных зерен
Вниз медленно сыпался... В буре ночной,
Под черными тучами все-таки черен!
Тот бисерный ливень казался живым,
Обманывал жирной своей теплотою:
И в свете прожектора, синем, как дым,
Порой становилась струя золотою,
То белым, то сизым играла струя, —
Могло показаться: с небесного свода
Струила свое молоко Акмая —
Верблюдица звездных преданий народа;
К верблюдице белой, что млечным путем
Старинное небо пустынь озаряла,
Мы в грезах младенческих вновь не придем...
Здесь власть человека стихию смиряла!
А льющейся нефти таинственный звук
Порой был подобен жужжанью, с которым

Прорвался бы толстый, гигантский бурдюк,
И шлёпанью ливня по мелким озерам,
Журчанью, когда нескудеющий дождь
Разлился озерами,

или шуршанью
Сухим ураганом терзаемых рощ,
И конскому топоту, храпу и ржанью.
Да, мрачная сила стихии земной
Свирепого, видно, коня оседлала!..
Взметнулся до неба фонтан нефтяной,
Давно уже буйствовал, — все ему мало.
И тем эта старая сила страшна,
Что на промыслах угрожает пожаром...
Нефтянику горше отравы она:
Какие сокровища тратятся даром!
Так издавна было... Но в ходе времен
Меняются люди... И новая сила
Стихиям поставила новый закон,
Бороться бессмертный народ научила, —
И царственной властью рабочей руки
Смирять стихии, с умом, не с размаху,
Он взял их за горло, судьбе вопреки,
Что некогда власть предоставила страху!

* * *

...Когда Набат на промысла
В машине мчалась, без числа
Рвались из уст ее упреки,
Что в женском гневе припасла.
То оскорбляясь, то скорбя,
Взялась обманывать себя:
«Приеду — пусто... Там — другие...
Он — спит. Спокоен, не любя!»
Когда увидела разор,
Ей сразу стало не до ссор.
Блуждал по зрелищу аврала
Бессильный помутневший взор.
По щиколотки в злой воде
Стояла — непонятно где...
В мозгу, как молния косая,
Блеснуло: «Промысел в беде!
Помочь! Налаживать... спасти!
Очнуться, разум обрести,

Поймать чудовище фонтана,
Сковать, не дать ему расти!...»
Метнулась к техникам... — И мне
Работу!.. —

Голос в стороне:

— Тридцать девятая. Обломки.
— Кто пострадал?.. По чьей вине?.. —
Ей так и не пришлось узнать,
Кто нежно, бережно, как мать,
Когда была еще ребенком,
Повел, — и нет его опять...
А там, куда ее вели,
От самой битвы не вдали,
За грудой лома, но в затишье —
клочок очищенной земли...
Дурное что-то неспроста
Укрыли крылья из холста:
Медпункт поставил там палатку,
И врач не уходил с поста.
— Ата!.. Я знала... О, зачем?
Что сделал? Плохо будет всем... —
Под снегом марлевых повязок
Ата остался глух и нем.
— Не узнаешь меня?.. Я тут!
Я знала... Пусть его спасут!..
На «Скорой помощи» в больницу
Сию минуту увезут...
«Пусть я погибну, но не ты!»

Носилки... красные кресты...
Она неузнанной осталась,
И руки жалкие пусты...

* * *

Фонтан метался и хотел
Прорваться, взвиться за предел,
Но арматура на пути
Была капканом... Не уйти!
Был мост построен — он, как меч,
Успел чудовище рассечь.
Стекала кровь, черна, густа,
С секущей плоскости моста.
Он пойман — бешеный и злой

Гигант из грязи нефтяной
Подобен на мгновение стал
Сосне согнувшейся... Устал,
С уже достигнутых высот
Упал...

Он счастье принесет!
Дыханье гневное земли
Вернулось внутрь....

Смирись, дремли!

Глава шестая

Перед «Таинственным холмом»
Среди строений легких, прочных
Под алым флагом белый дом
Был поместительнее прочих —
Контора промысла. Левей —
Доска почета. Перед нею —
Толпа взволнованных людей.
Направо — арка, вход в аллею
Платанов, кленов молодых,
Мечтавших о приходе лета,
Сейчас — под инеем — седых.
На стенде — свежая газета.
На склоне дня и по утрам —
И до работ, и отработав —
Здесь коммунистам-мастерам
Сходиться надо для отчетов.
Закончив чтение газет,
Не торопясь — таков обычай, —
Идут в контору, в кабинет,
Ответственные за добычу.
«Душа чужая — темный дом:
Споткнешься, в дрожь от страха кинет,
А догадаешься, — потом
Еще за вора будешь принят!
В глаза хоть век бы ты смотрел, —
Им выдать тайну не прикажешь...
Коль узел сердца отсырел, —
Его ты долго не развяжешь!
Как знать, что думает другой
О том, что сердце мне тревожит?
Над тайной самой дорогой

Он посмеяться громко может...
Обидным кажется, но те,
Кто моего не знает нрава,
Моих стремлений, чистоте
Не доверять имеют право!..»
Так, притаившись позади
Других и сгорбившись устало,
С давящей тяжестью в груди
Набат печально размышляла...
И возразить сама себе
Спешила...

«Наша ведь заслуга :
Друзья в работе и в борьбе —
Мы не потемки друг для друга.
Нам мало радости — добыть
Чужую тайну в темной яме.
По чистоте должны мы быть
Друг перед другом — зеркалами.
Позорно — слабого толкнуть...
Мы не питаем скрытой злобы».
...И успокаивалась чуть,
И все казалось ничего бы,
Но где разгадку получить?
С ней поступил начальник странн
Хотел ей что-то поручить —
И обошел совсем неожиданно :
Он пласт опасный передал
Бегенчу — технику... Что значит,
Что строгим быть он перестал?
Теперь глаза как будто прячет...
«Решили: правды не пойму,
Ата прощаю, как родному...
И потому... И потому —
Всю трудность отдали другому...»
Горя обидой и стыдом,
Она не справилась с собою...
Над председательским столом
Склонилась :
— Знаю, что не стою!
Зачем, товарищ Аманджа,
Вы не сказали мне сначала:
«С Ата Курбановым дружа,
Доверие ты потеряла?»

Без объяснений и при всех
Такую отдали работу!..
И вдруг хороший, добрый смех
Страдать отбил у ней охоту.
— Набат! Ты, как дитя, проста.
Но смелый жалости не просит!
Чья совесть подлинно чиста,
Тот друга в черный час не бросит.
Мы знали: горе над тобой,
Душа далеко — возле друга...
Хотели дать тебе покой... —
Медвежья, стало быть, услуга?
От грубых отвели работ, —
А это, стало быть, напрасно?
Ну что же? Промысел зовет?
Ты не сдаешься? И прекрасно!
Бери, что хочешь, потрудней,
А на досуге к другу съезди,
И нетерпенье черных дней
Переживется легче вместе.
И, кстати, — мой тебе совет —
При нем не плачь... Довольно крови
Он потерял. Тепло и свет
Скорей вернут ему здоровье.
Ты улыбайся и от нас
Передавай приветы смело! —
И благодарность поднялась,
В груди слезами закипела.
В ней благодарность — за двоих...
И только стыд сжимал ей горло:
О, как товарищей своих
Не поняла?..

Слезу отерла.
Светились радостью глаза,
Но ничего не говорила:
Словами выразить нельзя, —
Платком лицо свое прикрыла...

* * *

«...Как не было б худо теперь подмастерью,
А мастеру хуже!»
И вновь над постелью —

Миронова образ с лицом искаженным,
Со взором, недоброй насмешкой зажженным...
Теперь на учителя за непорядки
Вся ляжет ответственность...

Выводы кратки:

Не понял, невежда, размеченной карты,
Готовил небрежно бурильщиков кадры,
Он глух был к предостережениям веским,
Никчемным увлекся он блеском и треском.
Беспечность!

И вот государству убыток...
Для раненой совести тысяча пыток!
Так могут подумать об опытном самом
Бурильщике нашем!

Так думает сам он,
Так думает сам он, себя проклиная!
И разве возможна картина иная?
Грозит кулаком своему подмастерью,
Что звал себя «мастер»!..

Стоит над постелью...
Пришел он как будто с отцовским прощеньем
И снова глупца оттолкнул с отвращеньем:
— Хотя я себя разорвал бы на части,
Но как же я мог не предвидеть несчастья?
«Да, ты не предвидел, отец, ты обманут!
И в суд за чужую ошибку потянут.
Чертеж тебе правду откроет, — и прямо,
Безжалостно скажет в лицо диаграмма:
Беспечный!

Чего твой воспитанник стоит?
И правду ему индикатор откроет»!
В бреду эти черные мысли мешались,
И снова беспамятством веки смежались...
Ата понимать перестал уже, кто он
И кем этот злой разговор продиктован.
Курбанов он или Мироновым стал он —
В сознании не прояснилось усталом.
Сознанием — воображал он — владели
Миронова мысли...

На самом же деле
Кузьмич, далеко от больничной палаты,
Не спал — все высчитывал сроки и даты.
«Закончено ранее срока буренье.

Убыток ли нам принесло ускоренье?
Здесь прибыль, какой мы не ждали.

Но этот
Успех, к сожалению, — случай, не метод». И мысли, горючая горечь которых
В бредовых Курбанова жгла разговорах,
Действительно жгучей отравой поили
Миронова, только не в грезах, а в были:
«...Грозы не предвидел ли я неминуемой?
Счастливым конец — не победа, но случай!
И страшно — могли потерять человека...
И чудо, что бедный Ата — не калека!
Действительно, были такие минуты:
Кузьмич среди ночи, раздетый, разутый,
Шагал в беспокойстве по темной передней,
Чтоб в спальне семья не наслушалась бредней:
«А может быть, малому хуже, и рана —
Кто ведает? — стала смертельной неожиданно?
Опомнится — мысли худые замучат,
От нервов «моральную травму» получит, —
От совести, то бишь от гордости, то есть...
Они ведь упрямые — гордость и совесть.
Приглядывать должен был злей за мальчишкой...
Доверил ему управление вышкой.
Следил за бурением я, да не в оба,
Учил, как профессор — большая особа!
Он сам проклиная меня за такую
За мягкость, — не знает он, как я тоскую!
Народу героя ты так не подаришь,
Не так себе смену готовят, товарищ!..
Что было? — Кузьмич вспоминал для отчета: —
Азарт, а не доблесть — такая работа!
Сигналы грозы принимая из недр,
На шутки я был тем не менее щедр;
На спор между нами и дикой стихией,
В соревнованье мы шли, как глухие.
Не все, что я знал, говорил инженеру,
Боясь, что напомним границу и меру...»
И думал Миронов, сомненьями мучим:
«Когда бы я был воспитателем лучшим,
Любовью не портил бы младшего друга,
А в рамки бы взял его строго и туго, —
Душевному не повредил бы здоровью

Великой разумной рабочей любовью!»
Так ночью он думал, шагая подолгу...
Он длинным письмом обращался к парторгу...

* * *

Порою появлялся в полусне,
В глубокой тишине и белизне,
Колеблющимся светом залитой,
Неуловимый образ золотой...
Как быстро этот образ пропадал!
Ата не призывал его, не ждал:
Одними лишь печалью богат,
Ата теперь не думал о Набат.
Вы скажете: правдиво назови,
Что может быть значительней любви?
И сам он мог воскликнуть: ничего!
Но в правде оправдание его.
Прекрасный мир любви для нас велик:
Любовь — она не только милый лик,
Не только имя девушки твоей,
Но все, навеки связанное с ней:
Все люди дорогие, все дела,
Которыми так жизнь тебе мила...

...Ты помнишь зимний вечер, алый зал,
Где дочь свою народ родной встречал?
Ты помнишь ли ту первую из встреч,
Ту радостную, трепетную речь?
Высокою заботой занята,
Набат тогда забыла об Ата,
И также говорили мы о ней,
Что правдою оправдана своей.
Итак, она сердиться не должна, —
Я верю, что подумала она:
«Пускай не обо мне твои мечты, —
Тем больше, значит, любим — я и ты!»
Но вот настал какой-то свежий час, —
Мир темноликих образов погас,
Мир огненных и темных лиц и слов,
Грозящих рук, сердитых голосов, —
И лишь один — не страшен, не тяжел, —
Знакомый образ солнечный взошел,

И ясно вспомнил юноша: «она» —
Очнувшись от густого полусна...
Во рту он ощутил, как век назад,
Прохладу, сладость и тени «Набат».
«Как век назад, — подумал, — или год
Те были дни?.. Уж я теперь не тот!..
С самим собой суровый, как с врагом,
Не мог уж думать ни о чем другом, —
О ней одной все помыслы, о ней:
«Нет, не простит доверия тех дней...
Я обманул!»

И все же в тишине
Порой мечтал: «Она идет ко мне,
Она идет...»

И радовался он,
Что помнит головы ее наклон,
И радовался он, что удалось
Припомнить ясно блеск ее волос —
Черней смолы, но часто на свету —
В них радужный огонь — сквозь черноту,
«Я обманул!» и вновь: «Она идет!» —
Он думал дни и ночи напролет.
И весел был бровей ее размах,
И пляшущие искорки в глазах,
Рассыпанные бисеринки в них,
Как множество фонариков цветных...
«Она идет!..»

Как летом, налегке,
С какой-то пестрой сумочкой в руке...
Вся в ярkobелом... Платье, как халат...
Почти как настоящая Набат!
Он только что проснулся, — потому
Все виделось сначала, как в дыму:
На спинку стула сумочку она
Повесила, немного смущена,
У самой двери...

Явственно видна,
Вперед шагнула, стала у окна,
Взглянула на Ата. Взглянул и он.
И бросилась к нему... То был не сон!
Склонилась головой к нему на грудь, —
Так бред пустой не может обмануть.

Ее волос крученые шелка
Разматывала юноши рука,
Запутывала их, чтобы вновь, опять
На пальцы намотать и размотать...
Два сердца, разлученные давно,
Стучались, наконец, одно в одно.
Из тысячи вопросов ни с одним
Не обратясь, робела перед ним.
Сказать он что-то нужное хотел,
Он будто бы над миром с ней летел,
Но, с пальцами его свои сплетя,
Она в слезах смеялась, как дитя.

* * *

Мгновенье пролетело или час —
Они не знали, к счастью привыкая...
Потом Набат на время скрылась с глаз,
Потом пришла Набат — уже другая.
Настойчивая, как в былые дни,
Рассказывала о своей тревоге...
Потом молчали, думали они,
И мысленно друг к другу были строги...
Потом воспоминанья прошлых встреч
Смешили их, и все казалось мило...
Потом его неистовая речь
Врасплох ее внезапно захватила.
Пора и на работу выходить.
Пора к народу, кончена больница,
Там люди заждались. Должны судить.
Подумаешь, он хочет обелиться?
Он вывернуться хочет? За подол,
За докторский халат схватиться, значит?
Товарищей, начальников подвел, —
А там, быть может, суд над ними начат?
Да! Это он, Курбанов, виноват!
Его затейки и его повадки.
Он парень был неверный, говорят, —
На легкие успехи больно падкий...
Азарт его губил... И вот — провал!
Нет, не было сознательных обманов...
Он кару понесет. Он осознал.
Клянется, что исправится Курбанов!

Набат его хотела перебить.
Но все, чем ни утетишь, — глупо, мелко,
И срок, что ей позволили пробыть,
Давно уже истек...

Вошла сиделка:
— Вы можете в приемную зайти,
Ата Курбанов,

к вам пришли по делу. —
«Так вот как... — Он подумал: — Все пути
Пересеклись. И горе подоспело.
Там, вероятно, следователь ждет.
Что ж, пусть проверят. Хорошо, что выжил:
Друзей хотя б избавлю от невзгод...»
Одернул на себе халат и вышел.
Она не колебалась. Побледнев,
Одно мгновенье собирала силы...
И вспыльчивость Ата и светлый гнев
На самого себя ей были милы.
Ведь все еще Набат на промыслах
Держалась робко, говорила мало.
Уже ее не мучил тайный страх,
Но что-то ей зайти в партком мешало,
Она со всеми избегала встреч,
Что знали и расследовали дело:
«На сторону свою хочу привлечь,
Подумают!»

Мешать им не хотела.
«Но кто-то строгий ждет... Курбанов прав,
Что это так... Признаться — дело чести».
И вышла следом, голову подняв:
Быть в трудную минуту рядом, вместе!

* * *

Кто скажет — не было тоски?
Кто скажет — не было тревог?
В руке дрожащие листки —
Недельных выкладок итог.
О чем тревожиться?.. Чудак!
Но все могло бы быть не так.
«Нам оправданье и почет —
Добыча, начатая в срок.
Газеты все наперечет:

Как дебит скважины высок!
Дается дереву цена
По весу, качеству плода.
А людям в наши времена —
По результатам их труда.
И впрямь — сказать по существу —
Он научился мастерству!»
Да, прав партийный комитет...
Что делать с юношей? — вопрос.
Он наказал себя! — ответ.
Не мало горя перенес...
Кто скажет — не было тревог?
Ответ парторга — их итог.
(Он не один ответил, — с ним
Организация была.
Запомним, точно повторим:
Ведь иногда слова — дела!)
«Дела, уроки этих дней...
Давай-ка, память, поточней!»
«Ты нам писал. И ты был прав,
Крутой вопрос себе задав.
Какой дорожкой парень гнал,
Мы знали. Был у нас сигнал.
Но вся история — сложнее,
Чем прежде думалось о ней...
Пока мы все для всех работ
Осмысливали переход —
Вперед на новую ступень,
Что им владело? Нет, не лень,
Не равнодушие, отнюдь,
И не стремленье обмануть!
Но, не заботясь ни о чем,
Как говорят, «наддав плечом»,
Он выезжал по простоте
На грубой силе, быстроте,
И тем горда была душа,
Что выработка хороша.
В соревнованиях он был
Поближе к первым. Полон сил,
Другим нередко помогал,
И в том он доблесть полагал,
Чтобы добиться своего,
А как, — не трогало его.

Вот в чем ошибка. Вот она,
Вот в чем Курбанова вина.
А ты? Тебя не упрекнем.
Ты, впрямь, заботился о нем.
Так учат плавать новичков:
Сам должен выплыть. Смысл таков.
«Братишка младший... ученик»! —
Ты звать Курбанова привык.
Ну что ж? И впредь руководи.
Большое дело впереди —
Проходка новая, расчет
Наитруднейший. Слава ждет.
Ты нам писал. Но ты не прав,
Причин беды не разобрал.
«Азарт», «лихачество», «просчет», —
Запутается, кто прочтет.
Неверно. Нет ничьей вины.
Землей условия даны.
Под нами что? — Разгул слепой,
Хаос под тонкой скорлупой,
Стихий бессмысленная дурь,
Котел кипящий, кухня бурь!
И честь и слава тем, кто здесь
Смирят злобу их и спесь!
Здесь богатейшие пласты,
И здесь — труднейшие посты.
Здесь неизбежна иногда
Гроза, стихийная беда.
Побольше способов работ
Наука ищет и найдет.
Но ты не прав. Виновных нет —
Таков комиссии ответ.
Большая прибыль — это есть.
Что скажешь? Радостная весть?
Но кругозор у нас широк,
И был попутно дан урок.
Дела, уроки этих дней!..
Давай-ка, память, поточней».
Ответ парторга... Счастье знать,
Что друг вернется в строй опять...
Проходка новая, расчет
Наитруднейший. Слава ждет!
В приемной — тошно от тоски,

В палату лучше бы зайти.
В руке дрожащие листки.
Подать: пожалуйста, прочти.
Да не один в палате он.
«Мешать не стоит — обозлен...
Тут подойти еще сумей,
Он постороннему не рад,
Он не один теперь, а с ней —
С Тувакмамедовой, с Набат,
Что убегает от меня
На промыслах — с того же дня!..»
Так в нетерпении своем
Кузьмич владел собой едва.
«Сейчас останемся вдвоем...
Простые будто бы слова,
Слова от сердца — не от книг:
«Братишка младший, ученик»?
Уже вошел Ата и стал —
Лицом к лицу. Глаза в глаза.
Он не узнал и неспроста:
Поверить радости нельзя!
Но вот неловко поднялся,
Смеется, юноше грозя:
— Еще история не вся! —
Ата стоит — глаза в глаза,
А по щекам ползет слеза...
Набат из-за его плеча
Глядит на Павла Кузьмича...
Лишь тот оценит, кто постиг
Рабочей близости язык,
Что это значит, как звучит:
«Братишка младший, ученик»!
(И я до слез бываю рад,
Когда о ком-то говорят
Не это строгое «мой друг»,
А по-туркменски — «старший брат»)).
Но, по-мужски стыдясь чуть-чуть
Смешными быть кому-нибудь,
Борьбу затеяли шутя,
Друг друга норовя толкнуть...
Как возглас дружеский хорош,
Но скрыл взволнованную дрожь
Их грубоватый, добрый смех:

— Теперь уж, брат, не удерешь!
— А что касается... сдана
В эксплуатацию... сполна
Подсчитано, что нет потерь...
Нет! Буря — не твоя вина!
И что касается... не ты —
Природа строила пласты!..
— Э, брат, — нахмурился Ата, —
Мои тревоги не пусты.
Пусть подтвердит тебе Набат,
Как я работал... Плохо, брат!
Большое счастье, что не я
Виновен... что меня простят...
— Но что касается... Как раз
Обоих переводят нас
На фонтанирующий пласт:
Понадобится глаз да глаз.
Почет!.. —

Но лучше бы молчал.
— Идем! — Курбанов закричал. —
На промысла давно пора!
Без толку держат доктора!
От правды сна не отличал, —
Не то бы вырвался вчера!
На боевую вахту стать —
Доверье, дружбу оправдать!
Пора мне быть на буровой,
Не жить чужою головой:
«Извольте спать, извольте лечь,
Извольте кровь свою беречь!»
Друг растерялся... Он спросил
Набат: — Куда ему без сил? —
Но как с ума сошла и та —
Держала сторону Ата:
— Проси! Отпустят — мы пойдем...
Мы, как всегда, одним путем!..

* * *

Дальнейшее рассказывала позже
Немолодая женщина другой,
На первую нисколько не похожей,

Но близко нам знакомой, дорогой
Не слушала.

Пыталась быть построже...
И вот что говорит она о нем:
— Дивишься этой нашей молодежи, —
Тверды, как прокаленные огнем,
Я помню — привезли его... Ребенок!
Защиту он тогда искал во мне
От мыслей неприятных. Звал спросонок, —
С виденьями не быть наедине...
Он — круглый сирота, сказал однажды,
Он в Красноводске, в интернате рос...
Когда в нем пробудилась эта жажда
Могущества и власти? Вот — вопрос.
Мечтает он о власти над природой
И над самим собой.

Простой на вид,
Птенец еще, по правде, желторотый.
«Мы все — богатыри, — он говорит.
Есть правило у нас, — твердил он смело: —
Кто хочет быть здоровым, тот здоров,
Хозяин я своей души и тела!»
Так, помню, убеждал он докторов.
И чувствовалась в нем такая сила,
Так рвался он, сердясь, к борьбе, к труду,
Что я его, признаться... отпустила...
Боялась, что ему же на беду...
А вот он, между тем,
здоров, похоже.
Не зря ему поверили...

Ну что ж,
Подумаешь об этой молодежи —
И разве что руками разведешь!..

* * *

...Совсем это не сказки, это — были,
Зря старые руками разводили...
Любила, чтобы гости приходили,
Все вымыла, все вычистила мать.
Мечты свои невольно выдавая,
Соседям говорила: — Хоть вдова я —
Полна муки и риса кладовая...

Для свадьбы не пришлось бы занимать!
А время не рогожное прядется —
Из шелка разноцветного плетется...
Недаром ей приснилось, что придется
Могущественных, знатных принимать:
Старик, которым промысел гордится,
И врач, которым славится больница!..
О третьем ей еще не говорится,
А надо с полуслова понимать...
Стара Эне-эдже... Откуда сила?
Уже за шестьдесят перевалило,
Одно ей было дорого и мило —
Набат свою растить и поднимать.
Вот песенку запели. Да, бывало,
Когда-то разве так она певала?
Теперь перепугаешься сначала:
Бормочет или плачет — не узнать.
Сощурились глаза ее, как щелки,
А руки что-то шарили на полке —
Хлопочущие, крыльям перепелки,
Трепещущим, подрезанным, подстать.
То скатерть раз в пятнадцатый оправит,
То новую пиалочку поставит...
Никто ее стола не обесславит.
Гостей-то как по-русски принимать?
«Пришли они... Стучат они... Открою!»
Погладила счастливою рукою,
Набат свою не видела такою.
Вопросами не стала донимать.
«Так вот он, значит, юноша, который
Отныне будет дочери опорой!
Такой широкопечий, ясновзорый!»
Как молодость свою не понимать?
Да руки только слушаются худо,
Нетрезвая какая-то посуда...
Пустое — хорошо — упало блюдо,
Он кинулся со смехом поднимать.
Пронять его хотела строгим оком,
Да сдвинула пиалку ненароком,
А та и заплясала как-то боком, —
Он ловко подхватил ее опять.
Бутылка покатилась — что за шалость? —
И сердце у хозяйки так и сжалось:

«Ах, вылился «Тер-баш», какая жалость!
А все-таки нам нынче благодать!»
Старик расхохотался: — Не осудим, —
Пора и поразвлечься добрым людям, —
Бутылками играть сегодня будем! —
Стал чашки у хозяйки отнимать.
— Готовься-ка, сестрица, скоро к тою!
Все дело только, видно, за тобою.
Не будет от гостей больших отбою:
Нефтяники — прославленная знать!

* * *

«Не будет от гостей больших отбою:
Нефтяники — прославленная знать!»
Но что за этой сценою простою
Скрывается — обязаны мы знать.
Покажется ль порою сердцу тесно,
Захочется ли глубины небесной,
Измерь пучину жизни, — это бездна,
Пронизанная светом, как весна!
О сыне рыбака в давнишнем споре —
Кто знал, что он окажется не в море,
На вышке нефтяной встречает зори?
В железной черноте цветет весна...
Высоко на холме, сухом, горячем,
Есть рыба золотая — видно зрячим.
Так клады мы находим, а не прячем.
Во мраке, под землей, живет весна.
Там роют, под землей, дорогу к свету,
И войнам, сотрясающим планету,
Не суждено прервать работу эту, —
И не задержит свой восход весна!
Подземных гроз незримые орудья
По людям бьют из черного безлюдья, —
Сын рыбака встречает бури грудью...
Раскаты гроз, шум непогод — весна!
Пока он не достиг заветной цели,
Не будет он застигнут на пределе
Коварной смертью... Годы и недели
Все будет течь, пока зовет весна!..
Где душны дни и непроглядны ночи,
Ему судьба сулила жить века,

Но русский человек — простой рабочий
Сказал: — Не бойся, вот моя рука. —
От рудников и буровых, и домен
В пустынный край пришел он, прост и
скромен,
Как великан народных грез, огромен, —
Поднять пласты, разворошить века;
В пустынный край, в угрюмые просторы
Привел он жить машины и моторы:
Он вздыбил степи и пригладил горы, —
Не смела смерть заморозить века!
Он черной влаге из ущелья злого
Дал имя «нефть» — и сделал светлым слово.
Раскрыл он тайны клада векового,
Заставил новым дням служить века.
За рычаги и за штурвалы браться
Учил он тех, что их не смел касаться, —
Он с ним самим учил их состязаться
И на века опережать века.
Дочь пастуха он вызволил из плена,
Могучим сделал юношу-туркмена.
И ныне он ведет их неизменно, —
Ему хвалу должны сложить века!

* * *

Коль твой халат изодран, — говорится, —
Он от мороза, ветра не спасет,
В одежде грязной незачем бодриться —
Тебе весна любви не принесет,
Коль новизна — обманчивая маска,
Коль старина затягивает вязко,
Горька, вонюча прошлого закваска,
Не добредешь обманом до высот.
Когда былого бешеные орды
Тобой вертят, — и вертишься, нетвердый,
И манят в ночь оскаленные морды, —
Как доберешься, пьяным, до высот?
Лишь новизну признай своим законом,
Ты чувствуешь себя новорожденным,
Повитым в шелк и в свежесть погруженным —
И жадно дышишь воздухом высот!
Для всех живых отжившее — темница.

Зерно на свет из шелухи стремится,
А кто созрел, но в скорлупе томится,
Того, поверь, и солнце не спасет!
Не замирай, не уставай стремиться:
Из сердца сердце новое родится!
Из сердца сердце новое родится —
Тебе и жизнь, и счастье принесет!
Мои герои за себя в ответе.
Но в том и суть истории моей,
Что их бы вовсе не было на свете,
Когда бы не течение наших дней.
Еще ничем их бытие не славно,
Еще живут по-детски, своенравно,
Но в том и суть, что существуют явно
В реальности и славе наших дней.
Еще в грядущем — подвиг и победа,
Еще трудна, нескладна их беседа,
Но размышляет дочь Тувакмамеда
О долге и о праве наших дней!..
Так кто же тот, творящий и ведущий,
Кто создавал их огненные души,
Единый в небе, в море и на суше,
В доподлиннейшей яви наших дней?
Кто населил пустыни и такыры¹
Людьми живыми, новыми для мира,
Работниками, жаждущими мира,
Искрящимися в сплаве наших дней?
Кто окрылил их благородной страстью,
Кто дал им благо братского участия,
Кто подготовил души их для счастья?
Хвала и слава партии моей!
В песках пустынь, где смерть природе мстила
За каждый вздох, любви живая сила
Людей прекрасных, как цветы, взрастила...
Хвала и слава партии моей!
Рассказ — к концу, а жизнь еще в начале.
Мои герои мало повидали.
Еще вдали сияющие дали...
Хвала и слава партии моей!
Все дальше в гору путь моим героям,
И перевал им предстоит опять.

---

¹ Т а к ы р — бесплодная глинистая равнина.

Что ж, добрым пиром силы их утроим,
А времена не повернутся вспять...
Придаст нам шутка мужества и мощи,
В делах житейских надо быть попроще.
Пусть дети скажут матери и теще:
— Эне-эдже, готовься к тою, мать!

Забудь, Эне, о древности бесправной,
Желая детям молодости славной,
Я наполняю кубок твой заздравный,
Чтобы за нашу Партию поднять!
За молодых, за старых и за малых
Подыдем чашу в этих искрах алых,
За повести, простые в их началах,
Чтобы в дальнейшем сложное понять!
За будущие дни в потоке света,
За будущие месяцы и лета,
За будущую песнь того поэта,
Кем будет наша молодость воспета,
Кто чашу и за нас велит поднять!

1952

ВЕСНА НА ЗЕМЛЕ ТУРКМЕНСКОЙ

I

Еще горело солнце вполнакала
И не сходил термометр с ума,
Я вдаль глядел с высокого холма
Над желтою стремниною канала.

На стыке новых и минувших дней,
Добры, вольнолюбивы, не угрюмы,
К покою неприученные думы
Пришпоривали преданных коней.

А небо было цвета бирюзы
И падало к земле по воле взора.
Сливался звук летящей стрекозы
И авиационного мотора.

И с прозвищем давно минувших лет
Поодаль Волчья впадина лежала.
Впечатан был в нее не волчий след,
А рубчатый, двойной от самосвала.

Я был с самим собой наедине,
К свободным мыслям сердце приобщалось.
И слышалось и чувствовалось мне,
Как колесо истории вращалось.

Шел день по зеленеющей кошме,
Поры весенней подавая знаки,
В руке сжимая огненные маки,
Его встречал я, стоя на холме.

О детстве вспомнил. Мог бы в этот день,
Вновь под наплывом голубого звона,
Задорно сбросив шапку и чекмень,
Я покатиться кубарем со склона.

Лучком бы диким закусил я всласть,
За бабочкой помчался бы вприпрыжку,
Но возраст, трезво проявлявший власть,
Мне превращаться не давал в мальчишку.

Степь запахов была полным-полна
И щекотала ноздри мне в охоту.
Двадцатое столетие. Весна.
И шестьдесят четвертый год по счету.

И видел я, как двигалась вода,
Пески неумоимо подмывая.
Буйна, коричневатая и горда,
Как будто бы верблюдица молодая.

И мне казалось, что она врасплох
Песок в старинном логове застигла,
Который издавал последний вздох
И на нее кидался вроде тигра.

Барханы исчезали без следа,
А это в жизни значило немало.
И разливалась в озере вода
Овеянного славою канала.

2

С утра небеса голубели,
И клином из теплой земли
Извечной дорогой летели
Курлычущие журавли.

И синие версты листая,
И глядя на степь свысока,
Решила крылатая стая,
Что это вина вожака.

Он сбился, наверно, с дороги,
Оставив пески в стороне,

И птицы трубили в тревоге
Над степью в сквозной вышине:

«Не там мы летим или чудо
Виднеется нам с вышины?
Круг озера взялся откуда,
В котором мы отражены?»

По времени быть Каракумы
Под крыльями стаи должны,
И нам, словно желтые пумы,
Должны быть барханы видны.

Над Каспием мы пролетали,
Где волны бездомней бродяг.
Ошибся вожак наш едва ли,
Вон виден вдали Копет-Даг.

Похоже, что держимся строго
Пути мы, взлетев в небеса,
И, зримые, волею бога
Возникли внизу чудеса.

А может быть, создали люди
Все это в песчаном краю? »
И птицы трубили о чуде,
Тень на воду бросив свою.

А люди и вправду что боги,
Творить чудеса им подстать,
Прокладывать к звездам дороги
И реки повертывать вспять.

В поджарое лоно пустыни,
Где рыскал самум искони,
Аму-Дарьи воды пустили,
Взяв власть над природой они.

И маки на свет появились,
И к самой воде подошли.
На дивное диво дивились
Курлычущие журавли.

Исчезло обличье пустыни,
Такая вокруг благодать,
Что впору их стаям отныне
Не в Африке — здесь зимовать.

Да будут вам, добрые птицы,
Туркменские земли милы,
Мы, ваши встречая станицы,
На ружья наденем чехлы.

По воле извечного курса,
Возникшие в синей дали,
Тянулись к равнинам Гяурса
Курлычащие журавли.

3

Был приютом Куртли не вчера ли
Для лисиц, что тянулись к жилью?
Здесь гремучие змеи меняли
Обветшалую кожу свою.

Быстроноги, матеры, поджары,
Презирая собак и свинец,
Волчьи стаи врывались в отары,
Уносили на спинах овец.

Мел песок без конца и начала,
И вблизи караванных путей
Миражами вода возникала
Пред глазами усталых людей.

Видел озеро путник иль реку,
К ним бросался он с криком:

— Вода! —

А навстречу неслась человеку
Лишь песков золотая орда.

Не спасали ни шапки, ни шубы
От меча раскаленной страды.
И не раз почерневшие губы
Воспаленно шептали:

— Воды!

И бывал оттого в печали,
Что безоблачна синева,
Что сады его погибали,
Жухла тутовая листва.

Суховей, как безумный всадник,
Прямо мчался по грядам роз
И, ворвавшийся в виноградник,
Не щадил истомленных лоз.

Горожане вступали в споры
От безводья лихих годин.
Запасались водой шоферы,
Был дешевле ее бензин.

О, природы несправедливость,
Не в тебе ли был корень зла?!
Ты в душе поселить злобливость
И жестокость порой могла.

И сквозь огненную преграду,
Подчинявшаяся уму,
Восемьсот километров кряду
Пробежала река Аму.

И за дерзостный труд в награду —
Зеленей, расцветай, живи!
Отдалась она Ашхабаду,
Это город ее любви.

5

Издревле славилась коварством
Природа края моего,
В нем и богатством и лекарством
Вода считалась оттого.

Держа ладонь как будто ковщик,
Мулла,
                    что перешел Аму,
Поил с ладони занемогших,
И люди верили ему,

И хоть дехканин был двужильный,
Ему, дохода не суля,
Плитою иногда могильной
Казалась отчая земля.

Холмы, такыры и овраги,
Меж них на лоне вековом
Земля,
      где был источник влаги,
Казалась райским уголком.

Одна вода творила благо,
Всем суховеям вопреки,
Взять, например, хоть с Копет-Дага
Сбегающие родники.

Тонюсенькие,
      словно льют их
Туркменских чайников носы,
Под небом дней, от зноя лютых,
Они журчат не для красы.

В Ахале жить бы можно славно,
Тут был бы рай наверняка,
Но жаль, что слишком своенравна
Дочь ледников — Теджен-река.

То пересохнет это чадо,
То сносит пашни на пути,
Здесь, как в игре азартной, надо
На риск крестьянину идти.

И, в отводные русла тычась,
Мургаб,
      где зной на все горазд,
Способен воду дать для тысяч,
А кто для сотен тысяч даст?

Аму-Дарье молились люди,
Им верилось:

      издалека
Еще придет она и будет
Погибель логову песка.

Но до нее многонедельный
Когда-то простирался путь.
И дул самум в свой рог метельный,
И целил зной стрелою в грудь.

Плескалась вдалеке блаженно
Каурая Аму-Дарья.
И в степь однажды из Теджена
Мы выехали, помню я.

Четыре всадника. При нас
Оружье и воды запас.
Марыйским большакам вначале
Легко бежали скакуны.
Был год сомнений и войны,
Был год надежды и печали.

У нас тогда была задача
В штаб Красной Армии попасть.
А на востоке день горячий
Разинул огненную пасть.

Алела дымка тучек беглых,
Дымились желтые холмы.
В дороге на дозоры белых
Боялись напороться мы.

На третьи сутки опустели
Из бычьей кожи бурдюки.
От пыли шапки поседали,
И соль проела башлыки.

И злобно в лица нам дышала
Жара, как бешеная рысь.
И наши губы запеклись
Ее не выдержав накала.

И не было во рту слюны,
Чтобы смочить их осторожно.
И губы сделались черны
И ныли в трещинах безбожно.

А воздух маревом багряным
Струился.

И текли пески,
А кони наши шагом пьяным
Шли, высунувши языки.

Орлы на выцветшем овале
Писали плавно виражи.
И перед нами возникали
Мучительные миражи.

И, покоряясь злему року,
В самумном выжженном краю,
Вдруг впереди неподалеку
Увидел я Аму-Дарью.

Она звала, к себе манила,
Надеждой призрачной даря,
И отступала, отходила
Коварная Аму-Дарья.

Я заклинал ее с мольбою:
— Простой и милостливой будь.
И не расстанусь я с тобою,
В себе готовый утонуть.

Не убегай ты, сделай милость! —
Но все заклятья были зря.
Мне, как в бреду горячем, мнилась
И чудилась Аму-Дарья.

Но представление о чуде
Я получил в тот день, когда
Предстал туркмен нам на верблюде, —
В челеке¹ у него вода.

6

Всегда о расстоянии иметь
В согласье с веком представленье надо.

---

¹ Челек — бочка.

Перед людьми туркменскими папаху
Снимает время в этой стороне.

7

Историки и путешественники,
Я ваши записи читал.
Событий многих вы предшественники,
И подвиг каждого не мал.

Вы становились очевидцами
Обычаев,
открытий, драм.
Дышал я вашими страницами
И в мыслях поклонялся вам.

И снова слышал над барханами
Я колокольчик в тишине,
Затерянными караванами
Казались звезды в вышине.

Быть схожими с морскими волнами
Барханам издавна дано.
Средь их сыпучего безмолвия
Немало душ погребено.

С пустыней сладить — дело трудное,
Но, как известно даже мне:
Природный газ и нефть подспудная
В ее таятся глубине.

И вдоль воды луга парчовые
Пролягут из конца в конец.
И пусть на них каракульчовые
Пасутся полчища овец.

Сегодня машинист бульдозера,
Великой битвы ветеран,
Глядит на сказочное озеро
И нежно шепчет: — Огузхан!

Бредут травинки — словно гномики.
Над ними тучка как тюрбан.

8

В руке сжимая вольное перо,
Благодарю Советское правительство,
Оно на третью очередь строительства
Дало свое верховное «добро!»
Правительство народное. И я
Поэт народный,
                                вот и получается,
Чем жив народ и чем народ печалится,
Известно нам.

Мы в гуще бытия.

Законно, что в сердечном нетерпении
Пришпорить людям хочется года.
И главное из чаяний Туркмении,
Чтоб в каждый уголок пришла вода.

В словах лить воду трудность невеликая,
Труднее напоить простор земли,
Который истерзала жажда дикая
И о котором пел Махтумкули.

И вот канал рекою судоходною,
Осуществляя чаяния времен,
Дошел до Ашхабада
и народною
Любовью благородной окружен.

9

Нет автомобиля лучше газика,
С ним мы закадычные друзья.
Степью до Тедженского оазиса
Добирался не однажды я.

Запасался полными канистрами,
Начиная медленный пробег.
Разговоры вел с бульдозеристами,
В их палатках проводил ночлег.
И в песках над трассою размеченной
Ночью фары прорезали мглу.

И вот умолкать начинали цикады,
Все делалась жарче с утра синева.
Короткой весны выцветали наряды,
Туркменское лето вступало в права.

Огонь поднимало оно над собою
И травы вокруг выжигало живьем.
Кричать начинала разбойной совою
Долина, что пела вчера соловьем.

Рукою подать от зари до заката,
Поныне седые гласят письма,
Что разум в долине Гяурса когда-то
Посеял на счастье свои семена.

В долине Гяурса стихи сочиняли,
И хлеб колосился, и овцы паслись.
И жизнь ликовала, не зная печали,
Смотрелась в арыки небесная высь.

Но гиблой поземки летучая охра
В набеги кидалась и сеяла зло.
И жизнь постепенно от этого глохла
В долине Гяурса, а время текло.

И жаркие стрелы полуденной сини
На радость шайтанам вонзились в пески,
Но мы, словно боги, здесь жизнь воскресили
Живою водой Каракумской реки.

11

Долину Гяурса окинул я взором.
И вот предо мною во всей красоте
Предстали поля в благодатную пору,
Подобно узору на ярком курте¹,

Еще ни домов, ни палаток,
Вокруг лишь угодья одни,
Но есть стародавний порядок,
И в наши он действует дни.

---

¹ Курте — праздничный женский халат.

Имеется ль крыша над вами
Иль нету пока таковой,
Вам щедрыми быть пред гостями
Обычай велит вековой.

Гость добрый всегда как награда;
Коль ждете гостей дорогих,
Согласно обычаю,
  надо
К приему готовиться их.

В дороге,
                        да это не ново,
И полночью звездной и днем
Желанного гостя иного
Молва обгоняет о нем.

И вот потекли разговоры,
Как будто несла их вода,
Что гости высокие скоро
В машинах приедут сюда.

И к тою пошла подготовка,
Но, чтоб подготовить его,
Нужна в этом деле сноровка,
И знание, и мастерство.

Вот белобородый умелец,
Возглавил отряд поваров.
Был нос его красен, как перец,
А брови — как пара орлов.

Он в праздничном красном халате,
Изысканной кухни знаток.
И все быть должно в аккурате,
Обычай ценит Восток.

По части создания плова
Сравнится ли кто-нибудь с ним?
— Огонь поубавьте! — сурово
Кричит подчиненным своим.

— А ну, попроворнее, сони,
Не время лежать на кошме!
Подсыпьте в баранину соли!
Снимайте с огня чекдырме!¹

Прекрасен старик в своем чине,
Всезнающ, как будто аллах.
И сам отбирает он дыни,
Чья кожица вся в письменах.

Огромны, сочны и медовы,
Такими родил их баштан.
Во рту они таять готовы,
Зовется их сорт вахарман.

И смотрит старик, чтоб чуреки
Имели загар золотой.
Особый талант в человеке,
И той без такого не той.

Дорога бежит вдоль района,
Где раньше клубился песок.
Все будет согласно закона,
Обычай ценит Восток.

12

Почтенному гостю в преддверии пира
(Обычай не зря сохранили года)
Поджаристый, пышный и прямо с тамдыра
На счастье чурек преподносят всегда.

Приветствие — доброй беседы предсловье,
Его произносят уста старика:
— Пускай вам вовек не изменит здоровье,
Пусть повод удачи сжимает рука!..

Осеннего месяца воздух не зноен,
Желанные гости сидят на ковре.
И хоть не у всех голова в серебре,
Но каждый из них уваженья достоин.

---

¹ Чекдырме — острое мясное блюдо.

Ножом, что увенчан старинной резьбою,
Разрезаны дыни,

их доли сочны.

И старший, и младший равны меж собою,
Чины здесь и званье отменены.

Друг друга по имени лишь величая,
О деле толкует непраздный народ.
И благоуханье зеленого чая
На уровне теплой беседы течет.

Министр ли ты или просто дехканин,
Бери пиалу и садись на ковер.
Туркменский старик и старик россиянин
Житейский ведут меж собой разговор.

Спросил россиянин:

— А год вам который?

— Да семидесятый вступает на пост!

Но я, слава богу,

мужчина не хворый...

— И старости лишь наступили на хвост...

— Пока и не думал о старости вроде.

И нам ли печалить болезнями жен...

— Слышал,

поговорка есть в вашем народе.

Живет она, мудрая, с давних времен...

— А что же в пословице той говорится?

— Коль не ошибаюсь, она говорит:

«Кто жнет языком, у того поясница
От этой работы совсем не болит».

Слышал и вторую, что с первой схожа,

И тоже со смыслом она не простым:

«Зайчатины тот, мол, объестся не может,
Кто зайца патроном убил холостым».

— Пословицы эти мой дядя придумал.

Девяносто ему. Обижается он:

«Иметь мне — мужчине,

скажи, почему, мол,

Вторую жену запрещает закон?»
И с хитрой улыбкой,
                                веселия ради,
Сказал аксакал, приосанясь слегка:
— Достойный племянник я этого дяди
И не опираюсь на посох пока!

Потом из пиал они отпили чая
И, бросив на воду журчащую взор,
Дела по достоинству их величая,
Хозяйский всерьез повели разговор.

Промолвил дежканин:
— Я вырос в пустыне
И дожил до чуда в родной стороне:
В пески каракумские воду пустили,
Такое лишь виделось дедам во сне.

Вот земли воскресли, богатство рожая.
Теперь нам, колхозникам, план по плечу,
Теперь мы творцы своего урожая.
И я о канале сказать вам хочу:

Конечно, не боги мы — смертные люди,
Но на небе бог,
                        как в Москве я слышал,
Всем ангелам лично поведал о чуде,
Когда увидал Каракумский канал.

— Выходит, и мы чудотворцы...
— Не спорю
И с мнением этим согласен вполне...
— Скорей бы канал наш приблизился к морю,
Возникнут субтропики в той стороне.

И райскими многие станут районы.
Инжир, и гранаты, и грецкий орех,
Маслины, хурма, апельсины, лимоны —
Даров не смогу перечислить я всех.

— Всему свой черед!

— Да, обширны просторы...

— До встречи, почтенный!

— Желаю добра! —

Уже за баранки садятся шоферы,
Прощаться с гостями настала пора.

И вспыхнули звезды над бывшей пустыней,
Но люди забыли о времени сна.
И круглой, созревшею, желтою дыней
На волнах канала качалась луна.

13

Прорезав Балканские горы,
Большой наделенный судьбой,
Стремился в былинные годы
К Хвалынскому морю Узбой.

Прослыл тогда житницей знатной
Не зря по востоку всему
Край сказочный, край благодатный
От Каспия и до Аму.

И утро в халате багряном
Дивилось угодьям дежкан.
И звался тот край Бал-аканом,
Что нынче зовется Балкан.

Но вот повернула к Аралу
Аму,
и Узбой пересох.

И край этот мало-помалу,
Страдая от жажды, заглох.

Остались лишь гласом в пустыне
Заклятья людские с мольбой.
И перед полями пустыми
Лежал невоскресший Узбой.

И двинулись вдаль караваны,
И стал уходить что ни год
В соседние земли и страны
Бедою гонимый народ.

И, желтый, как будто полова,
За шквалом вздымающий шквал,

И куртки замасленный ворох
Рванул у подножья Балкан,
Горячие губы весь город
Мечтает подставить под кран.

Но скупо вода в Небит-Даге
По трубам струится сейчас.
Ее на работу в баклаге
Нефтяник берет про запас.

Сюда к буровым не однажды
Я шел на свиданье, как друг.
Здесь ждут утоления жажды
Не только все люди вокруг,

Но ждут ее также моторы,
И кустики, и деревца:
И о воде разговоры
В горькоме идут без конца.

И воду везут вертолеты
К разведчикам недр и трасс.
Будь вдоволь ее, и заботы
Могли б сократиться в сто раз.

Здесь чином и званием старше
Вода всех богатств на веку.
И морем должны ее баржи
Везти в Красноводск из Баку.

И в летнюю пору досада
Берет красноводцев опять,
Что в очередь с ведрами надо
За пресной водою вставать.

А рядом грохочущий Каспий.
Гремел бы он пресной водой,
И сразу бы кончились распри
Меж вами, равнины и зной!

А то как за малым ребенком,
За деревцем нужен уход.
И больше, чем винным бочонкам,
Воды воздается почет.

— Эй, мученик в шапке бараньей!
В конце каждодневной страды
О чем ты мечтаешь?

О бане,

Но там не хватает воды.
Распахнуты крылья тугие,
И нынче привычно орлу
На вышки взирать нефтяные
С небес в прикаспийском углу.

Что нефть здесь высокого сорта,
И школьники знают о том,
И черного злата до черта
Имеется в чреве земном.

Где век запустенья был долог,
Царило окрест забытье,
Похожие на богомолки,
Качают качалки ее.

И горя-то будет нам мало,
И вдоволь напьемся,

когда

До Каспия руслом канала
Аму доберется вода.

14

Синеет свод неба полдневный,
Тень на воду бросил баклан.
Я, чувствуя трепет душевный,
Стою пред тобою, Огузхан.

Волну ты взываешь неробко,
И плещешься морю под стать,
Мечтает коробочкой хлопка
Любая из капелек стать.

И колосом спелой пшеницы
Она обернуться не прочь.
Твои зеленеют границы,
И в звездах ты каждую ночь.

И думы, вольны, не угрюмы,
Рождались во мне,

потому

Сливались легко мои думы
С широкой волною Аму.

Я думал, что многие реки
Отсюда в земном далеке
Завидовать в нынешнем веке
Обязаны этой реке.

Великие капельки влаги,
Воспеть вас достойно ль смогу?
Пусть маки, как красные флаги,
На вашем горят берегу.

Всю землю в заветном наряде
Еще мы увидеть должны.
Туркмения станет до пяди
Оазисом вечной весны.

1961

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Х. ТАНГРЫБЕРДЫЕВ. СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПОЭЗИЯ. Перевод Ю. Белова	5
---	---

Стихи

ЛЕНИН. Перевод В. Зубарева	27
КОММУНИСТ. Перевод В. Цыбина	28
В ЛЕНИНСКОМ САДУ. Перевод Г. Веселкова	30
РУССКОМУ НАРОДУ. Перевод Н. Данилова	32
ЗВЕНИ, ДУТАР! Перевод Г. Веселкова	33
КЕМИНЕ. Перевод В. Луговского	35
ЗЕЛЕНый ЧАЙ. Перевод Я. Козловского	37
ПЕСНЯ ОТВАЖНЫХ. Перевод Т. Стрешневой	38
РЕЕТ ЗНАМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Перевод В. Луговского	39
У ПАМЯТНИКА А. С. ПУШКИНУ В АШХАБАДЕ. Перевод А. Тарковского	41
БАХШИ. Перевод В. Луговского	44
НА ПРАЗДНИКЕ. Перевод В. Луговского	45
ТУЧА. Перевод В. Цыбина	46
ВЕСНА ИДЕТ. Перевод В. Цыбина	48
КАЗАХСТАН ЦВЕТЕТ. Перевод Г. Веселкова	49
НА РАССВЕТЕ. Перевод Г. Шенгели	51
БАХАР. Перевод Г. Веселкова	53
ГОРДОСТЬ МАТЕРИ. Перевод В. Цыбина	56
ПУСТЬ ЦВЕТЕТ. Перевод Ю. Гордиенко	58
ЧЕТЫРЕ НАЧАЛА. Перевод Ю. Гордиенко	59
НЕ ДОГНАТЬ. Перевод Ю. Гордиенко	60
НА БЕРЕГУ КАСПИЯ. Перевод В. Цыбина	61
В ГОРАХ БОЛЬШОГО БАЛХАНА. Перевод Ю. Гордиенко	65
ПОГОДА ХМУРИТСЯ. Перевод В. Цыбина	71
НА БЕРЕГУ МОРЯ. Перевод В. Корчагина	73

ЧЕРНОЕ МОРЕ. Перевод Ю. Гордиенко	75
ГУСИ. Перевод Я. Козловского	76
«НЕ ЗАМЕЧАЮ СЕДИНУ...» Перевод В. Корнилова	77
ИСПОРЧЕННЫЙ КРАН. Перевод Ю. Гордиенко	78
ПРОПАСТЬЮ РАЗДЕЛЕННЫ. Перевод Ю. Гордиенко	79
ЕСЛИ ВЕТЕР НЕ ДУНЕТ... Перевод Ю. Гордиенко	80
ПОДХАЛИМ. Перевод Г. Веселкова	81
«СЕДЛОМ НАТЕРЛО ГОРБ У ВЬЮЧНОГО ВЕРБЛЮДА...» Перевод Ю. Гордиенко	83
«И ЕСЛИ ДАЖЕ ВСЕ БЛАЖЕНСТВА РАЯ...» Перевод Я. Козловского	84
«ЛЬВА УЗНАЮТ ДО СРОКА...» Перевод Я. Козловского	84
«ЧТОВЫ ДУШЕ НЕ МУЧИТЬСЯ НАДСАДНО...» Перевод Я. Козловского	84
«В ЖИЗНИ НЕ НАДО ПО МНОГИМ ПРИЧИНАМ...» Пере- вод Я. Козловского	84
«ЗРЯ СТРЕЛУ НЕ СПУСТИТ ТЕТИВА...» Перевод Я. Коз- ловского	85
«ДУША В ТЕБЯ И ПЛАМЕННО И ВЛАСТНО...» Перевод Я. Козловского	85
«ВЕТРЕНО МЕХАНИКА ПРЕВРАТНОСТИ...» Перевод Я. Козловского	85
«МОИМ СЕДИНАМ ОКАЗАВШИЙ ПОЧЕСТИ...» Перевод Я. Козловского	85
«ТОТ НЕ БЕДНЯК...» Перевод Я. Козловского	85
«НЕВЕЖЕСТВО ПОХОЖЕ НА ПРОКАЗУ...» Перевод Я. Коз- ловского	86
«МЕНЯ, — СКАЗАЛ ОДИН...» Перевод Я. Козловского	86
«НЕОТЛИЧИМ, КЛЯНУСЬ Я ГОЛОВОЙ...» Перевод Я. Коз- ловского	86
«НАПРАСНЫ БЫЛИ ВСЕ СТАРАНИЯ...» Перевод Я. Коз- ловского	86
«ЗА КРУГЛЫМ ПОЛЕМ ЩЕДРОГО СТОЛА...» Перевод Я. Козловского	86
«УСПЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ — СТАРЫЙ КОЧЕВНИК...» Пе- ревод Я. Козловского	87
«— ЭЙ, РЕДАКТОР...» Перевод Я. Козловского	87
«НА ЛИХОИМСТВЕ СВОЙ НЕ СТРОЙ ДОСТАТОК...» Пе- ревод Я. Козловского	87
«УЗНАВШИЙ РАДОСТЬ ПОЗЖЕ...» Перевод Я. Козловского	87
«КОГДА Б ИНТРИГУ...» Перевод Я. Козловского	87
«ВЗЯВШИСЬ ЗА ГУЖ...» Перевод Я. Козловского	88
«ИЗВЕЧНО ОБНОВЛЯЕТСЯ СОЗНАНИЕ...» Перевод Я. Коз-	

ловского	88
«В ПОДЛУННОМ МИРЕ...» Перевод Я. Козловского . . .	88
«КОГДА КРОВОТОЧАЩИЕ КУСКИ...» Перевод Я. Козлов- ского	88
«В ЗАЙСКИВАНЬИ СКРЫТА КАПЛЯ ЯДА...» Перевод Я. Козловского	88
«МИР ПОЗАБЫЛ БЫ МНОГОЕ...» Перевод Я. Козловского	89
«НА СТОЛ НОЧНОЕ ЛЬЕТСЯ СЕРЕБРО...» Перевод Я. Коз- ловского	89
«ТРАТИТЬ ДЕНЬГИ ЛЕГКО...» Перевод В. Корнилова . .	89
«ЕСЛИ РЕЧЬ НАПИШУТ ЗА ОРАТОРА...» Перевод В. Кор- нилова	89
«ТЫ, ГОРЛОДЕР...» Перевод Н. Гребнева	89
«В СВОЕМ ВЕЛИЧЬЕ БУДУЧИ УВЕРЕН...» Перевод Н. Греб- нева	90
«ТЫ, СПЛЕТНИК...» Перевод Н. Гребнева	90
«СО СЛОВОМ ДОБРЫМ...» Перевод Н. Гребнева	90
«В ГНЕВЕ НЕ ВИДИШЬ...» Перевод В. Ганиева	90
«ДАРИ, ЧТО ХОЧЕШЬ...» Перевод В. Ганиева	90
«ЗАЧЕМ ВЗИРАТЬ НАДМЕННО...» Перевод В. Ганиева .	91
«ТЕБЯ, ПРИЯТЕЛЬ, МЫ СКОРЕЙ ПОЙМЕМ...» Перевод В. Ганиева	91

ПОЭМЫ

ДЕВИЧИЙ МИР. Перевод В. Рыбина	95
ЖЕРТВА АДАТА. Перевод В. Рыбина	118
ВЕСЕННЕЮ ПОРОЙ. Перевод А. Клёнова	135
ВЫСОХШИЕ ГУБЫ. Перевод А. Клёнова	170
АМУ-ДАРЬЯ. Перевод Н. Асеева	195
АЙЛАР. Перевод А. Кронгауза	232
ТУРКМЕНСКАЯ ПОЭМА. Перевод А. Адалис	301
ВЕСНА НА ЗЕМЛЕ ТУРКМЕНСКОЙ. Перевод Я. Козловского	360

Берды Кербабасев

Избранные произведения в 6-ти томах

Том третий

СТИХИ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТУРКМЕНИСТАН»

Редактор на общественных началах
Э. Скляр.

Редактор издательства Н. Ушакова.

Художник В. Моисеенко.

Художественный редактор А. Снятин-
ский.

Технический редактор Г. Артыкова.

Корректоры А. Ерошевская, В. Соколова.

Сдано в набор 17/V 1970 г. Подписано к
печати 19/IV 1971 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 12,125. Привед. печ. л. 20,37.
Уч.-изд. л. 17,48. Тираж 50 000. ИТ № 9622
Заказ № 612. И — 03344. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Туркменистан», Ашхабад,
ул. Гоголя, 17-а.

Набрано на Саратовском ордена Трудо-
вого Красного Знамени полиграфическом
комбинате Росглавполиграфпрома Комите-
та по печати при Совете Министров
РСФСР, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Отпечатано с матриц в типографии изда-
тельства «Таврида» Крымского ОК КП
Украины, Симферополь, проспект Кирова,
32/1,

2 р. 10 к.

Берды Кербабаев 3